

МИЭТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Экономические и социально-гуманитарные исследования *Научный журнал*

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации:
ПИ № ФС77-69191 от 24 марта 2017 г.
Распространяется по подписке
Подписной индекс в АО Агентство «Роспечать»:
80114

№ 4(24)
Октябрь — декабрь 2019 г.

ISSN 2409-1073

Издается с июня 2014 г. Выходит 4 раза в год

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Включен в Российский индекс научного цитирования.

MIET

NATIONAL RESEARCH
UNIVERSITY OF ELECTRONIC
TECHNOLOGY

Economic and Social Research *Scientific Journal*

Certificate of the journal registration
PI No. FS77-69191 was issued on 24 March 2017
The journal is distributed by subscription
Subscription index of AO Rospechat agency:
80114

No. 4(24)
2019 October — December

ISSN 2409-1073

Published since 2014. Quarterly (4 issues per year)

ESGI journal is included into the List of periodicals recommended for publishing doctoral research results by the Higher Attestation Commission.

ESGI journal is included in Russian Science Citation Index.

© «Экономические и социально-гуманитарные исследования», 2019
© МИЭТ, 2019

© "Economic and Social Research", 2019
© MIET, 2019

Редакционный совет

Председатель редсовета

Чаплыгин Ю. А., академик РАН,
доктор технических наук, профессор

Сопредседатель редсовета

Чумаков А. Н., доктор философских наук,
профессор, ведущий научный сотрудник
ИФ РАН

Андрюченко Е. В., д. филос. н., проф. Донецкого нац.
университета (ДНР)

Анискин Ю. П., д. э. н., проф.

Гаврилов С. А., д. т. н., проф.

Газарин А. В., д. п. н., проф. РАНХиГС

Данильченко А. В., д. э. н., проф. Белорусского нац.
технич. университета (Республика Беларусь)

Зазыкин В. Г., чл.-корр. РАО, д. пс. н., проф.

Захлебный А. Н. д. п. н., проф., академик РАО.

Инфанте Д., PhD, проф. Университета Калабрии
(Италия)

Исмаилов В. И., д. филос. н., проф. (Азербайджан)

Князев В. Н., д. филос. н., проф.

Ковальчук К. Ф., д. э. н., проф. Нац. металлургической
академии Украины (г. Днепр, Украина)

Лаце Н., Dr. Sci. (Econ.), проф. Рижского
университета (Латвия)

Лобастов Г. В., д. филос. н., проф.

Михалкин Н. В., д. филос. н., проф.

Моисеева Н. К., д. э. н., проф.

Мрочко Л. В., д. филос. н., проф.

Ницевич В. Ф., д. полит. н., проф.

Пабединскайте А. О., Dr. Sci. (Econ.), профессор Вильнюс-
ского технического университета им. Гедиминаса
(Литва)

Пирогов А. И., д. филос. н., проф.

Пылаева Т., Dr. Sci. (Econ.), проф. Евроакадемии
(Эстония)

Растимешина Т. В., д. полит. н., доцент

Реморенко И. М., канд. филос. н., доцент, ректор МГПУ

Редакционная коллегия

Главный редактор

Растимешина Т. В., доктор политических наук, доцент

Заместитель главного редактора

Пирогов А. И., доктор философских наук, профессор

Алексеев С. В., д. п. н., проф.

Андрюченко Е. В., д. филос. н., проф. Донецкого нац.
университета (ДНР)

Анискин Ю. П., д. э. н., проф.

Алексеева И. Ю., д. филос. н., проф.

Газарин А. В., д. п. н., проф. РАНХиГС

Гриценко Н. Ф., д. ист. н., проф.

Гуськова Н. Д., д. э. н., проф.

Даниелян Н. В., д. филос. н., доцент

Данильченко А. В., д. э. н., проф. Белорусского нац.
технич. университета (Республика Беларусь)

Евдокимова М. Г., д. п. н., доцент

Емец В. С., д. полит. н., проф.

Зазыкин В. Г., чл.-корр. РАО, д. пс. н., проф.

Захлебный А. Н., д. п. н., проф., академик РАО

Иванова Г. П., д. п. н., проф. МГОУ

Ильин В. В., д. филос. н., проф.

Инфанте Д., PhD, проф. Университета Калабрии
(Италия)

Исмаилов В. И., д. филос. н., проф. (Азербайджан)

Кальней В. А., д. п. н., проф.

Ковальчук К. Ф., д. э. н., проф. Нац. металлургической
академии Украины (г. Днепр, Украина)

Лобастов Г. В., д. филос. н., проф.

Лоза Г. Г., д. полит. н., проф.

Лукичева Л. И., д. э. н., проф.

Мамедов Н. М., д. филос. н., проф.

Михалкин Н. В., д. филос. н., проф.

Моисеева Н. К., д. э. н., проф.

Мушта А. А., к. филос. н., доцент (Республика Беларусь)

Ницевич В. Ф., д. полит. н., проф.

Пабединскайте А. О., Dr. Sci. (Econ.), профессор Вильнюс-
ского технического университета им. Гедиминаса
(Литва)

Панов А. И., д. полит. н., проф.

Прокофьев А. А., д. п. н., к. ф.-м. н., доцент

Пылаева Т., Dr. Sci. (Econ.), проф. Евроакадемии
(Эстония)

Реморенко И. М., канд. филос. н., доцент, ректор МГПУ

Родин В. Ф., д. п. н., проф. Моск. ун-та МВД РФ

Салимова Т. А., д. э. н., проф.

Смирнова Ж. Вен., к. п. н., доцент

Смирнова Ж. Вяч., Dr. Sci. (Econ.), проф.

Университета Калабрии (Италия)

Степанов С. А., д. п. н., проф., прорект. МНЭПУ

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 24 мая 2017 года.

Учредитель и издатель: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «Московский институт электроникой техники» (НИУ МИЭТ), 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1.

Заведующий редакцией — **А. И. Пирогов**

Научный редактор — **Т. В. Растимешина**

Компьютерная верстка — **Л. В. Битбунов**

Адрес редакции: 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ. Тел.: 8-499-729-76-02

E-mail: esgi.miet@yandex.ru

Подписано в печать 20.12.2019. Формат бумаги 60×84 1/8. Цифровая печать.

Объем 21,39 усл. печ. л., 14,71 уч.-изд. л. Заказ № 34.

Отпечатано в типографии ИПК МИЭТ: 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ.

Ведущий редактор — **Т. В. Растимешина**

Редактор — **Е. В. Малинкина**

Дизайнер обложки — **С. Ю. Рыжков**

Сайт: <http://esgi-miet.ru>

Editorial Council

Chairman

Chaplygin Yu. A., Dr. Sci. (Tech.), Prof., Acad. RAS

Co-Chairman

Chumakov A. N., Dr. Sci. (Philos.), Prof.,
RAS Institute of Philosophy

Andriyenko O. V. (Donetsk People's Republic), Dr. Sci. (Philos.), Prof. of Donetsk National University

Aniskin Yu. P., Dr. Sci. (Econ.), Prof.

Gagarin A. V., Dr. Sci. (Ped.), Prof., RANEPa

Gavrilov S. A., Dr. Sci. (Tech.), Prof.

Danilchenko A. V. (Republic of Belarus), Dr. Sci. (Econ.),
Prof. of Belarusian National Technical University

Zakhlebnyi A. N. Dr. Sci. (Ped), Acad. RAO.

Zazykin V. G., Dr. Sci. (Psych.), Prof.,
Corr. Mem. RAE

Infante D. (Italy), PhD (Polit. Econ.),
Prof. of University of Calabria

Ismailov V. I. (Azerbaijan), Dr. Sci. (Philos.),
Dir. of Baku College of Management and Technology

Knyazev V. N., Dr. Sci. (Philos.), Prof.

Kovalchuk K. F. (Ukraine), Dr. Sci. (Econ.), Prof.
of National Metallurgical Academy of Ukraine

Lace N. (Latvia), Dr. OEc.,
Prof. of Riga Technical University

Lobastov G. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof.

Mikhalkin N. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof.

Moiseeva N. K., Dr. Sci. (Econ.), Prof.

Mrochko L. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof.

Nitsevich V. F., Dr. Sci. (Polit.), Prof.

Pabedinskaite A. O. (Lithuania), Dr. OEc.,
Prof. of Vilnius Gediminas Technical University

Pirogov A. I., Dr. Sci. (Philos.), Prof.

Põlajeva T. (Estonia), Dr. OEc., Prof. of Euroacademy

Rastimeshina T. V., Dr. Sci. (Polit.), Assoc. Prof.

Remorenko I. M., Cand. Sci. (Ped.), Assoc. Prof., Rector
of MGPU

Editorial Board

Editor-in-Chief

Rastimeshina T. V., Dr. Sci. (Polit.), Assoc. Prof.

Deputy Editor-in-Chief

Pirogov A. I., Dr. Sci. (Philos.), Prof.

Alexeev S. B., Dr. Sci. (Ped.), Prof.

Andriyenko O. V. (Donetsk People's Republic), Dr. Sci. (Philos.), Prof. of Donetsk National University

Aniskin Yu. P., Dr. Sci. (Econ.), Prof.

Alekseeva I. Yu., Dr. Sci. (Philos.), Prof.

Gagarin A. V., Dr. Sci. (Ped.), Prof., RANEPa

Gritsenko N. F., Dr. Sci. (Hist.), Prof.

Guskova N. D., Dr. Sci. (Econ.), Prof.

Danielyan N. V., Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof.

Danilchenko A. V. (Republic of Belarus), Dr. Sci. (Econ.),
Prof. of Belarusian National Technical University

Emets V. S., Dr. Sci. (Polit.), Prof.

Evdokimova M. G., Dr. Sci. (Ped.), Assoc. Prof.

Zakhlebnyi A. N. Dr. Sci. (Ped), Acad. RAO.

Zazykin V. G., Dr. Sci. (Psych.), Prof., Corr. Mem. RAE

Ivanova G. P., Dr. Sci. (Ped.), Prof., MRSU

Ilyin V. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof.

Infante D. (Italy), PhD (Polit. Econ.),
Prof. of University of Calabria

Ismailov V. I. (Azerbaijan), Dr. Sci. (Philos.),
Dir. of Baku College of Management and Technology

Kalney V. A., Dr. Sci. (Ped.), Prof.

Kovalchuk K. F. (Ukraine), Dr. Sci. (Econ.), Prof.
of National Metallurgical Academy of Ukraine

Lobastov G. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof.

Loza G. G., Dr. Sci. (Polit.), Prof.

Lukicheva L. I., Dr. Sci. (Econ.), Prof.

Mamedov N. M., Dr. Sci. (Philos.), Prof.

Mikhalkin N. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof.

Moiseeva N. K., Dr. Sci. (Econ.), Prof.

Mushta A. A. (Republic of Belarus),
Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof.

Nitsevich V. F., Dr. Sci. (Polit.), Prof.

Pabedinskaite A. O. (Lithuania), Dr. OEc.,
Prof. of Vilnius Gediminas Technical University

Panov A. I., Dr. Sci. (Polit.), Prof.

Põlajeva T. (Estonia), Dr. OEc., Prof. of Euroacademy

Prokofiev A. A., Dr. Sci. (Ped.),
Cand. Sci. (Phys.-Math.), Assoc. Prof.

Remorenko I. M., Cand. Sci. (Ped.), Assoc. Prof., Rector
of MGPU

Rodin V. F., Dr. Sci. (Ped.), Prof., RF MoI University

Salimova T. A., Dr. Sci. (Econ.), Prof.

Smirnova Zh. V., Cand. Sci. (Ped.), Assoc. Prof.

Smirnova J. V. (Italy), Dr. Sci. (Econ.),
Prof. of University of Calabria

Stepanov S. A., Dr. Sci. (Ped), Vice-rector of MNEPU

ESGI is a peer-reviewed scholarly journal registered by the Federal Agency on Press and Mass Communications of the Russian Federation on March 24, 2017.

Founder and publisher: National Research University of Electronic Technology (MIET), 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, Bld. 1.

Managing editor — **A. I. Pirogov**

Science editor — **T. V. Rastimeshina**

Digital page makeup — **L. V. Bitunov**

Address: Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, Bld. 1, MIET. **Tel.:** +7-499-729-76-02

E-mail: esgi.miet@yandex.ru

Web: <http://esgi-miet.ru>

Signed to print 20.12.2019. Sheet size 60×84 1/8. Digital printing.

Conventional printed sheets: 21,39. Published sheets: 14,71. Order No. 34.

Printed at MIET printing workshop: 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, Bld. 1, MIET.

Senior editor — **T. V. Rastimeshina**

Editor — **E. V. Malinkina**

Cover designer — **S. Yu. Ryzhkov**

СОДЕРЖАНИЕ

Экономика инновационного развития: теория и практика

<i>Гуськова Н. Д., Ерастова А. В., Ерастова В. П.</i> Современный подход к процессу непрерывного совершенствования и развития российских предприятий	6
<i>Баранова А. А., Спиридонова Г. В., Королёв С. А.</i> Специфика российского автобизнеса в сегменте продажи автозапчастей: тенденции, структура и ценообразование	13
<i>Жук А. А., Мрочко О. Г., Мрочко Л. В., Волкова С. В.</i> Психофизиологические инструменты маркетинга и брендинга в России	20
<i>Бударов А. Ю.</i> Управление процессом качественных преобразований в развитии научно-производственных комплексов на основе системно-синергетического подхода	26
<i>Гладков И. С., Разумнова Л. Л.</i> Внешнеторговые связи Европейского союза и Российской Федерации: позиции энергоносителей	35
<i>Якушенко К. В.</i> Единое информационное пространство Евразийского экономического союза: предпосылки создания и измерение развития	42
<i>Костина Г. Д., Торашова А. В.</i> Формирование, развитие и управление командой проекта на основе комплексного подхода	49

Философия: мир в человеке и человек в мире

<i>Самохвалова В. К.</i> Индивидуалистический импульс гносеологии Фрэнсиса Бэкона	56
<i>Андрюченко Е. В., Горбачева И. М.</i> Социально-философский аспект формирования профессионального сознания личности	65
<i>Равочкин Н. Н.</i> Роль идей в социальных преобразованиях: поиск новых гносеометодологических оснований (методология к исследованию, часть 2)	72
<i>Панкина С. Н., Растимешина Т. В., Бахтин А. А.</i> Социокультурное измерение современной парадигмы негосударственного высшего образования в России	80
<i>Некрасов А. С.</i> Становление и развитие творческого потенциала человека в онтогенезе	88
<i>Клепикова Л. В., Абабилова Л. С.</i> Проблема деформирования образа коллективной идентичности в эпоху глобализации: особенности мировой и российской ситуаций	94
<i>Князт Н. П.</i> Влияние визуальных технологий на формирование гендерной идентичности в советской и постсоветской России	102
<i>Михайлина С. А., Ханина А. Д.</i> Дизайн в образовательных технологиях философского знания	112
<i>Добрынина М. В., Антонов Ф. С.</i> Либерализация и демократизация института инженерного образования в 90-е годы XX века: тенденции и противоречия	119
<i>Лобастов Г. В. Э. В.</i> Ильенков: личность и творчество	126
<i>Привалова И. Ю.</i> Эссенциальная, экзистенциальная и синергичная антропология VS трансгуманизм и искусственный интеллект	139

Педагогическая система координат: образование, воспитание, развитие человека

<i>Королёв В. Г., Бардушкин В. В.</i> Уровень и динамика физической подготовленности студентов МИЭТ при конкурсном отборе на военную кафедру	143
<i>Колдаев В. Д.</i> Инновационные подходы к структурированию содержания индивидуальных образовательных маршрутов обучения	149

Личность. Общество. Государство

<i>Шишов А. Л.</i> Новая холодная война тридцать лет спустя: опыт сравнительного анализа	159
<i>Добрынина М. В.</i> Политика регулирования содержания инженерного образования: образовательные стандарты нового поколения	170
Указатель содержания журнала «Экономические и социально-гуманитарные исследования» за 2019 г.	174
К сведению авторов.	181
Этические нормы публикационного процесса	183

CONTENTS

Economics of Innovation-Driven Growth: Theory and Practice

<i>Gus'kova N. D., Erastova A. V., Erastova V. P.</i> Modern approaches to the process of continuous improvement and development of Russian enterprises	6
<i>Baranova A. A., G. V. Spiridonova, Korolev S. A.</i> The specifics of the Russian auto business in the segment of the sale of auto parts: trends, structure and pricing	13
<i>Zhuk A. A., Mrochko O. G., Mrochko L. V., Volkova S. V.</i> Psychophysiological tools of marketing and branding in Russia	20
<i>Budarov A. Yu.</i> Management of the process of qualitative transformations in the development of scientific and industrial complexes based on a system-synergetic approach	26
<i>Gladkov I. S., Razumnova L. L.</i> Foreign Trade Relations Between the European Union and The Russian Federation: Positions of Energy Carriers	35
<i>Yakushenka K. V.</i> The state of the common information space of the Eurasian economic Union: prerequisites for creation and features of development	42
<i>Kostina G. D., Torgashova A. V.</i> Formation, developing and managing a project team based on an integrated approach	49

Philosophy: Universe in Man and Man in Universe

<i>Samokhvalova V. K.</i> Individualistic impulse of the epistemology of Francis Bacon	56
<i>Andriyenko O. V., Gorbacheva I. M.</i> Social Philosophical Aspect of the Formation of Personal Professional Consciousness	65
<i>Ravochkin N. N.</i> Exploring ideas role in a social context: new epistemological and methodological foundations search (part 2)	72
<i>Pankina S. N., Rastimeshina T. V., Bakhtin A. A.</i> Socio-Cultural Dimension of Contemporary Paradigm of Non-State Higher Education in Russia	80
<i>Nekrasov A. S.</i> Formation and development of human creative potential in ontogeny	88
<i>Klepikova L. V., Ababilova L. S.</i> The problem of the collective identity's deformation during the globalization: the peculiarities of the world and Russian situations	94
<i>Knekht N. P.</i> The Influence of Visual Technologies on the Formation of Gender Identity in Soviet and Post-Soviet Russia	102
<i>Mikhailina S. A., Khanina A. D.</i> Design in educational technologies of philosophical knowledge	112
<i>Dobrynina M. V., Antonov F. S.</i> Liberalization and democratization of the institute of engineering education in the 90s of the twentieth century: trends and contradictions	119
<i>Lobastov G. V.</i> E. V. Ilyenkov: Personality and Creative Work	126
<i>Privalova I. Yu.</i> Essential, existential and synergetic anthropology VS transhumanism and artificial intelligence	139

Pedagogical Reference System: Education, Upbringing, Personal Growth

<i>Korolev V. G., Bardushkin V. V.</i> The level and dynamics of physical preparedness of students of MIET in the competitive selection for military department	143
<i>Koldaev V. D.</i> Innovative approaches to structuring the content of individual educational learning routes	149

Personality. Society. State

<i>Shishov A. L.</i> A New Cold War Thirty Years Later: Preliminary Comparative Analysis	159
<i>Dobrynina M. V.</i> Policy of regulation of the content of engineering education: educational standards of the new generation	170
2019 Year-End Index	178
For the Authors (in Russian)	181
Ethical Norms of Publishing	184

**ЭКОНОМИКА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ECONOMICS OF INNOVATION-DRIVEN GROWTH:
THEORY AND PRACTICE**

УДК 658.51

DOI: 10.24151/2409-1073-2019-4-6-12

**Современный подход к процессу непрерывного совершенствования и развития
российских предприятий**

**Modern approaches to the process of continuous improvement and development
of Russian enterprises**

Н. Д. Гуськова¹, А. В. Ерастова¹, В. П. Ерастова¹

N. D. Gus'kova¹, A. V. Erastova, V. P. Erastova¹

¹ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва»

¹National Research Mordovia State University

menegment310@yandex.ru

Обоснована необходимость быстрой адаптации организаций к изменениям под воздействием вызовов глобализации экономики. Проведена оценка влияния изменений на результаты деятельности российского промышленного предприятия и даны рекомендации по преодолению сопротивления изменениям со стороны персонала и совершенствованию организационной структуры. Разработан алгоритм управления изменениями на предприятии машиностроения, который может быть использован предприятиями других отраслей хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: управление изменениями; непрерывное развитие; сопротивление изменениям; адаптация персонала; производительность труда.

Abstract. The development of the modern economy is characterized by rapid changes due to new challenges, such as: global competition; the imposition of economic sanctions; digitalization of the economy, etc. All this requires organizations to quickly adapt to change, continuous improvement and development. The purpose of the article is to study the practice of development and change management in an industrial enterprise. Analysis of the structure and results of the activities of RM Rail Ruzhimash allowed to develop an algorithm for managing changes in an industrial enterprise and to give specific recommendations on how to overcome the resistance to changes on the part of the staff.

Keywords: changes; development; resistance to change; change process; staff adaptation; labor productivity.

Современная экономика развивается быстрыми темпами, что обусловлено глобализационными изменениями, которые требуют от предприятий быстрой адаптации

© Гуськова Н. Д., Ерастова А. В., Ерастова В. П.

к новым условиям, преодоления неопределенности (характерной для деятельности организаций в условиях глобализации) и готовности к переменам, которые следует понимать как насущную потребность.

Необходимость непрерывного совершенствования и развития диктуется также новыми вызовами глобализации экономики, среди которых:

- глобальная конкуренция;
- несоответствие экономической глобализации и политической разобщенности стран;
- введение экономических санкций со стороны ряда экономически сильных европейских стран и мировых держав;
- цифровизация экономики.

Глобальная конкуренция оказывает значительное влияние на процесс непрерывного совершенствования и развития предприятий. В какой стране мира ни находилось бы предприятие, оно должно строить стратегию управления развитием в условиях конкуренции с мировым экономическим лидером, и так во всех сферах хозяйственной деятельности. Низкая производительность труда в этих условиях представляет угрозу существованию организации, причем низкие затраты на персонал не обеспечивают конкурентного преимущества. Конкурентоспособность в этой ситуации обеспечивается повышением производительности труда. Показатель производительности труда должен быть не ниже показателя крупных компаний и «организаций без границ» либо превосходить его.

Несоответствие экономической глобализации и политической разобщенности должно также учитываться в процессе непрерывного совершенствования и развития предприятий. Деятельность предприятий сегодня не имеет национальных границ, поскольку ее результаты соотносятся с результатами деятельности крупнейших мировых компаний, национальные экономики взаимозависимы. Введение экономических санкций в отношении России, в связи с обострением геополитической ситуации в мире, привело к существенным изменениям почти во всех сферах хозяйственной деятельности.

Встал вопрос об импортозамещении тех товаров, работ и услуг, которые будут конкурентоспособными на мировом рынке.

Огромное влияние на изменения хозяйственной деятельности оказывает цифровизация экономики. Главной особенностью цифровой экономики является управление знаниями, а условием доступа к этому ресурсу — специфические качества человека: его интеллектуальная активность, способность осваивать и генерировать знания [1].

Обобщим влияние обозначенных вызовов глобальной экономики. Сегодня мир органично развивается под их воздействием, организации как участники мировых бизнес-процессов должны совершенствовать свой бизнес с учетом всех этих вызовов одновременно. Если организация не адаптируется к новым условиям, то она не сможет сохранить процесс непрерывного совершенствования и развития, не говоря уже о его успешности.

В связи с этим задача российских предприятий — разрабатывать стратегию управления процессом непрерывного совершенствования и развития. Современные предприятия должны также определить наиболее приемлемую для них величину эффективности и производительности, поскольку стратегия управления базируется именно на этих качественных и количественных показателях.

Существует несколько подходов к концепции непрерывного совершенствования и развития организации. Один из них был предложен исследователем Куртом Левином, который описал три этапа организационных изменений: размораживание, движение, замораживание. Согласно его теории изменений, «для успешного проведения перемен необходимо “разморозить” существующее положение (статус-кво), изменить его до нового состояния и повторно “заморозить” ситуацию для закрепления внедренных изменений. Статус-кво рассматривается при этом как некое состояние равновесия, а выйти из него можно только через “размораживание”. Это обычно достигается тремя способами: усилением движущих факторов, направленных на выход из существующего положения равновесия; ослаблением

сдерживающих факторов, препятствующих выходу из существующего положения равновесия, либо объединением этих двух подходов¹[2]. Это первый этап. На следующем этапе можно приступить к реализации изменений. Однако следует помнить, что внедрение преобразований еще не гарантирует их укоренения. Нововведения необходимо «заморозить», чтобы они стали устойчивыми. Если этим последним этапом пренебречь, то возникнет вероятность, что преобразования окажутся недолговечными и организация вернется к первоначальному состоянию равновесия. Таким образом, цель повторного «замораживания» заключается в стабилизации нового состояния, в достижении сбалансированности движущих и сдерживающих факторов.

В процессе преобразований, включающем три этапа, изменения рассматриваются Левиным как нарушение состояния равновесия. Иначе говоря, когда стабильность положения организации нарушена, необходимы изменения, чтобы установить новое состояние равновесия. Этот подход был вполне приемлем для относительно стабильной экономической ситуации 1950—1970-х гг.

Сегодня предприятиям необходимо преодолевать сложные «барьеры», учитывая множество новых условий неопределенности.

Суть второго подхода к концепции непрерывного совершенствования и развития заключается в том, что процесс преобразований рассматривается как естественный, а процесс управления ими — как непрерывный [3].

В свою очередь, Дж. Коттер выделил восемь этапов организационных изменений:

- установление атмосферы срочности;
- создание руководящей коалиции;
- разработка видения будущего развития и стратегии его достижения;
- информирование о новом видении;
- расширение возможностей сотрудников в целях участия в реализации видения;
- планирование и достижение краткосрочных результатов;
- упрочение достижений и укрупнение преобразований;
- институциональное закрепление новых подходов в организационной культуре [4].

Необходимо отметить, что подход Дж. Коттлера сосредоточен на изменениях в поведении сотрудников предприятия. Эти изменения, как правило, затрагивают организационную структуру, используемую в организации технологию (цикл выполнения производственных действий) и персонал. На рисунке 1 приведены типы реакции сотрудников на организационные изменения [5]

Рис. 1. Зависимость объема выпускаемой продукции от реакции персонала на организационные изменения

¹ Управление изменениями: проект В. Демьяненко. URL: <http://ibcm.biz/> (Модель изменений: Размораживание, Движение, Замораживание (К.Левин)).

Представим известные в литературе методы преодоления сопротивления изменениям, выбор метода зависит от силы сопротивления изменениям и от наличия временных ресурсов, необходимых для проведения изменений.

1. Вовлечение сотрудников в процесс принятия решений, сопровождающий внедрение изменений.
2. Обучение персонала и деловое общение с персоналом.
3. Оказание психологической помощи сотрудникам организации.
4. Ведение внутренних переговоров.
5. Привлечение неформальных лидеров.

Следует отметить, что самым сложным вопросом в период организационных изменений является формирование организационной культуры. Сильная организационная культура, формируемая опытом, делает организацию невосприимчивой к переменам. Сотрудники организации придерживаются укоренившейся с годами модели поведения: норм, правил, традиций и ценностей. Чтобы изменить такую модель, если она теряет актуальность во времени, т. е. препятствует эффективно-му управлению предприятием в новых

условиях, менеджерам даже при самых благоприятных обстоятельствах требуется несколько лет.

Глобальное исследование организационных перемен позволило сделать вывод, что «сотни менеджеров множества американских и европейских компаний вполне удовлетворены своими деловыми качествами <...> но не удовлетворены своей способностью внедрять перемены» [6]. В связи с этим большое значение имеет рациональная система переподготовки и повышения квалификации персонала.

На примере промышленного предприятия АО «Рузхиммаш», выпускающего железнодорожные вагоны и другую продукцию машиностроения, рассмотрим влияние организационных изменений на объем производства. Предприятие входит в корпорацию РМ Рэйл — ведущего производителя грузового подвижного состава в России. В 2017 г. на предприятии внедрена новая система обучения персонала Training Within Industry (Обучение в промышленности). Уже в первый год работы системы созданы условия, необходимые для роста производительности труда². По таблице 1 можно проследить динамику роста выработки и уменьшение трудоемкости.

Таблица 1

Показатели производительности труда АО «Рузхиммаш» в период 2015—2018 гг.

Год	Объем выполненных работ, шт.	Численность работников, чел.	Выработка (1/2)	Трудоемкость (2/1)
2015	1266	1177	1,1	0,9
2016	2329	1201	1,9	0,5
2017	4232	1451	2,9	0,3
2018	7600	1801	4,2	0,2

Непрерывное совершенствование — это долгосрочный подход к улучшению процессов, продуктов и услуг. Однако важно отметить, что проекты непрерывного совершенствования являются частью более крупной инициативы по управлению изменениями. Так как это динамичный процесс, важно пересматривать изменения,

которые были недавно реализованы, с целью оценить возможность их дальнейшего совершенствования и взять под контроль факторы, которые могут повлиять на изменения в долгосрочной перспективе. Для эффективного управления процессом непрерывного развития на промышленном предприятии составим алгоритм

² РМ Рэйл Рузхиммаш: официальный сайт. URL: <https://rmrail.ru/structure/ruzchimmash/>

управления изменениями. Его использование позволит структурировать процесс изменений и повысить лояльность сотрудников к изменениям (рис. 2). Чтобы

непрерывное совершенствование и развитие было успешным, необходимо создать соответствующие условия на всех этапах организационной деятельности.

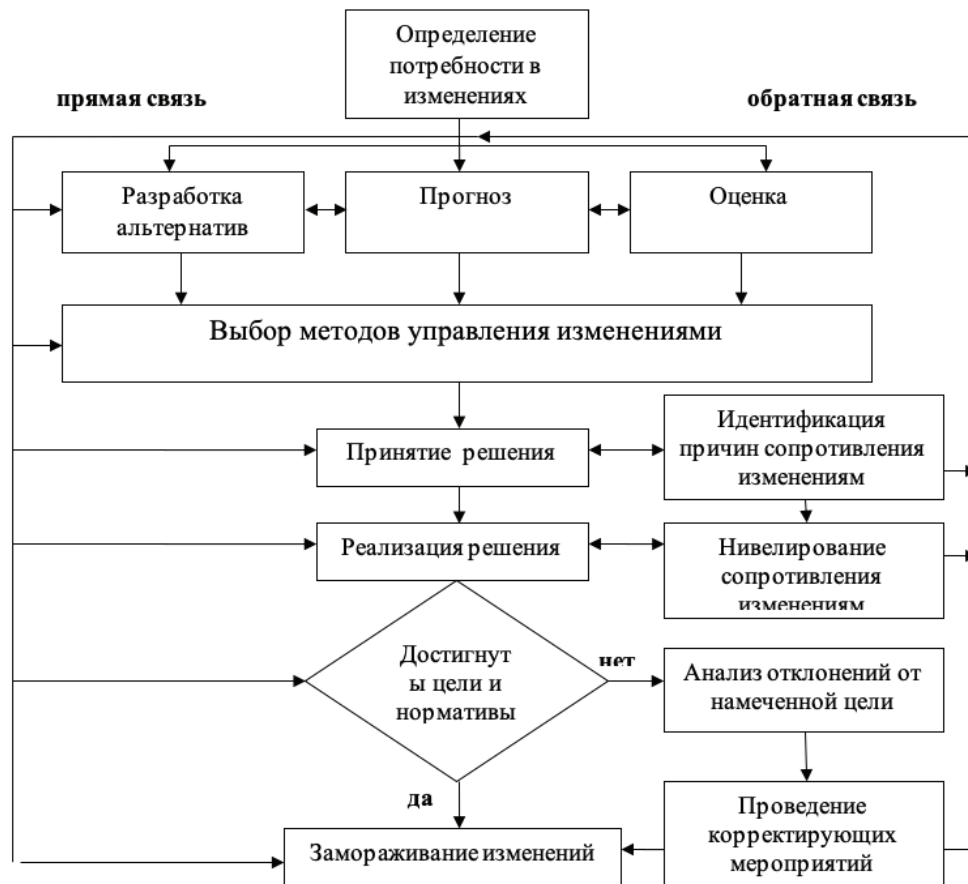

Рис. 2. Алгоритм управления изменениями на промышленном предприятии АО «Рузхимаш»

Важно правильно определить потребность в изменении, составить прогноз и оценить все предлагаемые варианты. В результате анализа в алгоритм были добавлены блоки, отвечающие за выявление и устранение сопротивления изменениям со стороны персонала.

Вовлечение сотрудников в реализацию изменений на ранних этапах, а также постоянная адаптация к улучшению имеет решающее значение для успешной деятельности организации.

Рекомендуем для адаптации сотрудников к изменениям использовать следующие методы.

Ориентация коллектива на достижение новых целей. Необходимо выстроить такую

систему, при которой сотрудник будет ощущать свой вклад в общий результат деятельности не только своего подразделения, но и предприятия в целом.

Вовлечение сотрудников в процесс управления изменениями. Осознание участия в решении организационных проблем повысит ответственность сотрудников за реализацию изменений.

Демонстрация рациональной модели поведения на личном примере руководителя, основанная на соблюдении стандартов социальной группы, норм и правил корпоративной культуры, поможет сотрудникам выработать собственную форму социального поведения, взаимодействия с коллективом

и положительно отразится на результатах деятельности предприятия. В свою очередь, это приведет к снижению затрат

на контролирование деятельности персонала, что увеличит финансовые и временные ресурсы.

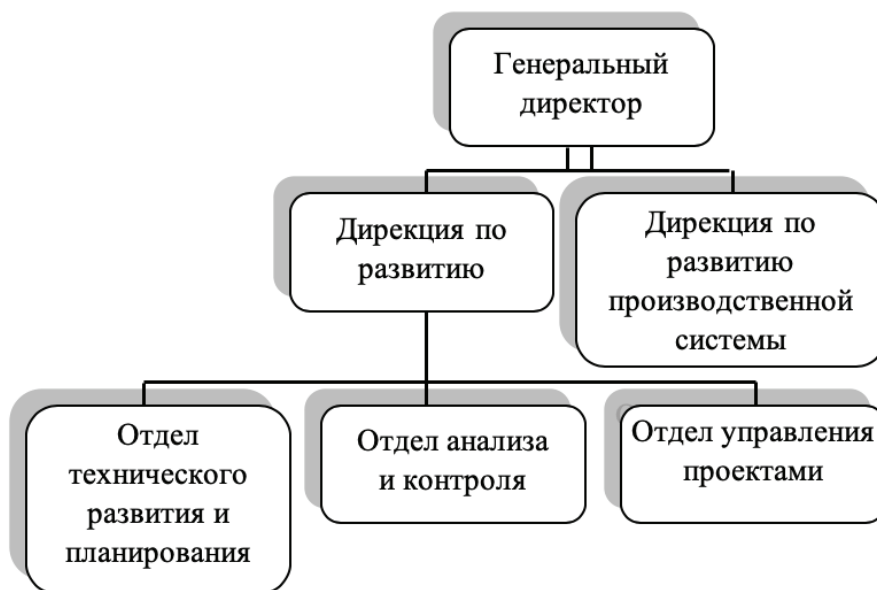

Рис. 3. Фрагмент действующей организационной структуры АО «Рузхиммаш»

Первоочередной задачей управления изменениями является построение эффективной организационной структуры. Анализ организационной структуры промышленного предприятия АО «Рузхиммаш» показал, что управление изменениями осуществляется как дирекцией по

развитию, так и дирекцией по развитию производственной системы (рис. 3). Функции этих руководящих органов полностью или частично совпадают, что, в свою очередь, является предпосылкой для изменения организационной структуры (рис. 4).

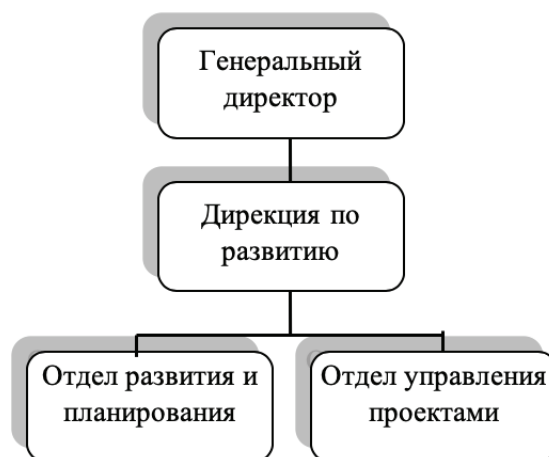

Рис. 4. Новый проект организационной структуры дирекции по развитию АО «Рузхиммаш»

Предложенные нами рекомендации призваны не только дать социальный

эффект — снизить сопротивление изменениям со стороны персонала, мотивировать

к принятию новых идей, улучшить моральный климат, — но и вызвать синергетический эффект, а именно — избежать дублирования выполнения руководящих функций путем объединения двух дирекций и создать команду для управления изменениями.

В заключение подчеркнем, что процесс непрерывного совершенствования и развития предприятий является необходимым условием их конкурентоспособности и требует разработки стратегии управления изменениями под воздействием вызовов глобализации экономики. Задача управления качественными и структурными изменениями — оптимизировать денежные потоки, максимизировать эффективность и прибыльность производства, а также адаптировать персонал к внедрению этих изменений.

Литература

- 1 **Авдеенко Т. В., Алетдинова А. А.** Цифровизация экономики на основе совершенствования экспертных систем управления знаниями // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. Т. 10. № 1. 2017. С. 7—18.
- 2 Lewin K. Field theory in social science. New York: Harper and Row, 1951. 132 p.
- 3 HCMBOK: программа обучения и сертификации [Электронный ресурс] // Hucmi. HumanChange. Management Institute: [сайт]. URL: <https://www.hucmi.com/en/hcmbok/> (дата обращения 25.06.2019).
- 4 **Коттер Дж. П.** Ускорение перемен. Как придать вашей организации стратегическую гибкость для успеха в быстро меняющемся мире / Пер. с англ. Л. Пирожковой. М.: Олимп-Бизнес, 2017. 256 с.
- 5 **Харрингтон Дж.** Совершенство управления изменениями. Искусство совершенствования управления изменениями / Пер. с англ. В. Н. Загребельного; под науч. ред. В. В. Брагина. М.: Стандарты и качество, 2008. 188 с. (Деловое совершенство).
- 6 **Nonaka Ikujiro** The Knowledge-Creating Company // Harvard Business Review. November—December. 1991. P. 96—97.

поступила 03.07.2019

Гуськова Надежда Дмитриевна — доктор экономических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующая кафедрой менеджмента ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (Россия, 430005, г. Саранск, ул. Большевикская, 68), menegment310@yandex.ru

Ерастова Александра Валерьевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (Россия, 430005, г. Саранск, ул. Большевикская, 68), av-erastova@rambler.ru

Ерастова Валерия Павловна — магистрант, кафедра менеджмента ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (Россия, 430005, г. Саранск, ул. Большевикская, 68), menegment310@yandex.ru

References

- 1 **Avdeenko T. V., Aletdinova A. A.** Cifrovizacija jekonomiki na osnove sovershenstvovanija jekspertnyh sistem upravlenija znanijami // Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Jekonomicheskie nauki. T. 10. № 1. 2017. S. 7—18.
- 2 Lewin K. Field theory in social science. New York: Harper and Row, 1951. 132 p.
- 3 HCMBOK: programma obuchenija i sertifikacii [Elektronnyj resurs] // Hucmi. HumanChange. Management Institute: [sait]. URL: <https://www.hucmi.com/en/hcmbok/> (data obrashhenija 25.06.2019).
- 4 **Kotter Dzh. P.** Uskorenie peremen. Kak pridat' vashej organizacii strategicheskiju gibkost' dlya uspehav bystro menjajushhemsja mire / Per. s angl. L. Pirozhkovej. M.: Olimp-Biznes, 2017. 256 s.
- 5 **Harrington Dzh.** Sovershenstvo upravlenija izmenenijami. Iskustvo sovershenstvovanija upravlenija izmenenijami / Per. s angl. V. N. Zagrebel'nogo; pod nauch. red. V. V. Bragina. M.: Standarty i kachestvo, 2008. 188 s. (Delovoe sovershenstvo).
- 6 **Nonaka Ikujiro** The Knowledge-Creating Company // Harvard Business Review. November—December. 1991. P. 96—97.

submitted 03.07.2019

Gus'kova Nadezda D., Doctor of Economics, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of Management Department, National Research Mordovia State University (68, Bolshevistskaya st., Saransk, 430005, Russia), menegment310@yandex.ru

Erastova Alexandra V., Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, associate professor of Management Department, National Research Mordovia State University (68, Bolshevistskaya st., Saransk, 430005, Russia), av-erastova@rambler.ru

Erastova Valeria P., graduate student, Department of management of the "MGU im. N. P. Ogareva" (68, Bolshevistskaya st., Saransk, 430005, Russia). menegment310@yandex.ru

Специфика российского автобизнеса в сегменте продажи автозапчастей: тенденции, структура и ценообразование

The specifics of the Russian auto business in the segment of the sale of auto parts: trends, structure and pricing

А. А. Баранова¹, Г. В. Спиридонова², С. А. Королёв³

A.A. Baranova¹, G. V. Spiridonova², S. A. Korolev³

¹ *Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия*

² *Московский гуманитарный университет, Москва, Россия*

¹ *Russian University of Economics G. V. Plekhanova, Moscow, Russia*

² *Moscow University for the Humanities, Moscow, Russia*

greycaffa@yandex.ru

Раскрыты особенности российского бизнеса в сегменте продажи автозапчастей. Проанализирована структура рынка, обозначены его основные субъекты. Рассмотрена специфика инфраструктуры рынка автозапчастей в России, дан анализ ценообразования в сегменте b2b автозапчастей в России как отечественных, так и зарубежных производителей. Определены риски и выгоды офлайн и онлайн e-commerce управления продажами автозапчастей в России.

Ключевые слова: производители автозапчастей; компании-дистрибьюторы; автосервис; сетевые компании; средний бизнес; малый бизнес; потребитель; ценообразование; транзакционные продажи; консультационные продажи; корпоративные продажи; электронная коммерция.

Features of the Russian business in the segment of the sale of auto parts are disclosed. The structure of the market is analyzed, its main subjects are designated. The specifics of the infrastructure of the auto parts market in Russia are considered, an analysis of pricing in the b2b segment of auto parts in Russia, both domestic and foreign manufacturers, is given. The risks and benefits of offline and online e-commerce auto parts sales management in Russia are identified.

Keyword: b2b, b2c, aftermarket; distribution company; car services; large network companies; medium and small businesses; consumer; medium business; Transactional trade; Consultative trade; Enterprise trade; e-Commerce.

Существует ряд объективных причин развития сектора продажи автозапчастей в России, как для иностранных, так и для отечественных марок машин. Среди самых значимых из них можно выделить тенденцию стабильного роста спроса на запчасти различных

видов автотранспорта, которая обусловлена расширением производства иностранных марок автомобилей у нас в стране, сохранением и частичным ростом спроса на производимые отечественные автомобили, а также сохранением спроса на ввозимые иномарки.

© Баранова А. А., Спиридонова Г. В., Королёв С. А.

Для лучшего понимания специфики российского автобизнеса в сегменте продажи автозапчастей необходимо хорошо представлять его структуру, т. е. знать основных игроков рынка. Можно выделить четырех основных участников коммерческих взаимоотношений: 1) производители автозапчастей (aftermarket); 2) компании-дистрибьюторы (distribution company); 3) автосервисы (car services), в том числе крупные сетевые компании (large network companies), средние и малые предприятия (medium and small businesses); 4) потребители (consumer). Наибольший интерес представляет развивающееся сегодня направление бизнеса в сфере электронной коммерции e-commerce. Электронная коммерция в основном представлена участниками каналов дистрибуции (distributors), в России самые крупные агрегаторы рынка онлайн-продаж автозапчастей — Exist, Emex, AutoDoc. От обычных организаций, реализующих автозапчасти, эти компании отличаются наличием собственных складов и множеством точек продаж, что дает им преимущества перед остальными игроками рынка, а именно ускоряет доставку автозапчастей и, как следствие, повышает их активность в конкурентной среде в разы. Возможность получения сверхприбыли в таких онлайн-компаниях обеспечивается большим объемом продукции и низкой маржинальностью бизнеса. Кроме того, современные distribution company имеют довольно разветвленные каналы торговли в российских регионах, включая страны СНГ и ближнего зарубежья, занимают города с численностью населения от 100 тыс. человек, а потому вытесняют средний и малый бизнес из этого сегмента рынка. В регионах торговля автозапчастями через distributors возможна как в режиме онлайн, так и традиционным способом. Несмотря на активность distribution company, остается актуальной торговля автозапчастями через автосервис и магазины [1]. В этом случае заказ на автозапчасти идет под конкретный автомобиль. Сегодня в сегменте e-commerce продажи автозапчастей

наметилась новая тенденция: поскольку клиенты желают, помимо замены автозапчастей, восстановить и улучшить эксплуатационные характеристики автомобиля, автосервис предлагает комплексное обслуживание. И речь идет не только о гарантийном сервисе. Тенденция распространяется на всех consumer, как в секторе b2b, так и в секторе b2c, где покупатель — конечный потребитель. Вследствие этого предприниматели вынуждены искать инновационные подходы к реализации автозапчастей. В первую очередь внедряются цифровые технологии (digital), элементы e-commerce, в том числе электронные системы бухгалтерского и управленческого учета (1C), базы кроссов автозапчастей (например CROSSBASE.RU), системы автоматизации бизнес-процессов, управления клиентскими данными (CRM-системы, INTRUM-системы интеграции с онлайн-кассами 54-ФЗ), программное обеспечение для учета и продажи автозапчастей (продукты компании «ТрэйдСофт»).

Развитие бизнеса в сегменте продажи автозапчастей в России сегодня обусловлено и более сложной и неоднозначной, по мнению многих экспертов, тенденцией, это — изменение внешнеполитических и экономических факторов. С одной стороны, политические санкции повлекли за собой экономические ограничения в торговле и общее удорожание почти всех автомобилей иностранных марок, реализуемых в России. Однако с другой стороны, государство обратило внимание в этот период на потенциал (возможности улучшения ресурсов) и резервы российских организаций и предприятий, что привело к значительному увеличению производства и продаж отечественных автомобилей.

В обзоре автомобильного рынка 2017 г. сделан следующий вывод: «Несмотря на существенное сокращение продаж автомобилей в условиях кризиса, мы высоко оцениваем долгосрочный потенциал российского рынка, что объясняется низкой степенью обеспеченности населения автомобилями, солидным возрастом автопарка и развитием

бизнеса в РФ крупными международными игроками» [2]. В свою очередь, увеличение срока эксплуатации моделей отечественных и зарубежных автомобильных марок в России привело к значительному росту сегмента автозапчастей, а также автосервиса. Эта тенденция может быть оценена не только положительно. Желание экономить на автосервисе заставляет искать дешевые аналоги, что стимулирует продажу товаров невысокого качества, появление контрафакта, о чем

свидетельствуют эксперты. «Среди производителей неоригинальных запчастей традиционно лидирует Китай. На долю китайской продукции приходится порядка трети рынка. Большую долю составляет контрабандная продукция, а также неоригинальные детали, произведенные без лицензии — их количество в общем объеме, по оценкам экспертов, составляет около 70 %; объем только контрафакта — около трети объема рынка» [3] (см. рис. 1).

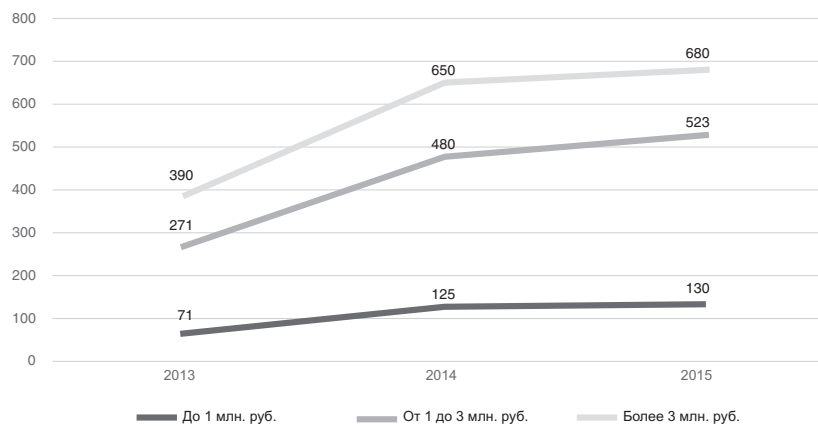

Рис. 1. Темпы роста цен на неоригинальные масляные фильтры для автомобилей различных ценовых категорий в 2013–2015 гг., руб./ед. Источник: [3].

Кроме того, отсутствие сиюминутной потребности приводит к появлению отложенного спроса, что в сфере технического обслуживания влечет за собой снижение безопасности эксплуатации машин.

Политика импортозамещения привела к некоторому увеличению объема производства автозапчастей (как для отечественных, так и для иностранных моделей) на российских мощностях, однако полностью покрыть потребность в них не удастся. Отечественные предприятия не оснащены в полной мере оборудованием для производства качественных аналогов оригинальных запчастей. Кроме того, цены российских аналогов сегодня существенно выше китайских. Вследствие девальвации рубля и прочих экономических факторов цены на автозапчасти выросли значительно, стоимость некоторых деталей увеличилась вдвое.

Логистическая система «склад производства — склад в Европе — склад в России — сбыт официальным дилерам» исключает перепродажу товаров на пути к потребителю. Согласно мнению экспертов, спрос на автозапчасти в ближайшее время будет расти, что связано с общим старением автопарка. В подтверждение этого можно привести пример темпов роста цен на самые ходовые запчасти для всех видов современного транспорта за период 2013–2015 гг., такие как масляный фильтр и АКПП. Как видно на рисунках 2 и 3, динамика роста цен непрерывно положительная.

По прогнозам, в России наибольшим спросом будут пользоваться запчасти для автомобилей отечественного производства и для подержанных легковых автомобилей зарубежного производства. Также спросом в первую очередь будут пользоваться неоригинальные детали — как более доступные по цене.

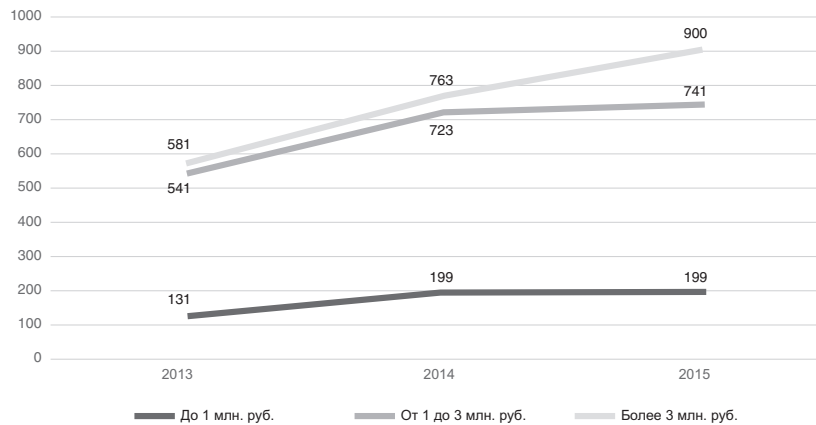

Рис. 2. Темпы роста цен на оригинальные масляные фильтры для автомобилей различных ценовых категорий в 2013—2015 гг., руб./ед. Источник: [3].

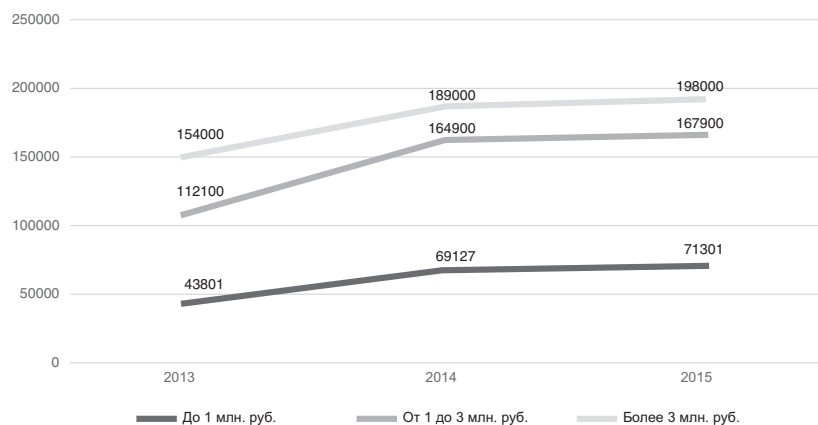

Рис. 3. Темпы роста цен на оригинальные АКПП для автомобилей различных ценовых категорий в 2013—2015 гг., руб./ед. Источник: [3].

По данным опроса ВЦИОМ, большинство автовладельцев садятся за руль каждый день (70 %), причем в двух из трех российских семей есть автомобиль. Среди факторов отказа от частого использования автомобиля преобладает экономический, в том числе дорогое обслуживание [4]. Последняя тенденция особенно интересна среднему и малому бизнесу, так как по этой причине торговля автозапчастями через магазины до сих пор остается актуальной.

Специфика розничной торговли автозапчастями в магазинах предполагает необходимость учитывать следующие особенности автобизнеса:

- 1) спрос на автозапчасти возрастает в начале и в конце зимы;
- 2) наиболее целесообразна практика

продаж под заказ;

3) наличие оригиналов и дешевых аналогов одних и тех же автозапчастей — коммерческий риск;

4) обязательно наличие подакцизного товара — моторных масел;

5) необходима цифровая технология для автоматизации работы с широким ассортиментом (примеры соответствующих программ приведены выше);

6) высокий уровень конкуренции, особенно в крупных городах;

7) от профессионального уровня продавцов зависит объем продаж, поскольку требуется знать характеристики автомобильных деталей и нюансы их установки [5].

Специфика управления продажами сложна и неоднозначна как для продавца,

так и для владельца бизнеса. Разные торговые марки и группы продукции требуют разных методов управления и соответствующей техники продаж. В целом на продажи товаров влияет множество факторов, но в менеджменте управления продажами принято выделять три основных фактора, от которых зависит успешность бизнеса.

Первый фактор влияния — комплексность товара. Например: все автозапчасти являются комплексным товаром одного производителя, следовательно, ценообразование и рентабельность продаж напрямую связаны с позицией бренда производителя в конкретном сегменте рынка и будут зависеть от ряда одних и тех же факторов, что и продажа автомобиля этого производителя.

Второй фактор влияния — зрелость продукта или рынка. Так, первичные или вторичные рынки автозапчастей имеют связанное ценообразование: тактика ценообразования зависит не только от потребностей целевых групп и емкости рынка, но и от объемов производства, запасов и ресурсов предприятий.

Третий фактор влияния — профиль клиента. Респектабельные клиенты — это не только имидж и ценность бренда, преимущество маркетинговой политики, использующей собирательный образ потребителя, но и гарантия качества товара или сервиса. Ценность клиента — успех компании, выраженный в ценности бизнеса. Нил Рэкхем выделял три типа продаж: транзакционные (Transactional); консультационные (Consultative); корпоративные (Enterprise). В транзакционных продажах товар или услуга стандартные, имеют аналоги, для клиента основными критериями выбора являются цена и простота приобретения. В консультационных продажах товар или услуга имеют комплексный характер, могут быть адаптированы под нужды конкретного клиента. Поэтому продавец в консультационных продажах должен определить потребности потенциального клиента и грамотно

позиционировать товар или услугу, доработав соответствующим образом предложение ценности товара. Корпоративные продажи осуществляются в процессе взаимодействия предприятия-продавца с предприятием-покупателем, в котором товар или услуга создаются совместно и которое требует знания стратегии покупателя. Корпоративные продажи особенно важны в секторе b2b продажи автозапчастей, так как дают возможность сформировать долгосрочные связи в нишах промышленного рынка. Здесь основным является не финансовый фактор, а качество и перспектива стратегических взаимодействий между продавцом и покупателем, возможность, например, использовать франчайзинг. Такие взаимоотношения строятся на фундаменте гарантии.¹

В управлении продажами автозапчастей ценообразование играет не последнюю роль. От цены, как уже говорилось выше, могут зависеть мотивационные потребности целевых групп, соответственно конкретной марке автомобиля. По данным аналитиков РБК, «рынок автозапчастей в России в рамках последних двух лет показывает пиковые значения потребления» [6]. Одновременно с этой тенденцией наблюдается рост цен на комплектующие, причем увеличение стоимости автозапчастей зарубежных производителей влечет за собой рост цен на отечественные детали. Безусловно, общие тенденции необходимо учитывать в управлении продажами автозапчастей, однако на установление цен влияет ряд других важных факторов. Здесь процесс ценообразования должен учитывать не столько затраты на приобретение (закупку), сколько возможные расходы компании, связанные непосредственно с автобизнесом. Так, базовая цена детали будет включать в себя сумму затрат на ее приобретение и сумму текущих расходов на ее реализацию, с учетом общего объема деталей (закупки). В формуле это можно выразить следующим образом: $Ц_{сз} = Ц_{сп} + ТР / О_{з}$, где $Ц_{сз}$ — базовая цена детали; $Ц_{сп}$ — стоимость приобретения детали; ТР — сумма текущих расходов

¹ Rethinking the sales force. Redefining selling to create and capture customer value / Neil Rackham, John De Vincentis, McGraw-Hill. 1999.

на реализацию детали; O_z — количество деталей. В стоимость приобретения детали ($C_{сп}$) может входить наценка, дисконт поставщика за объем покупки, стоимость доставки, таможенная наценка на автозапчасти. В текущие расходы на реализацию (TR) может входить, в зависимости от вида бухгалтерского учета, стоимость аренды помещения магазина или склада, оплата коммунальных услуг, зарплата персоналу, налоги, сумма страхования, лицензирование, расходы на рекламу, маркетинг и продвижение бренда производителя. На ценовые решения влияет многообразие ассортимента автозапчастей и комплектующих. Причем существует сезонная продукция, имеющая постоянную востребованность у целевой группы, например: автошины, диски, стеклоочиститель, моторное масло, свечи. Здесь существенная наценка в «пик» спроса может превышать базовую цену продажи в 5–7 раз, что зависит от поставщика. Цена продажи автозапчастей должна быть выше или равняться базовой цене. Наценка, как показывает практика российского бизнеса, обычно составляет от 20 % до 100 %. Высокая наценка выставляется на самый ходовой товар. Чем дороже деталь, тем ниже наценка. Это необходимо для того, чтобы не отпугнуть потенциального покупателя. По мнению экспертов рынка автозапчастей, одинаково отрицательно сказывается на спросе «очень высокая» и «очень низкая» наценка. В этом случае маркетологи рекомендуют выстраивать схемы скидок, базируясь на объеме закупаемой продукции, жизненном цикле товара, способе расчета (нал/безнал) и т.д. Исходя из вышеперечисленных факторов, цена продажи может быть выражена по формуле: $C_z = C_{зс} + H \cdot T_c$, где C_z — цена детали; $C_{зс}$ — базовая цена детали; H — наценка; T_c — текущая скидка [1].

Очевидно, что розничная торговля существенно проигрывает электронной коммерции e-commerce. Например, создание интернет-магазина автозапчастей сегодня предпочтительнее создания торговой точки (магазина). Риск для среднего и малого бизнеса выражен в дополнительных затратах на аренду, в отсутствии возможности

интегрировать с крупными оптовыми поставщиками. Также исключаются долгосрочные программы скидок, более того, ограничена свобода ценообразования. Однако, сравнивая факторы, влияющие на ценообразование деталей, и рассматривая тенденции рынка продажи автозапчастей, можно прийти к выводу, что при грамотной системе управления продажами российский бизнес в этом сегменте рынка имеет перспективы развития.

Литература

1. Бахарев И. Рынок автозапчастей в российском eCommerce: игроки, проблемы, специфика [Электронный ресурс] // E-PEPPER: [сайт]. URL: <https://e-pepper.ru/news/rynok-avtozapchastey-v-rossijskom-ecommerce-igroki-problemy-spetsifika.html> (дата обращения 10.06.2019 г.).
2. Краткий обзор и основные выводы [Электронный ресурс] // Автомобильный рынок России и СНГ: обзор отрасли. URL: <https://ru.investinrussia.com/data/files/sectors/avtomobilnyi-rynok-rossii-i-sng.pdf> (дата обращения 24.12.2019).
3. Мирошниченко Д. Обзор рынка производства и продажи автозапчастей [Электронный ресурс] // Openbusiness.ru: энциклопедия российского бизнеса: [сайт]. URL: <https://www.openbusiness.ru/biz/business/obzor-rynka-proizvodstva-i-prodazhi-avtozapchastey/> (дата обращения 24.12.2019).
4. Альтернатива личному автомобилю: миф или реальность [Электронный ресурс] // ВЦИОМ: сетевое издание. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9909> (дата обращения 24.12.2019).
5. Как открыть магазин автозапчастей с нуля? [Электронный ресурс] // ЕКАМ: учет в торговле: [сайт]. URL: <https://www.ekam.ru/blogs/pos/kak-otkryt-magazin-avtozapchastey-s-nulya> (дата обращения 18.06.2019).
6. Рынок автозапчастей в России: существенное сокращение темпов роста потребления [Электронный ресурс] // РБК: деловое информац. пространство: мультимедийный холдинг. URL: <https://marketing.rbc.ru/articles/11148/> (дата обращения 25.12.2019).
7. George Labovitz, Victor Rosansky. The Power of Alignment. New York.: John Wiley, 1997.
8. Aligning strategy and sales. The choices, systems, and behaviors that drive effective selling. Frank V. Cespedes // Harvard Business Review Press, 2014.
9. David J. Collis, Michael G. Rukstad. Can You Say What Your Strategy Is? // Harvard Business Review, April 2008.
10. Sales Management Association. Sales Process Adoption and Usage, August 2013.

поступила 10.11.2019

Баранова Анна Александровна — ассистент кафедры торговой политики Российского экономического университета им. Г.В.Плеханова. an9497an@mail.ru

Королёв Сергей Алексеевич — ассистент кафедры торговой политики Российского экономического университета им. Г.В.Плеханова. *Serezha.korolev01@mail.ru*

Спиридонова Галина Владимировна — доцент кафедры теории рекламы и массовых коммуникаций Московского гуманитарного университета, кандидат экономических наук. *greycaffa@yandex.ru*

Spiridonova Galina V., associate Professor of the Department of advertising and mass communications theory, Moscow humanitarian University, candidate of economic Sciences, *greycaffa@yandex.ru*

References

1. Baharev I. Rynok avtozapchastej v rossijskom eCommerce: igroki, problemy, specifika [Elektronnyj resurs] // E-PEPPER: [sait]. URL: <https://e-pepper.ru/news/rynok-avtozapchastej-v-rossijskom-e-commerce-igroki-problemy-spetsifika.html> (data obrashhenija 10.06.2019 g.).
2. Kratkij obzor i osnovnye vyvody [Elektronnyj resurs] // Avtomobil'nyj rynek Rossii i SNG: obzor otrasli. URL: <https://ru.investinrussia.com/data/files/sectors/avtomobilnyi-rynok-rossii-i-sng.pdf> (data obrashhenija 24.12.2019).
3. Mirosnichenko D. Obzor rynka proizvodstva i prodazhi avtozapchastej [Elektronnyj resurs] // Openbusiness.ru: jenciklopedija rossijskogo biznesa: [sait]. URL: <https://www.openbusiness.ru/biz/business/obzor-rynka-proizvodstva-i-prodazhi-avtozapchastej/> (data obrashhenija 24.12.2019).
4. Al'ternativa lichnomu avtomobilju: mirazh ili real'nost' [Elektronnyj resurs] // VCIOM: setevoe izdanie. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9909> (data obrashhenija 24.12.2019).
5. Kak otkryt' magazin avtozapchastej s nulja? [Elektronnyj resurs] // EKAM: uchet v torgovle: [sait]. URL: <https://www.ekam.ru/blogs/pos/kak-otkryt-magazin-avtozapchastej-s-nulya> (data obrashhenija 18.06.2019).
6. Rynok avtozapchastej v Rossii: sushhestvennoe sokrashhenie tempov rosta potreblenija [Elektronnyj resurs] // RBK: delovoe informac. prostranstvo: mul'timedijnyj holding. URL: <https://marketing.rbc.ru/articles/11148/> (data obrashhenija 25.12.2019).
7. George Labovitz, Victor Rosansky. The Power of Alignment. New York.: John Wiley, 1997.
8. Aligning strategy and sales. The choices, systems, and behaviors that drive effective selling. Frank V. Cespedes // Harvard Business Review Press, 2014.
9. David J. Collis, Michael G. Rukstad. Can You Say What Your Strategy Is? // Harvard Business Review, April 2008.
10. Sales Management Association. Sales Process Adoption and Usage, August 2013.

submitted 10.11.2019

Baranova Anna A., assistant at the Department of trade policy of the Russian University of Economics. G. V. Plekhanov, *an9497an@mail.ru*

Korolev Sergey A., assistant at the Department of trade policy of the Russian University of Economics. G. V. Plekhanov. Serezha, *korolev01@mail.ru*

Психофизиологические инструменты маркетинга и брендинга в России

Psychophysiological tools of marketing and branding in Russia

А.А.Жук¹, О.Г.Мрочко², Л.В.Мрочко², С.В.Волкова³

A.A. Zhuk¹, O.G. Mrochko², L.V. Mrochko², S.V. Volkova³

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

²Институт образовательных технологий и гуманитарных наук

³Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

²Institute of Educational Technologies and Humanities

³National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

dr.discussion@yandex.ru

Раскрывается специфика средств аромапсихологии и аромакологии как составляющих маркетинга и брендинга. Анализируется возможность повышения потребительского спроса и рентабельности предприятия с помощью инструментов аромамаркетинга. Исследуется воздействие аромабрендинга, аромаклининга, аромадизайна на подсознание и чувства потребителей, вызывающее определенные психофизиологические состояния. Обозначаются направления применения аромамаркетинга в системе интегрированных маркетинговых коммуникаций.

Ключевые слова: инновационные коммуникативные технологии; психофизиологические основы; аромамаркетинг, аромабрендинг, аромаклининг, аромадизайн.

The specifics of aromatic psychology and aromacology as components of marketing and branding are revealed. The article analyzes the possibility of increasing consumer demand and profitability of the enterprise using aromatherapy marketing tools. The effect of aroma branding, aromaclining, aromadesign on the subconscious and the feelings of consumers, which causes certain psychophysiological conditions, is investigated. Areas of application of aromatic marketing in the system of integrated marketing communications are indicated.

Key words: innovative communication technologies; psychophysiological basis; aroma marketing, aroma branding, aroma aclining, aroma design.

Становление рыночных отношений в России обусловило поиск новых технологий

в целях изменения ранее сложившейся системы интегрированных маркетинговых коммуникаций [1]. Реклама как стандартное средство массовой коммуникации — наружная, печатная, аудио- и видеореклама — сегодня обыденна и привычна для восприятия, однако зачастую она излишне агрессивна, вызывает эмоциональную усталость и потребительский скептицизм.

Поэтому специалисты ищут способы, с помощью которых можно преодолеть эти психологические реакции. С позиций психологии и психофизиологии успех маркетинговых коммуникаций во многом зависит от эффективности воздействия (на подсознание), регулирующего поведение потребителей на рынке товаров и услуг. Практикой доказано, что маркетинговые методики создания и продвижения торговой марки должны учитывать восприятие бренда органами чувств, т. е. использовать пять каналов восприятия: зрение, слух, осязание, вкус и обоняние. Теория пятимерной системы Мартина Линдстрема, основателя маркетинговых агентств Brand Sense и Buyology, обусловила разработку и внедрение инновационных коммуникативных технологий¹ [2]. К таким технологиям относится, например, аромамаркетинг.

Сегодня аромамаркетинг является наиболее перспективным методом продвижения продукта. Психологами установлено, что воздействие на сенсорную систему не столько навязчиво, сколько приятно. Потребитель не осознает, что таким образом его стимулируют совершить покупку или заказать услугу. Средства такого воздействия призваны сделать посещение офиса/магазина комфортным для клиента/покупателя, мотивировать потребителя.

Аромапсихология как новое научное направление изучает влияние запаха на

психоэмоциональную сферу, а также возникновение ассоциаций в связи с запахом конкретного объекта или предмета. Так, в медицине давно практикуется ароматерапия для лечения ряда недугов. В работах российских ученых раскрыто влияние эфирных масел на душевный настрой человека, а также предложены методы диагностики и коррекции нервно-психического состояния с их помощью, даны алгоритмы ароматерапии при некоторых патологиях психоэмоциональной сферы. Наиболее востребованные на практике эфирные масла классифицированы по проявляемым эффектам влияния на человеческую психику — стимуляции, расслабления и адаптации, выделены также группы гармонизирующих и стабилизирующих эмоции масел².

Современный человек перегружен визуальной и аудиоинформацией, поэтому в условиях существующей сегодня жесткой конкуренции маркетинговая стратегия использует средства воздействия и на другие органы чувств, в частности на обоняние. Речь идет о внешней, обычно эмоциональной реакции. Эмоционально-чувственное восприятие человеком окружающего мира базируется на ощущениях, в том числе на запахе. По данным исследований Г. А. Ашляна, более 70 % всех эмоций человека вызваны именно запахом, а не наблюдением звуковой или визуальной информации. Благодаря аромату покупатели находятся в торговых центрах дольше обычного, время посещения увеличивается на 15—20 %, что способствует повышению объема продаж на 10—15 % [3].

В российской науке воздействие ароматов на поведение человека, к сожалению, мало изучено. Однако исследования направлены на определение наиболее благоприятных для восприятия комплексов ароматов

¹ См.: Линдстрем М. Вынос мозга! Как маркетологи манипулируют нами и убеждают покупать их товары. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 304с.; Линдстрем М. Buyology. Увлекательное путешествие в мозг современного потребителя. М.: Альпина Бизнес Букс, 2013. 208с.; Линдстрем М., Сейлболд П. Детский брендинг. СПб.: Нева, 2004. 320 с. и др.

² Миргородская С.А. Аромалогия: QUANTUM SATIS. — М.: «НАВЕУС», 2003. — 2-е изд. — 272 с.; Лавренова Г.В. Вдыхая дивный аромат: ароматерапия — приятный и лёгкий способ лечения. — М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2005. — 154с.; Леонова Н.С. Ароматерапия для начинающих. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2005 — 224 с.; Саков И.В. Аромапсихология. — Ростов н/Д: Феникс, 2006. — 160 с.; Саков И. В. Натуральная парфюмерия. Всё об ароматерапии: духи и ароматические композиции из природных компонентов. — М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2012. — 159 с. и др.

в целях привлечения посетителей (например, в аптеку) [4]. Поскольку ароматы пробуждают положительные воспоминания, чувства и эмоции, это — верный, беспроблемный инструмент аромаркетинга. С точки зрения психофизиологии, запах играет существенную роль при взаимодействии людей.

Чем же уникально использование аромаркетинга в качестве инструмента повышения потребительского спроса и рентабельности предприятия? Давно доказано, что ароматы улучшают самочувствие, снимают усталость, расслабляют, повышают внимание, интерес, активизируют деятельность, помогают создавать у людей настроение. Ученые Медицинского института Говарда Хьюза и Университета Рокфеллера, протестировав добровольцев с использованием палитры сложных запахов, определили, что человек способен распознавать как минимум триллион запахов. В это трудно поверить, но ученые заявляют, что не ошиблись в расчетах. Сравним: глаз человека различает до 10 млн оттенков, ухо воспринимает до 350 тыс. звуковых частот. Следовательно, обоняние дает гораздо больше информации об окружающем мире³.

Обратим внимание на важнейшую особенность использования ароматов в сфере бизнеса: их воздействие подобно рекламе и, более того, превосходит по результату рекламную информацию. Если рекламу человек может не заметить, проигнорировать, то вероятность, что покупатель пройдет мимо заведения, откуда исходит аромат кофе или кокоса, крайне мала.

Основными направлениями аромаркетинга являются аромабрендинг, аромадизайн, аромаклининг.

Аромабрендинг способствует популярности бренда за счет увеличения числа каналов невербальных бренд-коммуникаций, которые формируют эмоциональное отношение потребителя к бренду. Невербальные маркетинговые коммуникации предполагают воздействие через процессы ощущения

и восприятия: визуальные, звуковые, обонятельные, тактильные и вкусовые. Воздействие аромабрендинга базируется на ассоциативной связи аромата с конкретным торговым брендом. Аромат, соответственно, является элементом фирменного стиля и используется как отличительный признак. Аромалоготип — это инструмент маркетинговой разработки ароматизированной продукции и обеспечения эффективности контакта с потребителями.

Аромадизайн — использование ароматов в изготовлении рекламной полиграфической продукции (листовок, плакатов, баннеров, буклетов, брошюр), а также в оформлении логотипа и сувенирной продукции компании.

Аромаклининг — улучшение качества воздуха и удаление неприятного запаха из помещения. Благодаря современным технологиям, специальное оборудование позволяет очистить воздух в замкнутом пространстве и создать подходящий для сотрудников и клиентов микроклимат с учетом социально-демографических и психофизиологических особенностей. В целях определения потребительских предпочтений нами проведен мониторинг спроса на эфирные масла в зимне-весенний период 2018—2019 гг. В опросе приняли участие 100 покупателей сети аптек «Планета здоровья», «Будь здоров» г. Москвы. Определено, что наибольшим спросом пользуются эфирные масла лаванды (18,4 %), бергамота (7,8 %) и эвкалипта (7,0 %). Менее популярны масла ели, мяты, туи, сосны (4,2 %), сандала, пихты, розмарина (3,6 %).

Безусловно, в Москве и городах-миллионниках аромаркетинг развивается быстро, но и в регионах интерес к нему постепенно возрастает, причем в городах, расположенных ближе к Москве, новые тренды внедряются быстрее. Как утверждает генеральный директор компании «Ларом» Е. В. Панкратова, в 2011—2012 гг. зафиксировано одинаковое количество московских и региональных клиентов.

³ Цифровые ароматы: запись, восстановление и передача запахов. URL: <https://habr.com/ru/company/mailru/blog/407721/>

В 2017 г. ситуация изменилась: столичные заказчики составили 2/3 от общего числа клиентов. Помимо этого получила развитие и другая тенденция: количество желающих внедрить технологии ароматизации увеличилось более чем в два раза по сравнению с 2012 г⁴.

Внедрение современных технологий и усиление конкуренции на рынке способствуют развитию аромамаркетинга в мировом масштабе. Россия не исключение: за пять последних лет объем российского аромарынка увеличился более чем в десять раз [5]. Если еще в 2000-х в торговых залах покупателей привлекала фоновая музыка, то сегодня особое внимание уделяется ароматизации.

На мировом рынке услуг ароматическая продукция чаще используется в отелях, казино и фэшн ритейле. В России, если судить по статистике продаж оборудования для ароматизации помещений Aroma Profi и ScentAir, в числе заказчиков маркетинговых ароматехнологий, помимо супермаркетов и кафе, выделяются офисы и банки.

Как упоминалось выше, считается, что аромамаркетинг увеличивает объем продаж. Исследования, проведенные зарубежными и российскими учеными, свидетельствуют, что ароматизация торговых залов увеличивает среднюю продолжительность пребывания покупателей в местах продаж на 28 %, объем реализованной продукции — до 35 %, и на 13 % — 15 % улучшает восприятие субъективных факторов, способствующих покупкам [6, с. 429].

Этот инструмент развития бизнеса используется и в финансовых организациях, в том числе в банках для повышения уровня лояльности клиентов: применение аромамасел уменьшает раздражительность при длительном ожидании в очереди, ослабляет нервозность и стрессовую реакцию при совершении денежных и финансовых операций. Более того, аромабрендинг для крупных банков означает снижение средней стоимости целевого контакта как на мероприятиях по продвижению банковского продукта, так и в большинстве бренд-коммуникаций, в которых используется ароматизация [7].

Как правило, комплексы ароматов для бренд-коммуникаций разделяются по отраслям применения: природа, гурме, интерьер и др. Например, ароматы для супермаркетов должны включать запахи хлеба, фруктов или сладостей, а для автосалонов — кожи и дерева. Для аромамаркетинга характерно понятие сезонных ароматов. Например, у старшего поколения новогодний праздник ассоциируется с запахами хвои и мандаринов, поэтому распыление в период предновогодних продаж этих ароматических веществ имеет особый результат: покупатели этой возрастной категории задерживаются в торговом зале в среднем на 10 мин. дольше обычного, а обороты продаж увеличиваются на 6 % — 7 % [8, с. 19—23].

Использование методов аромамаркетинга способствует увеличению производительности труда в среднем на 20 % и существенно уменьшает психологическое напряжение. При выборе аромата учитывается целевая аудитория, а также интенсивность воздействия. Социологи поставили целью исследовать отношение покупателей к запахам. В опросе приняли участие 100 человек, в возрасте от 18 до 60 лет. Исследование было проведено в торговых центрах «Перекресток» г. Москвы. На вопрос «вы когда-нибудь покупали вещь только потому, что она хорошо пахнет?» 50 % респондентов ответили положительно. Следовательно, аромамаркетинг помогает «задержать» посетителей, а также увеличивает средний чек магазина. Исследование выявило ряд преимуществ ароматизированных торговых залов:

- 80 % участников опроса совершали покупки, даже если изначально не планировали этого делать;
- количество покупателей увеличилось минимум в два раза, если комплекс ароматов был подобран правильно;
- в ароматизированных залах люди проводили на 20 % больше времени и совершали на 40 % больше покупок;
- на 10 % увеличивалось количество импульсных покупок, а общая посещаемость оставалась стабильно высокой.

⁴ Ароматный опыт или аромамаркетинг на Западе и в России. URL: <http://www.advertology.ru/article75736.htm>

По результатам исследования можно сделать вывод, что применение аромата как инструмента интегрированных маркетинговых коммуникаций имеет большие перспективы, поскольку существенно увеличивает объем прямых продаж.

Рассмотрим основные инструменты аромамаркетинга, повышающие эффективность систем интегрированных маркетинговых коммуникаций.

Ароматизация событий эффективна для промо-акций и других BTL-коммуникаций с покупателями. При подборе аромата всегда учитываются специфика и особенности мероприятия.

Сезонный аромамаркетинг — оригинальный метод ароматизации помещений с учетом времени года, широко используется в работе туристических фирм. Натуральные ароматы корицы, гвоздики, шоколада в сочетании с другими инструментами реализации маркетинговой стратегии в зимний период мотивируют клиентов турфирм к приобретению путевки, помогают вызвать предчувствие путешествия через приятные воспоминания и эмоции.

Аромамерчендайзинг как инструмент рекламы применяется с целью побудить покупателя к действию посредством акцентирования внимания на отдельных позициях товара на прилавке или на выставочном стенде (используются ароматизированные POS-материалы, распыление автоматическим диспенсером и др. средства).

Аромасопровождение переговоров и презентаций предполагает особый аромат, в частности, масло грейпфрута настраивает на коммуникацию (средства: аромакулоны, аромакамни, электрические ароматизаторы помещений). Хвойные, мятные ароматы в сочетании с цитрусовыми привлекают внимание к оратору [8].

Аромаполиграфия — ароматизация печатной рекламной продукции, способ вызвать благоприятную ассоциацию у человека, чтобы успешно рекламировать продукцию, услуги. Например, с этой целью аромат морского бриза или кокоса прилагается к каталогу летних товаров. Ароматизация применяется

в отношении различных видов полиграфии — от периодических изданий до буклетов, листовок, открыток и визиток.

Аромасувениры. Если у фирмы есть аромалоготип, например, иланг-иланг, как составляющая аромабрендинга, то подарки клиентам ароматизируются, что способствует повышению лояльности клиентов.

Анализ применения инструментов аромамаркетинга в России свидетельствует, что распространение этих методов мотивации потребителей приобретает массовый характер, несмотря на то что число компаний, использующих аромамаркетинг, существенно ниже, чем в странах Запада, где аромамаркетинг стал активно применяться сравнительно раньше. В России это крупные компании Inditex Group (бренды Massimo Dutti, Zara и др.), Cacharel, «Эльдорадо», «М.Видео», BMW и др.

Таким образом, исследование специфики средств аромапсихологии сегодня направлено на изучение влияния ароматов на психоэмоциональное состояние потребителя. В различных сферах хозяйственной деятельности — в торговле, здравоохранении, туристическом бизнесе, банковской деятельности — создаются благоприятные для восприятия комплексы ароматов. Воздействие психофизиологических инструментов маркетинга и брендинга базируется на функционировании сенсорной системы, ответственной за восприятие информации из окружающей среды.

Перечислим выявленные нами преимущества реализации действия направлений аромамаркетинга. Невербальные бренд-коммуникации формируют эмоциональное отношение потребителя к бренду. Аромаклининг создает особый микроклимат для сотрудников и клиентов с учетом социальных и психофизиологических особенностей. Сегодня мы можем говорить о методах аромамаркетинга как о средстве повышения производительности труда. Более того, применение ароматов увеличивает объем продаж, повышает уровень лояльности клиентов, увеличивает средний чек магазина. Аромабрендирование способствует снижению средней стоимости

целевого контакта.

Следовательно, инструменты аромапсихологии и аромакологии повышают эффективность систем интегрированных маркетинговых коммуникаций, а современные технологии и конкуренция стимулируют развитие аромамаркетинга на мировом рынке.

Литература:

1. **Шарков Ф.И.** Интегрированные коммуникации. Реклама, публик рилейшнз, брендинг. М.: Дашков и К, 2018. 324 с.

2. **Линдстром М.** Чувство бренда. Роль пяти органов чувств в создании выдающихся брендов. М.: Эксмо, 2006. 272 с.

3. **Ашалян Г.А.** Аромамаркетинг как инструмент воздействия на потребителя // Сельское, лесное и водное хозяйство. 2015. № 3. С. 12—15.

4. **Жилякова Е.Т., Сабельникова Н.Н., Тимошенко Е.Ю.** Использование аромамаркетинга в посетительском менеджменте фармацевтической организации // Вестник новых медицинских технологий. 2009. № 3. С. 74—75.

5. **Декабрьская Я.Н.** Современные технологии в маркетинге. Аромамаркетинг // Инновационные технологии управления: сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции. Нижний Новгород: Нижегородский государственный педагогический университет им. К.Минина, 2014. С. 47—49.

6. **Мунши А.Ю.** Направления использования маркетинга в инновационном развитии кооперативных организаций // Вестник Чувашского университета. 2012. № 4. С. 426—429.

7. **Дыленова И.И., Любовникова Н.А.** Аромамаркетинг как инструмент воздействия на человека // Международный журнал экспериментального образования. 2010. № 4. С. 66—67.

8. **Павленко Е.В.** Аромамаркетинг // Сервис в России и за рубежом. 2007. № 3. С. 19—23.

поступила 27.09.19

Жук Анна Александровна — ассистент, программа стратегический маркетинг и управление брендами, Институт финансов и устойчивого развития Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, lenivay-panda@yandex.ru

Мрочко Леонид Владимирович — доктор философских наук, профессор Института образовательных технологий и гуманитарных наук dr.discussion@yandex.ru

Мрочко Ольга Геннадьевна — кандидат исторических наук, доцент Института образовательных технологий и гуманитарных наук olga_mrochko@mail.ru

Волкова (Струкова) София Вячеславовна

— кандидат педагогических наук, доцент кафедры высшей математики № 2 (ВМ-2) МИЭТ ssv1946@ya.ru.

References

1. **Sharkov F.I.** Integrirovannye kommunikacii. Reklama, pablik rilejshnz, brending. M.: Dashkov i K, 2018. 324 s.

2. **Lindstrom M.** Chuvstvo brenda. Rol' i pjat organov chuvstv v sozdanii vydajushhihsja brendov. M.: Jeksmo, 2006. 272 s.

3. **Ashaljan G.A.** Aromamarketing kak instrument vozdejstvija na potrebitelja // Sel'skoe, lesnoe i vodnoe hozjajstvo. 2015. № 3. S. 12—15.

4. **Zhiljakova E.T., Sabelnikova N.N., Timoshenko E.Ju.** Ispolzovanie aromamarketinga v posetitel'skom menedzhmente farmacevticheskoj organizacii // Vestnik novyh medicinskih tehnologij. 2009. № 3. S. 74—75.

5. **Dekabr'skaja Ja.N.** Sovremennye tehnologii v marketinge. Aromamarketing // Innovacionnye tehnologii upravlenija: sbornik trudov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. K.Minina, 2014. S. 47—49.

6. **Munshi A.Ju.** Napravlenija ispol'zovanija marketinga v innovacionnom razvitii kooperativnyh organizacij // Vestnik Chuvashskogo universiteta. 2012. № 4. S. 426—429.

7. **Dylenova I.I., Ljubovnikova N.A.** Aromamarketing kak instrument vozdejstvija na cheloveka // Mezhdunarodnyj zhurnal jeksperimental'nogo obrazovanija. 2010. № 4. S. 66—67.

8. **Pavlenko E.V.** Aromamarketing // Servis v Rossii i za rubezhom. 2007. № 3. S. 19—23.

submitted 27.09.19

Zhuk Anna A., assistant professor of Advertising and Mass Communications Theory Department, Moscow University for the Humanities (5, Yunosti street, Moscow, 111395, Russia), lenivay-panda@yandex.ru

Mrochko Leonid V., Doctor of Philosophy, Professor, professor of Advertising and Mass Communications Theory Department, Moscow University for the Humanities (5, Yunosti street, Moscow, 111395, Russia), dr.discussion@yandex.ru

Mrochko Olga G., Candidate of Historical Sciences, assistant professor of Physical Education Department at Moscow State Academy of Water Transport, Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping (5/7, Dvinskaya street, Saint-Petersburg, 198035, Russia), olga_mrochko@mail.ru

Volkova (Strukova) Sofia V., candidate of pedagogical Sciences, associate Professor of the Department of higher mathematics No. 2 (VM-2) MIET, ssv1946@ya.ru.

Управление процессом качественных преобразований в развитии научно-производственных комплексов на основе системно-синергетического подхода

Management of the process of qualitative transformations in the development of scientific and industrial complexes based on a system-synergetic approach

А. Ю. Бударов

A. Yu. Budarov

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

fmn@miee.ru

Рассмотрены значимые аспекты управления процессом качественных преобразований в развитии градообразующих научно-производственных комплексов. Реализация совокупности адекватных ситуации стимулов деловой активности формирует основу для повышения интенсивности роста основных экономических параметров предприятий и перехода научно-производственного комплекса на новый качественный уровень развития. Разработанные теоретические положения адаптируют основные принципы системно-синергетического подхода к рассмотренной проблеме и позволяют повысить эффективность управления развитием научно-производственного комплекса.

Ключевые слова: системно-синергетический подход; социально-экономические системы; качественные преобразования; деловая активность; валовый доход; бимодальность; гистерезис; автокатализитичность; гетерогенный катализ; кластеры;

The significant aspects of managing the process of qualitative transformations in the development of city-forming scientific and industrial complexes are considered. The implementation of a set of stimuli of business activity appropriate to the situation forms the basis for increasing the growth rate of the basic economic parameters of enterprises and the transition of the scientific and production complex to a new qualitative level of development. The developed theoretical provisions adapt the basic principles of a system-synergetic approach to the considered problem and make it possible to increase the efficiency of managing the development of the scientific and production complex.

Key words: system-synergetic approach; socio-economic systems; quality transformations; business activity; gross income; bimodality; hysteresis; autocatalyticity; heterogeneous catalysis; clusters

В первом исследовании [1] приведена концептуальная основа формирования потенциала развития научно-производственного комплекса (НПК). Это результат целенаправленного создания системы стимулов, необходимой для повышения деловой

активности предприятий НПК. Такой потенциал представляет собой значительную мотивационную основу возникновения процесса качественных преобразований НПК. С позиции системно-синергетического подхода меры стимулирования и увода

от равновесного состояния позволят обеспечить качественный скачок в форме бифуркации — переход на новый предельный цикл функционирования НПК. В связи с этим необходимо решение проблемы управления радикальными преобразованиями НПК. Внешний признак, индикатор возникновения бифуркации — увеличение разброса значений совокупного валового дохода НПК, традиционно характеризующий величиной среднего квадратичного отклонения. Также адекватным индикатором процесса развития НПК является статистический показатель моды. В качестве случайной величины здесь выступает совокупный валовой доход НПК.

Можно предположить, что параметр моды величины совокупного валового дохода НПК в процессе перехода на новый качественный уровень будет иметь особенность: появление *бимодальности*. Эта особенность качественных изменений свойственна многим видам сложных систем [2, 3]. Когда потенциал НПК достигает порогового значения, возникает бифуркация и распределение вероятности величин валового дохода НПК трансформируется от одномодальной формы к бимодальной. Две моды — M_A (характерная величина валового дохода до преобразований) и M_B (характерная величина валового дохода после преобразований) — соответствуют двум наиболее вероятным значениям валового дохода в течение переходного процесса. Если на деятельность НПК влияют несколько противоречивых тенденций — повышается сложность траектории эволюции, поэтому возможен полимодальный вид распределения вероятностей валового дохода. Далее, в случае успешного качественного скачка, после восстановления равновесности системы происходит окончательный переход к M_B .

В зоне неустойчивости в момент бифуркации особое значение имеют флуктуации. Внешним проявлением флуктуации, вероятно, является повышенная изменчивость параметров НПК и, как следствие, их колебания между двумя модами. После нескольких крупных колебаний система под

влиянием наиболее «успешной» флуктуации переходит в новое качественное состояние (M_B).

Сложность и открытость системы НПК является причиной наличия такого свойства в точке бифуркации, как *гистерезис*. Это свойство динамики системы характеризуется *бистабильностью* состояния и обусловлено также тем, что совокупность бизнес-единиц НПК, функционирующих в определенном рыночном сегменте, хотя бы в небольшой степени обладает так называемой *автокаталитичностью*. Точнее говоря, для обеспечения качественных скачков в развитии НПК необходимо привлечение в новые конкурентоспособные бизнес-проекты фирм-лидеров, обладающих уникальными ключевыми компетенциями и ресурсами и склонных быть системообразующими центрами. В связи с этим целесообразно применить к описанию механизма формирования организационно-экономических условий развития НПК такие понятия, как «гетерогенный катализ» и «автокатализ», часто используемые в синергетике относительно физико-химических систем. В данном случае свойство *гетерогенного катализа* определяется как воздействие посредством инвестиций государства на системообразующие, но малорентабельные в существующих условиях бизнес-процессы. Например, посредством налоговых и таможенных льгот в рамках определенного вида деятельности формируется высокая рентабельность и возникает дополнительная прибыль, помимо рыночной доходности.

Свойство автокатализа предполагает многократное увеличение потребности в обеспечивающих, обслуживающих и иных сопутствующих бизнес-процессах после организации выполнения основных системообразующих бизнес-процессов. За счет этого многократно возрастают совокупные объемы валовой продукции и прибыли НПК.

Таким образом, причиной *гетерогенного катализа* деловой активности бизнес-единиц является формирование экзогенных

противоречий между НПК и окружающей бизнес-средой. Тогда как *автокатализ* возникает в результате экзо-эндогенных противоречий между элементами и составляющими самого НПК.

Можно рассматривать «флуктуации» фирм-лидеров как аналог процессов мутации в биологических системах, тогда как поиск устойчивости играет роль «естественного отбора». При этом источником инноваций и диверсификации является бифуркация, поскольку именно в результате качественного скачка возникают новые решения. Это утверждение вполне адекватно объясняет некоторые особенности эволюции отраслей и рынков.

Фирма-лидер или иной системообразующий элемент, взаимодействуя со своим окружением, субподрядчиками или партнерами, служит для них источником повышения рентабельности. По мере «удаления» от системообразующего центра уровень рентабельности стремится к среднерыночному. Взаимодействие между системообразующим элементом и его окружением характеризуется эффектом «захват частоты» и формированием когерентности функционирования. При этом лидер задает основные пропорции и целевые параметры (ритм) деятельности для некоторого множества других бизнес-единиц сегмента. Это приводит в конечном итоге к возникновению интегрированной бизнес-структуры (альянс, кооперация, бизнес-сеть) около системообразующего элемента.

При реализации программы стимулирования деловой активности бизнеса в НПК необходимо ориентироваться на максимизацию мультипликативных синергетических эффектов, которая достигается в результате реализации группы инноваций предприятиями НПК. Группа инноваций, взаимодополняющих друг друга, — это одно из основных направлений стратегии системообразования, ориентированной на обеспечение нелинейности роста валового продукта НПК.

Возникает положительная обратная связь: стимулирование → увеличение валового продукта системообразующего проекта

→ увеличение валового продукта сопутствующих инновационных проектов → увеличение спроса на продукцию системообразующего проекта и т. д.

Вместе с тем системообразующие инновации могут быть и конкурирующими. Например, рынок интернет-провайдеров использует несколько технологий обеспечения потребителей Интернетом. Это системообразующие инновации, они обуславливают развитие соответствующих рыночных сегментов — оборудования, сопутствующих услуг и др. Сегмент рынка, использующий такую технологию, имеет динамику развития, измеряемую ростом валового дохода, и популярность среди фирм, внедряющих системообразующую технологию в качестве основы бизнеса (статистически популярность измеряется максимальной частотой использования технологии). Фирма, внедрившая инновацию, становится источником новых предпринимательских возможностей для других бизнес-единиц, что обуславливает возникновение зоны повышенной рентабельности. Вокруг фирмы-лидера формируется предпринимательская структура, действующая в рамках системообразующей технологии, — множество контрагентов, субподрядчиков, партнеров, потребителей и др.

Между несколькими системообразующими центрами возникает рыночное взаимодействие, предполагающее наличие конкуренции. В результате конкуренции доминирует системообразующий центр с максимальной рентабельностью. Единичный цикл развития НПК на определенном качественном уровне может являться результатом такой конкуренции и выделения доминирующей технологии.

Таким образом, некоторые из системообразующих инноваций, распространяясь среди бизнес-единиц рыночного сегмента и вытесняя конкурентные инновации, в конечном итоге выводят систему НПК за барьер устойчивости. Наиболее успешные инновации меняют структуру рыночного сегмента, а фирмы, которые внедряют эти инновации, становятся системообразующими

центрами.

Остальные бизнес-единицы сегмента, формируя партнерские отношения с системообразующими фирмами, совершают переход в новое качественное состояние. Они становятся элементами интегрированных бизнес-структур. В конечном итоге в данном рыночном сегменте формируется один или несколько кластеров бизнес-единиц. Они представляют собой предпринимательские структуры, образовавшиеся децентрализованно, посредством самоорганизации.

По мнению И. Пригожина, упорядоченность выглядит как своего рода компромисс между двумя антагонистическими факторами — нелинейным процессом, который непрерывно и несогласованно посылает инновационные сигналы в виде флуктуаций, и процессом, который улавливает, передает и стабилизирует эти сигналы [2]. Нарушение тонкого равновесия между этими процессами приводит к качественным изменениям: или к хаотическому состоянию, в котором каждый элемент системы действует сам по себе, или, наоборот, к статичному состоянию, в котором флуктуации подавлены и установилась полная однородность.

По мнению ряда специалистов, существование циклических кризисов в экономике ряда стран обусловлена переходными процессами между равновесными состояниями, стимулируемыми ожиданием дополнительной прибыли [4, 5]. «Почти в каждом циклическом кризисе происходил скачок от одной равновесной точки к другой: от минимальной (по норме прибыли) в некризисные годы к максимальной — в кризисные годы» [4]. С позиции экономического анализа этот феномен объясняется следующим образом: «Ученые объяснили этот факт существованием в рыночной экономике двух сил: монопольной и свободной конкуренции. Скачки, или бифуркация, возникали в моменты, когда преобладание монопольных сил (и, следовательно, максимизации прибыли) сменялось условиями свободной конкуренции (максимизации выпуска). В эти моменты капиталоемкость достигала локального максимума, то есть экстенсивный

характер научно-технического прогресса приближался к своему экономическому пределу, открывая двери для новых технических сдвигов. В этих условиях силы конкуренции становятся наиболее активными и помогают атаковать и разрушать структуры старых монополий и олигополий» [4]. Очевидно, что аналогичные процессы имеют место и на уровне мезоэкономических систем, к которым относится НПК.

По мере ухода от равновесного состояния степень корреляции основных параметров деятельности бизнес-единиц увеличивается, достигает макроскопических масштабов — и начинается процесс формирования кластеров.

Вблизи точки бифуркации уровень корреляции основных параметров высокий. Благодаря «флуктуациям» основных параметров, бизнес-единицы анализируемого рыночного сегмента испытывают спонтанные отклонения от наиболее вероятного состояния, постепенно возникает так называемая бимодальность.

Весьма вероятно, что в состоянии переходной бимодальности поведение системы НПК в большей степени случайное, а расхождение между средним и наиболее вероятным значением основных параметров — существенное.

Неравновесное состояние обусловлено постоянным взаимообменом с внешней бизнес-средой, а также различием в состоянии внешней среды и системы (определенных параметрах системы). Такие различия постоянны, если созданы и поддерживаются соответствующие внешние ограничения системы НПК.

В режиме неравновесного состояния приобретаются способности к изменениям: небольшие локальные отклонения не всегда разрушаются постоянным противодействием и противоположными тенденциями. Отклонения могут быть восприняты или даже усилены (свойство автокатализа), т. е. могут стать источником разнообразия и сложного поведения такой системы, как НПК. Эволюция НПК обусловлена соответствующими неравновесными ограничениями,

формируемыми в ходе изменения некоторых характерных параметров, в частности управляющего параметра системы НПК — «экзогенно изменяемый потенциал развития». В равновесном состоянии внешние ограничения системы отсутствуют.

Фактор нелинейности в совокупности с неравновесными ограничениями ответственен за множественность решений и, следовательно, за диверсификацию типов поведения системы.

В качестве *изолированной системы* целесообразно рассматривать НПК без специального, целенаправленного государственного регулирования и государственных инвестиций. Взаимодействие всего множества бизнес-единиц НПК между собой и с контрагентами внешней среды, как система, характеризуется стремлением к равновесному состоянию. В этом случае изолированность предполагает отсутствие специфического (нерыночного) вмешательства государства в рыночные процессы. В такой системе устанавливается равновесное состояние. Вполне обоснованным является утверждение, что взаимодействия между бизнес-единицами в условиях изолированности равновероятны (аналогично модели совершенной конкуренции), тогда как в условиях внешнего воздействия (механизмы воздействия внешней среды) рынок структурируется — и упорядоченные предпринимательские структуры образуют кластеры, координирующие действия своих элементов.

В случае существования взаимобмена между системой и внешней средой система является открытой. В синергетике [2] такие системы называют диссипативными, так как имеет место получение энергии системой из внешней среды и ее диссипация, то есть рассеяние. Часть энергии в таких системах идет на повышение их упорядоченности. С этой позиции инвестиции государства можно рассматривать как *упорядочивающую энергию*. Инвестиционное и информационное воздействия государства здесь являются управляющим звеном и налагают на систему НПК внешние ограничения, обуславливающие

формирование неравновесности. По мере осуществления управляющих воздействий система НПК приобретает отрицательную тенденцию к снижению энтропии, но не за счет монополизации, а за счет процессов самоорганизации предпринимательских структур. Причем управляющие воздействия государства здесь имеют стимулирующий, а не директивный характер. Фирмы самостоятельно принимают решения, так как предполагается, что в условиях единого информационного пространства они обладают максимальной информацией о своих возможностях и об эффективности конкретного варианта взаимодействия с контрагентом.

Формирование нового рыночного сегмента, как правило, начинается с радикальной системообразующей инновации. Фирма-лидер, внедрившая инновацию, активно участвует в ценообразовании, так как конкуренция в данном случае отсутствует либо незначительна. Контрактные условия монопольного характера с дополнительной прибылью создают стимулы для так называемой *диффузии* инновации посредством притока на новый рыночный сегмент других фирм, обладающих потенциалом, достаточным для внедрения этой инновации. Такой процесс увеличивает энтропию в системе сегмента, так как здесь появляется множество независимых бизнес-единиц, оказывающих влияние на основные экономические параметры рыночного сегмента. Для понимания механизма увеличения энтропии целесообразно охарактеризовать состояние рыночного сегмента через определение скорости (отличной от нуля) экзогенного увеличения энтропии посредством воздействия извне. Влияние внешней среды на систему изменяет общий уровень ее энтропии. Причем параметр скорости может быть как положительным, так и отрицательным.

В случае положительной величины параметра скорости энтропии образуются благоприятные внешние условия для притока бизнес-единиц в рыночный сегмент, увеличения конкуренции и роста общего уровня энтропии системы НПК. Если параметр

скорости отрицательный — значит, на данной стадии эволюции системы происходит общее снижение энтропии. Иными словами, воздействие внешней среды (инвестиций государства) способствует упорядочиванию и самоорганизации интегрированных бизнес-структур в рамках рыночного сегмента. Имеет место снижение энтропии в системе, внутренняя дифференциация и сложное поведение. Внутренняя дифференциация обуславливает нарушение симметрии в системе, появление кластеров бизнес-единиц вокруг системообразующих центров, возникает разделение труда (специализация).

Управление развитием рыночного сегмента направлено на создание таких условий для бизнес-единиц НПК, при которых вероятность возникновения системообразующих центров повышается. Так, например, предоставление налоговой льготы для группы фирм НПК обеспечивает им за определенный период некоторый объем дополнительной прибыли. Фирма-лидер в такой группе будет обладать потенциалом и конкурентными преимуществами, достаточными для формирования около нее бизнес-сети в целях реализации крупного инновационного проекта.

Формирование потенциала развития НПК посредством создания организационно-экономических условий для повышения деловой активности имеет последовательную структуру.

1. Равновесное состояние НПК.

На всех рыночных сегментах бизнес-единицы НПК достигли оптимального объема производства в заданных условиях бизнес-среды. Состав и количество бизнес-единиц относительно постоянны. Состояние НПК характеризуется равновесием, то есть равенством противоположных тенденций в общей динамике результатов деятельности НПК.

2. Возникновение так называемых *экзогенных и эндогенных факторов*, влияющих на деятельность НПК.

Создание системного «возмущения» экзогенного характера, то есть воздействие на НПК посредством целенаправленных

инвестиций государства. Формирование внешних ограничений для поддержания неравновесности состояния.

3. Изменение рентабельности бизнес-процессов рыночного сегмента как следствие различных форм целенаправленного инвестирования.

4. Формирование потенциала развития НПК.

Увеличение рентабельности бизнес-процессов, которые являются системообразующими звеньями в технологической цепи.

5. Уход от равновесного состояния, появление доминирующих тенденций и движущих сил.

Увеличение деловой активности в рыночном сегменте и системообразующая роль бизнес-процессов: концентрация бизнес-единиц в «центрах притяжения», формирование кооперационных связей.

6. Количественные изменения параметров деятельности НПК.

Создание инновационных проектов на основе вновь сформированных предпринимательских структур, дифференциация труда субподрядчиков, синергетическое взаимодействие.

7. Достижение критического уровня накопления количественных изменений и, как следствие, качественный скачок в развитии НПК.

Системообразующая роль крупных инновационных проектов: формируется множество сопутствующих и дополняющих проектов, возникает свойство «автокатализа» системы НПК — способность самостоятельно поддерживать и наращивать темпы роста деловой активности. Появляется синергетический, мультипликативный эффект.

8. Равновесное состояние на новом качественном уровне развития НПК.

По мере исчерпания потенциала развития НПК предпринимательские структуры стремятся к стабилизации и повышению устойчивости бизнеса, максимизации прибыли в стабильных условиях.

Данная структура является теоретической основой для разработки стратегий развития НПК. Основным моментом

реализации такого рода стратегий является определение размера государственных инвестиций, достаточного для инициирования процессов самоорганизации и саморазвития.

Каждый рыночный сегмент НПК представляет собой звено в более крупной технологической цепи. Инициирование процессов развития депрессивных рыночных сегментов позволит увеличить деловую активность в крупных, комплексных технологических процессах, что также представляет собой проявление мультипликативного эффекта на более высоком уровне. Это уровень не отдельных бизнес-единиц, а интегрированных предпринимательских структур, имеющих характер стратегических альянсов и корпоративных сетей. По завершении стадии перехода на новый качественный уровень и возникновении стремления к равновесности в такой структуре основные экономические параметры оптимального состояния определяются также не для отдельных фирм, а для предпринимательских структур как целостного явления.

Взаимодействие между бизнес-единицами НПК многоаспектно. Наравне с организационным аспектом существенным является информационный аспект взаимодействия, который также необходимо анализировать, используя такую функцию состояния системы, как энтропия. Снижение энтропии информационного взаимодействия влияет на организационные процессы в рамках НПК и в конечном итоге снижает организационную энтропию рыночного сегмента.

Особенностью социально-экономических систем является самостоятельность каждого элемента, бизнес-единицы: самостоятельные цели, своя программа действий и собственные проекты, отдельное представление о целях и планах деятельности партнеров и конкурентов. Таким образом, каждая бизнес-единица является по сути активным элементом системы.

Также только в социально-экономических системах возможна взаимосвязь всех элементов в едином информационном

пространстве. Данная особенность обуславливает высокую степень координации между удаленными друг от друга элементами и значительно увеличивает вероятность реакции системы на спонтанные действия какого-либо элемента.

Традиционно в рамках интегрированных структур мотивация взаимодействия бизнес-единиц определяется в основном юридическими стимулами, основанными на праве собственности, и осуществляется преимущественно административными методами. Тогда как в условиях разрабатываемого механизма самоорганизации предпринимательских структур НПК юридические стимулы могут быть неосновным, вспомогательным инструментом управления, а мотивация взаимодействия бизнес-единиц определяется стимулом получения дополнительной прибыли. В качестве одного из основных факторов, препятствующих взаимодействию, выступает асимметрия рыночной информации.

Асимметрия рыночной информации предполагает разный объем значимой коммерческой и иной информации у субъектов рыночного сегмента. В силу этого повышается вероятность возникновения упущенной выгоды — по причине игнорирования потенциальных возможностей и новых совместных проектов. В результате снижается эффективность рыночного механизма взаимодействия и появляется особый вид затрат — информационные затраты. Асимметрию рыночной информации предложено измерять с помощью функции информационной энтропии.

С позиции интеграции управление развитием НПК сводится к снижению организационной энтропии, так как этот процесс является результатом формирования крупных интегрированных предпринимательских структур, реализации инновационных проектов и повышения продуктивности НПК.

Определение информационной энтропии основано на процессном подходе. С этой позиции каждый бизнес-процесс, реализуемый определенной бизнес-единицей, имеет

свой информационный образ. Информационный образ — это совокупность сведений (атрибутов) о характеристиках бизнес-процесса и ключевых компетенциях бизнес-единицы, сведения доступны всем участникам единого информационного пространства НПК. Причем объем доступной информации здесь прямо пропорционален эффективности решения о формировании новой предпринимательской структуры. Например, у фирмы А есть потребность реализовать в рамках своего технологического процесса бизнес-процесс Х с определенными характеристиками. Вместе с тем процесс с такими характеристиками (например, уровень затратоемкости) в состоянии реализовать фирма В. Для принятия оптимального решения фирма А должна иметь доступ к информационному образу фирмы В. Иными словами, информационный образ снижает информационную энтропию и повышает вероятность принятия оптимального решения. Следовательно, создание единого информационного пространства и постоянное повышение его качества сводится к формированию детальных, но не избыточных информационных образов объектов НПК.

Целевым состоянием единого информационного пространства НПК является полная симметричность информации: каждая бизнес-единица имеет полную информацию о характеристиках бизнес-процессов и особенностях всех других бизнес-единиц НПК. В этом состоянии информационная энтропия стремится к своему минимальному значению.

Снижение информационной энтропии наряду со снижением организационной энтропии приводит к минимизации трансакционных издержек информационного характера. Иными словами, снижается противодействие системы управляющему воздействию в виде инвестиций государства и повышается величина синергетического эффекта.

В рамках управления развитием рыночного сегмента НПК взаимодействие в сетевых предпринимательских структурах необходимо выстраивать с учетом конкурентных

отношений. Связи и отношения между бизнес-единицами должны характеризоваться мобильностью и альтернативностью формирования технологических цепочек, при этом в каждом бизнес-процессе целесообразно создавать условия для возникновения конкурентных отношений между потенциальными его исполнителями.

По мере снижения информационной энтропии и повышения упорядоченности увеличивается интенсивность взаимодействия бизнес-единиц НПК. В таких условиях повышается вероятность возникновения интегрированных предпринимательских структур и концентрация деловой активности всего рыночного сегмента. Все это, безусловно, приводит к увеличению вероятности качественного скачка в развитии НПК.

По мнению Ю. В. Гусарова, системы эволюционируют, когда достигают уровня сложности, достаточного для образования между их компонентами гибких обратных связей. Они подвергаются воздействию довольно мощного и постоянного источника энергии. Фактор нарушения равновесия играет роль пускового механизма, инициирующего эволюционное развитие [4].

В итоге можно заключить, что разработанные теоретические положения входят в концептуальную основу управления прогрессивными качественными преобразованиями в развитии градообразующих научно-производственных комплексов. Применение этих положений обеспечивает формирование особых организационно-экономических условий в бизнес-среде НПК, которые создают неравновесность предпринимательской среды и стимулируют деловую активность бизнес-единиц.

Литература:

1. Бударов А.Ю. Теоретические положения формирования потенциала развития научно-производственных комплексов на основе системно-синергетического подхода // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2019. № 2 (22), С. 6—12.
2. Николис Г., Пригожин И. Познание сложного. Введение: пер. с англ. 2-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2003. 344 с.
3. Николис Г., Пригожин И. Самоорганизация в неравновесных системах. М.: Мир, 1979.

4. **Гусаров Ю.В.** Управление: динамика неравновесности. М.: Изд-во «Экономика», 2003. 382 с.

5. **Меньшиков С.М., Клименко Л.А.** Длинные волны в экономике. М.: Международные отношения, 1989.

поступила 12.11.2019

Бударов Андрей Юрьевич — доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и менеджмента (ЭиМ) МИЭТ. E-mail: fmn@miee.ru.

References

1. Budarov A.YU. Teoreticheskie polozheniya formirovaniya potenciala razvitiya nauchno-proizvodstvennykh kompleksov na osnove sistemno-sinergeticheskogo

podhoda // Ekonomicheskie i social'no- gumanitarnye issledovaniya. 2019. № 2 (22), S. 6—12.

2. Nikolis G., Prigozhin I. Poznanie slozhnogo. Vvedenie: per. s anl. 2-e izd., stereotipn. M.: Editorial URSS, 2003. 344 s.

3. Nikolis G., Prigozhin I. Samoorga nizaciya v neravnovesnyh sistemah. M.: Mir, 1979.

4. Gusarov YU.V. Upravlenie: dinamika neravnovesnosti. M.: Izd-vo «Экономика», 2003. 382 с.

5. Men'shikov S.M., Klimenko L.A. Dlinnye volny v ekonomike. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1989.

submitted 12.11.2019

Budarov Andrei Yu., Ph. D. in Economics, Associate Professor, professor of Economics, Management and Finances Department, National Research University of Electronic Technology (1, Shokin sq., Zelenograd, Moscow, 124498, Russia), fmn@miee.ru

Внешнеторговые связи Европейского союза и Российской Федерации: позиции энергоносителей

Foreign Trade Relations Between the European Union and The Russian Federation: Positions of Energy Carriers

И. С. Гладков^{1,2}, Л. Л. Разумнова²

I. S. Gladkov^{1,2}, L. L. Razumnova²

¹ *Институт Европы Российской академии наук, Москва, Россия*

² *Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия*

¹ *Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

² *Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia*

professorgis@rambler.ru

Рассматриваются актуальные и наиболее важные тренды во внешнеторговых связях Европейского союза и Российской Федерации как давних и традиционных партнеров в современной международной торговле. Авторами делается акцент на выявление роли энергоносителей, в частности, нефти, во взаимном товарном обмене Евросоюза и России в контексте новейших сдвигов в сфере глобальной и региональной торговли на фоне нараставшей в период 2014—2018 гг. турбулентности в системе мирового хозяйства и международного товарного обмена. Показаны наметившиеся на протяжении последнего времени перемены в позиции РФ как одного из важнейших внешнеторговых контрагентов ЕС. При этом ряд официальных и расчетных данных вводится в отечественный научный оборот впервые. В ходе проведения данного исследования авторами использовалась методология сравнительного и статистического анализа.

Ключевые слова: международная торговля, внешняя торговля, товарный экспорт / импорт, санкции, Европейский Союз (ЕС), Германия, Нидерланды, Польша, Венгрия, Российская Федерация (Россия, РФ), Китай, США.

Current and most important trends in foreign trade relations between the European Union (EU) and the Russian Federation (RF) as long-standing and traditional partners in modern international trade are considered. The authors focus on identifying the role of energy carriers, in particular, oil in mutual commodity exchange of the EU and RF in the context of the latest developments in the sphere of global and regional trade against the background of turbulence in the world economy and international commodity exchange that grew in the period 2014–2018. Recent changes in the position of the Russian Federation as one of the most important foreign trade counterparties of the EU are shown. At the same time, a number of official and calculated data is introduced into the domestic scientific circulation for the first time. In the course of this study, the authors used the methodology of comparative and statistical analysis.

Keywords: international trade, foreign trade, merchandise export / import, sanctions, the European Union (the EU), Germany, Netherlands, Poland, Hungary, Russian Federation, China, the USA.

На современном этапе сформировавшейся и постепенно нараставшей *турбулентности* как в системе мировой экономики, так и международной товарной торговли отмечалось заметное ухудшение в сфере внешнеторговых связей между различными контрагентами. Негативные тренды затронули и взаимные торговые контакты двух еще в недавнем прошлом «незаменимых» партнеров — Европейского союза и Российской Федерации.

Стоит учитывать, что наряду с глобальными сдвигами свою ощутимую «лепту» в некоторую напряженность между ними внесли введенные ЕС в отношении РФ с 2014 г. санкционные меры и ответные контрсанкции со стороны России (см.: [1; 2; 3; 4; 5; 6]).

Тем не менее, несмотря на неоднократное продление ристрикционных действий, в последние два года динамика внешнеторгового оборота между двумя традиционными контрагентами в некотором отношении преодолела «полосу препятствий» и вышла

на относительно позитивную траекторию.

Действительно, после прохождения зоны минимальных значений в 2015–2016 гг. общий товарный экспорт Европейского союза в Российскую Федерацию возрос на 16,1% в 2017 г. и почти на 10,0% в 2018 г. Но досанкционного уровня 2013 г. его стоимость пока не достигла (см. табл. 1).

При этом импорт российских товаров в Евросоюз демонстрировал длительное падение стоимостных показателей в 2014–2017 гг. Прорывное их повышение произошло только в 2018 г. — на 57,6%. Тем не менее, как свидетельствуют расчетные данные, с 2013 г. отмечалось постоянное снижение доли минерального сырья и продуктов в совокупной стоимости отечественного товарного вывоза в Европейский союз (см. табл. 1). Таким образом, энергоносители постепенно утрачивали лидирующие позиции в российском экспорте товаров в Евросоюз, хотя и остаются его ведущими статьями, составляя в общем стоимостном объеме около 61%.

Таблица 1

Динамика внешнеторгового оборота Европейского союза и Российской Федерации, 2012–2018 гг. (млрд долл. США, %)

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
ЕС, экспорт, мир	5 684,927	5 995,673	6 030,225	5 226,860	5 220,917	5 720,178	6 282,755
ЕС, экспорт в РФ	132,719	134,147	118,053	65,423	69,909	81,183	89,283
ЕС, импорт, мир	5 741,816	5 839,278	5 931,415	5 082,703	5 111,298	5 629,893	6 245,771
ЕС, импорт из РФ	245,710	241,246	224,409	136,780	130,617	130,158	205,110
В том числе:							
Минеральное сырье, продукты	197,693	197,296	181,966	102,023	76,366	95,066	124,885
Минеральное сырье, продукты %	80,46	81,78	81,08	74,58	58,47	73,03	60,88
ЕС, баланс, мир	-56,889	156,359	98,810	144,157	109,619	90,285	36,984
ЕС, баланс во внешней торговле с РФ	-112,991	-107,099	-106,356	-71,357	-60,708	-48,975	-115,827

Составлено и подсчитано (Гладковым И.С.) по: [18; 25].

Стоит отметить, что для России ЕС остается, несмотря на взаимные санкционные меры, важнейшим внешнеторговым партнером, а его доля в товарообороте РФ на фоне незначительных флуктуаций составляла в 2016–2018 гг. свыше 42% [7; 8; 9]. Причем Европейскому союзу с 2013 г. удавалось сводить общий баланс внешней торговли с положительным сальдо, но в товарном обмене с Российской Федерацией на протяжении рассматриваемого периода внешнеторговый баланс стабильно имел отрицательное сальдо. В товарном экспорте ЕС за последние два года Россия восстанавливала ранее оставленные позиции, заняв прежнее 4 место в списке ведущих партнеров (к 2017 г. ее удельный вес возрос до 4,6%, а в 2018 г. составил 4,4%). Однако в товарном импорте Евросоюза РФ прочно удерживала третью позицию, вслед за КНР и США, с растущей, в отличие от этих стран, долей поставок — в 2017 г. до 7,8%, а в 2018 г. до 8,5% (см.: [7]). Во многом это обуславливалось, по мнению экспертов, ввозом ЕС из России достаточно существенных объемов энергоносителей (углеводородов, в частности, нефти).

На современном этапе РФ, наряду с Саудовской Аравией, является крупнейшим поставщиком сырой нефти на мировой рынок и основным ее экспортером в страны Европейского союза, зависимость которых от внешних поставок этого вида углеводорода достигает 87–88 %. В целях снижения возможных рисков, связанных с возрастанием энергетической зависимости, ЕС сейчас расширяет использование возобновляемых источников энергии (ВИЭ), повышает эффективность использования всех прочих видов углеводородных ресурсов, а также стремится обеспечить надежность транспортной инфраструктуры и диверсифицировать источники внешних поставок.

Тем не менее, спрос на нефть в Евросоюзе вплоть до 2014 г. показывал тенденцию к снижению. Так, в 2007–2014 гг. потребление уменьшилось с 713,5 до 598,7 млн т. (на 16,1 %). В последующие три года спрос повысился до 631,5 млн т, но в 2018 г. вновь незначительно сократился — до 629,0 млн т. (на

0,4%), что существенно меньше, чем в целом за 2007–2017 гг., когда спрос падал в среднем на 1,2% в год (подсчитано по: [11]).

При этом в 2014–2018 гг. ценовая конъюнктура характеризовалась понижательным трендом до 2016 г., когда цены Brent сократились со 105,0 долл./барр. до 45,8 долл./барр. (в ценах 2018 г.). Далее развитие рынка характеризовалось ростом цены, которая в 2018 г. составила 71,3 долл./барр.

Согласно данным British Petroleum (ныне BP — транснациональной нефтегазовой компании со штаб-квартирой в Лондоне), несмотря на все коллизии, в 2007–2018 гг. мировой импорт нефти увеличился с 57,4 до 71,3 млн барр./сутки, или на 24,2% (при среднегодовом росте 1,9%). Но в 2018 г. рост ее импорта на 2,5% превысил прежние показатели. При этом главными региональными получателями сырой нефти в 2018 г. стали Европа, Китай и США (здесь и далее см.: [17]).

Однако на фоне повышения суммарного импорта трех крупнейших покупателей нефти страны Европы сократили свою долю с 21,8% в 2014 г. до 21,2% в 2018 г. (как и США — соответственно с 15,6% до 13,9%), так что отмечался рост только удельного веса Китая с 12,5% до 15,5%. Оценивая общую ситуацию на рынке нефти в 2018 г., главный экономист BP Спенсер Дейл (Spencer Dale) определил ее как растущее несоответствие между надеждами и реальностью, то есть ожиданием изменения движения энергетических рынков в сторону снижения роста энергопотребления и отсутствием проявления этой тенденции на практике [17].

При рассмотрении динамики и структуры импорта нефти в Евросоюз следует выделить ряд трендов.

Так, по данным Европейской комиссии, годовые поставки нефти в страны ЕС (без учета внутренней торговли) в 2014–2018 гг. возросли с 3652,9 млн барр. до 3817,9 млн барр., или на 4,5% [18; 19].

На этом этапе произошли заметные сдвиги в региональной структуре ввоза нефти Европейским союзом. Крупнейшими поставщиками оставались страны бывшего

СССР, однако их доля сократилась с 40,1% до 38,8%. Кроме того, снизился удельный вес как африканских стран с 24,2% до 21,1%, так и европейских партнеров – с 15,4% до 11,2%. Одновременно повысилась доля стран Ближнего и Среднего Востока – с 14,6% до 20,2% и Америки – с 5,7% до 8,8%

(поставки из стран АТР прекратились в 2015 г.).

Тем не менее, на протяжении всего исследуемого периода главными экспортерами нефти на рынок ЕС оставались Россия и Норвегия (см. табл. 2).

Таблица 2

Динамика импорта нефти ЕС по странам–экспортерам, 2014–2018 г.г.

(тыс барр. %)

	Страна - экспортер	2014			Страна - экспортер	2018	
		тыс. барр.	%			тыс. барр.	%
1.	Россия	1055589,877	28,9	1.	Россия	1039430,273	27,2
2.	Норвегия	461446,809	12,6	2.	Норвегия	414982,91	10,9
3.	Нигерия	329248,445	9,0	3.	Ирак	306937,144	8,0
4.	Саудовская Аравия	323683,727	8,9	4.	Нигерия	305082,929	8,0
5.	Казахстан	237870,944	6,5	5.	Саудовская Аравия	289079,715	7,6
6.	Ирак	166061,378	4,5	6.	Казахстан	278407,598	7,3
7.	Азербайджан	165906,323	4,5	7.	Ливия	236082,379	6,2
8.	Алжир	159195,569	4,4	8.	США	166733,795	4,4
9.	Ливия	122905,896	3,4	9.	Азербайджан	161363,619	4,2
10.	Ангола	118724,784	3,3	10.	Иран	135285,926	3,5
	Прочие	512307,455	14,0		Прочие	483576,304	12,7

Составлено и подсчитано (Разумновой Л.Л.) по: [20; 21; 22; 27].

Следует отметить, что по сравнению с 2014 г. в десятку крупнейших поставщиков вошли две страны с высоким потенциалом нефтяного экспорта – США (4,4%) и Иран (3,5%).

Динамика расходов ЕС на импорт сырой нефти показывает, что за счет снижения цен на мировом рынке и географической диверсификации поставок страны-члены блока смогли сократить стоимость ввоза нефти с 360,4 млрд долл. США в 2014 г. до 268,8 млрд долл. США в 2018 г. (примерно на 25%).

Руководство ЕС полагает, что в последние годы риски безопасности поставок нефти в страны-члены блока возросли, так как источники поставок сместились в сторону более геополитически нестабильных регионов, к которым относит Северную Африку, Россию, а также Ближний Восток, поэтому обращает особое внимание

на возможности снижения рисков, в том числе за счет диверсификации импорта (см. здесь и далее: [10; 11; 12; 13]).

Как было выявлено в исследовании, проведенном на основе анализа данных о ввозе крупнейших импортеров российской сырой нефти – Германии, Нидерландов, Польши и Бельгии за 2013–2017 гг., процесс диверсификации в группе крупнейших импортеров российской нефти имел разнонаправленную динамику: в Польше и Германии уровень ее вырос, тогда как в Бельгии и Нидерландах уровень диверсификации снизился, что говорит о росте зависимости от российской нефти [23].

Перспективы развития экспорта нефти из РФ в целом, и в ЕС, в частности, представляются авторам достаточно позитивными.

Так, Россия оставалась вторым крупнейшим экспортером нефти в мире,

а в отдельные годы занимала первую позицию на рынке. С 2017 г. ей удалось обогнать лидера, Саудовскую Аравию, благодаря действию соглашения по ограничению добычи нефти и возможности нарастить поставки в АТР, заместив часть поставок из стран ОПЕК. В 2018 г. РФ также удалось экспортировать на мировой рынок на 606 тыс. барр./сут больше, чем Саудовской Аравии. По данным ВР, российский экспорт сырой нефти в 2014–2018 гг. стабильно возрастал с 7,79 млн барр./сут до 9,16 млн барр./сут.

Согласно экспертным оценкам, несмотря на многочисленные санкции, нефтяная промышленность России в 2014–2018 гг. продемонстрировала высокую устойчивость к санкционному давлению, снижению нефтяных цен. Как считают сейчас многие эксперты и политики, санкции не достигли желаемого результата (см.: [14; 15; 16]). Рост нефтедобычи поддерживался крупными инвестициями прошлых лет, налоговыми льготами и девальвацией рубля. Прогнозы на 2019 г. были достаточно оптимистичными, что полностью подтверждается новыми статистическими данными Федеральной таможенной службы (ФТС) РФ.

Подводя итоги проведенного исследования, можно констатировать в целом позитивные динамику и перспективы положительных сдвигов во внешней торговле Европейского союза и Российской Федерации. Стоит в этой связи учитывать существующую взаимодополняемость хозяйственных комплексов этих партнеров, что может обеспечить в будущем налаживание оптимальных внешнеторговых связей между ними. Некоторые риски связаны сейчас в большей степени с вероятностью разворачивания нового, очередного мирового экономического кризиса [24; 26], о чем с 2018 г. предупреждают многочисленные экспертные оценки как российских, так и зарубежных специалистов.

Литература

1. Гладков И. С. Международная товарная торговля в 2018: перемены в группе лидеров (успехи и неудачи) // Власть. 2019. Т. 27. № 2. С. 88–92.
2. Гладков И. С. Международная торговля на перепутье: актуальные тренды // Международная экономика. 2019. № 4. С. 6–14.
3. Гладков И. С. Меняющаяся конфигурация международной торговли: роль ЕС // Международная экономика. 2019. № 10. С. 18–37.
4. Гладков И. С. Внешняя торговля Европейского Союза в 2018: presto с тюльпанами // Власть. 2019. Т. 27. № 3. С. 161–165.
5. Гладков И. С. Внешняя торговля Европейского Союза: доминантные флуктуации // Международная торговля и торговая политика. 2019. № 3 (19). С. 34–43.
6. Гладков И. С. Внешнеторговые связи Европейского союза: штормовое предупреждение? // Власть. 2019. Т. 27. № 5. С. 153–158.
7. Гладков И. С. Внешняя торговля Европейского союза в зеркале международной статистики // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2019. № 3 (23). С. 22–29.
8. Гладков И. С. Внешняя торговля Российской Федерации и Европейского Союза в 2018 г.: новые тренды или «трудности перевода» // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2019. № 1 (21). С. 31–42.
9. Гладков И. С. Внешняя торговля России в 2018 г.: подъем продолжается // Международная торговля и торговая политика. 2019. № 1 (17). С. 60–71.
10. Пискулов Ю. В. Геополитические риски в глобальной экономике и международной торговле // Российский внешнеэкономический вестник. — 2015. № 2. С. 14–21.
11. Разумнова Л. Л. Безопасность и диверсификация внешних источников поставок нефти в ЕС // Журнал экономических исследований. 2019. Т. 5. № 2. С. 82–85.
12. Разумнова Л. Л. Россия-ВТО: интересы российских экспортеров // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 10. С. 17.
13. Разумнова Л. Л. Основные направления повышения эффективности нефтяного комплекса России // Экономические науки. 2009. № 59. С. 27–34.
14. Хасбулатов Р. И. Иррационализм чрезмерного влияния фактора политики на экономику: общемировые тенденции (Часть I) // Международная экономика. 2018. № 10. С. 19–34.
15. Хасбулатов Р. И. Иррационализм чрезмерного влияния фактора политики на экономику: общемировые тенденции и Россия (Часть II) // Международная экономика. 2018. № 11. С. 7–22.
16. Хасбулатов Р. И. Торгово-экономические санкции, эмбарго, торговые блокады в мировой политике: с Древнего мира до их использования против России // Международная торговля: вчера, сегодня, завтра. М. 2017. С. 12–36.
17. ВР. Официальный сайт. <https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy/oil.html>
18. Eurostat. <http://ec.europa.eu/eurostat/> (Last update of data: 01/11/2019)
19. EU Crude Oil Imports and supply cost. <https://ec.europa.eu/energy/en/data-analysis/eu-crude-oil-imports>

20. European Commission Directorate-General for Energy. 2018.
21. Key figures on Europe. 2018 Edition. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2018. 75 p.
22. The EU in the world. 2018 Edition. Eurostat. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2018. 157 p.
23. A Study on Oil Dependency in the EU. A report for Transport and Environment. July 2016. https://www.transportenvironment.org/sites/te/files/publications/2016_07_Study_EU_oil_dependency.pdf. P.20-21.
24. The World Bank group. Global economic prospects. Darkening Skies. January 2019. — Washington, DC, International Bank for Reconstruction and Development. 2019. 241 p.
25. UNCTAD. Официальный сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.unctadstat.unctad.org> (Дата обращения 25.10.2019).
26. World Economic Outlook, April 2019: Growth Slowdown, Precarious Recovery. — Washington, DC. International Monetary Fund, Publication Services, 2019. 198 p.
27. World Trade Organization. <http://www.wto.org>

Поступила 10.11.2019

Гладков Игорь Сергеевич — доктор экономических наук, профессор; главный научный сотрудник, руководитель Центра европейской торговли, Институт Европы Российской академии наук (ИЕ РАН) (125009, Москва, Никитский переулок, д. 2), профессор кафедры мировой экономики Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (117997, Россия, Москва, Стремянный пер., 36), professorgis@rambler.ru

Разумнова Людмила Львовна — доктор экономических наук, профессор; член специализированного диссертационного совета при Российском экономическом университете им. Г. В. Плеханова (117997, Россия, Москва, Стремянный пер., 36), razumnovall.2003@yandex.ru

References

1. Gladkov I.S. Mezhdunarodnaya tovarnaya trgovlya v 2018: peremeny v gruppe liderov (uspekhi i neudachi) // *Vlast'*. 2019. T. 27. № 2. S. 88–92.
2. Gladkov I.S. Mezhdunarodnaya trgovlya na pereput'e: aktual'nye trendy // *Mezhdunarodnaya ekonomika*. 2019. № 4. S. 6–14.
3. Gladkov I.S. Menyayushchayasya konfiguratsiya mezhdunarodnoj trgovli: rol' ES // *Mezhdunarodnaya ekonomika*. 2019. № 10. S. 18–37.
4. Gladkov I.S. Vneshnyaya trgovlya Evropejskogo Soyuza v 2018: presto s tyul'panami // *Vlast'*. 2019. T. 27. № 3. S. 161–165.
5. Gladkov I.S. Vneshnyaya trgovlya Evropejskogo Soyuza: dominantnye fluktuatsii // *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika*. 2019. № 3 (19). S. 34–43.
6. Gladkov I.S. Vneshnetorgovyie svyazi Evropejskogo soyuza: shtormovoe preduprezhdenie? // *Vlast'*. 2019. T. 27. № 5. S. 153–158.
7. Gladkov I.S. Vneshnyaya trgovlya Evropejskogo soyuza v zerkale mezhdunarodnoj statistiki // *Ekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovaniya*. 2019. № 3 (23). S. 22–29.
8. Gladkov I.S. Vneshnyaya trgovlya Rossijskoj Federatsii i Evropejskogo Soyuza v 2018 g.: novye trendy ili «trudnosti perevoda» // *Ekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovaniya*. 2019. № 1 (21). S. 31–42.
9. Gladkov I.S. Vneshnyaya trgovlya Rossii v 2018 g.: pod'em prodolzhaetsya // *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika*. 2019. № 1 (17). S. 60–71.
10. Piskulov YU.V. Geopoliticheskie riski v global'noj ekonomike i mezhdunarodnoj trgovle // *Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik*. — 2015. № 2. S. 14–21.
11. Razumnova L.L. Bezopasnost' i diversifikatsiya vneshnih istochnikov postavok nefti v ES // *ZHurnal ekonomicheskikh issledovanij*. 2019. T. 5. № 2. S. 82–85.
12. Razumnova L. Rossiya-VTO: interesy rossijskikh eksporterov // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2016. № 10. S. 17.
13. Razumnova L.L. Osnovnye napravleniya povysheniya effektivnosti neftyanogo kompleksa Rossii // *Ekonomicheskie nauki*. 2009. № 59. S. 27–34.
14. Hasbulatov R.I. Irratsionalizm chrezmernogo vliyaniya faktora politiki na ekonomiku: obshchemirovyie tendentsii (CHast' I) // *Mezhdunarodnaya ekonomika*. 2018. № 10. S. 19–34.
15. Hasbulatov R.I. Irratsionalizm chrezmernogo vliyaniya faktora politiki na ekonomiku: obshchemirovyie tendentsii i rossiya (CHast' II) // *Mezhdunarodnaya ekonomika*. 2018. № 11. S. 7–22.
16. Hasbulatov R.I. Torgovo-ehkonomicheskie sankcii, ehmbargo, torgovyie blokady v mirovoj politike: s Drevnego mira do ih ispol'zovaniya protiv Rossii // *Mezhdunarodnaya trgovlya: vchera, segodnya, zavtra*. M. 2017. S. 12–36.
17. BP. Official website <https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy/oil.html>
18. Eurostat. <http://ec.europa.eu/eurostat/> (Last update of data: 01/11/2019)
19. EU Crude Oil Imports and supply cost. <https://ec.europa.eu/energy/en/data-analysis/eu-crude-oil-imports>
20. European Commission Directorate-General for Energy. 2018.
21. Key figures on Europe. 2018 Edition. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2018. 75 p.
22. The EU in the world. 2018 Edition. Eurostat. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2018. 157 p.
23. A Study on Oil Dependency in the EU. A report for Transport and Environment. July 2016. https://www.transportenvironment.org/sites/te/files/publications/2016_07_Study_EU_oil_dependency.pdf. P.20-21.
24. The World Bank group. Global economic prospects. Darkening Skies. January 2019. — Washington, DC, International Bank for Reconstruction and Development. 2019. 241 p.
25. UNCTAD. Official website [Electronic resource].

Mode of access: <https://www.unctadstat.unctad.org> (accessed 25.10.2019).

26. World Economic Outlook, April 2019: Growth Slowdown, Precarious Recovery. — Washington, DC. International Monetary Fund, Publication Services, 2019. 198 p.

27. World Trade Organization. <http://www.wto.org>

Submitted 10.11.2019

Gladkov Igor' S., Dr. Sci. (World Econ.), Full Professor; Senior Researcher, Head of the Center for European trade, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (2Nikitskiy Lane, Moscow, Russia, 125009); Professor of the Chair of World Economy, Plekhanov Russian University of Economics (36 Stremyanny Lane, Moscow, Russia, 117997), professorgis@rambler.ru

Razumnova Lyudmila L., — Dr. Sci. (Econ.), Professor; member of the specialized Council for dissertations at the Plekhanov Russian University of Economics (36 Stremyanny Lane, Moscow, Russia, 117997), razumnovall.2003@yandex.ru

Единое информационное пространство Евразийского экономического союза: предпосылки создания и измерение развития

The state of the common information space of the Eurasian economic Union: prerequisites for creation and features of development

К.В. Якушенко

K.V. Yakushenka

Белорусский национальный технический университет, Минск, Республика Беларусь

Belarusian National Technical University, Minsk, Republic of Belarus

yakush.k.v@mail.ru

Рассматриваются предпосылки и перспективы формирования, особенности развития единого информационного пространства на базе экономического пространства в условиях евразийской интеграции. Обозначаются вопросы создания интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза и факторы, способствующие информированности государств-членов Союза. Доказывается первостепенное значение количественного измерения развития информационного пространства для повышения качества межгосударственных информационных обменов и приводится рейтинг по интегральным показателям государств-членов.

Ключевые слова: единое информационное пространство, евразийская интеграция, информационная политика, информационная инфраструктура, интегральные индексы, измерение развития.

Abstract. The article discusses the prerequisites for the creation and development of a single information space in the conditions of Eurasian integration. The issues of creating an integrated information system of the EAEU member states, problems and prospects of forming a single information space are also discussed. The integral indices of measuring the development of the information space are described and the rating indicators for the EAEU member States are given.

Keywords: common information space, the Eurasian integration, information policy, information infrastructure, integral indices, measurement of development.

Процесс формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС) показал, что объединение рыночного пространства, сопровождаемое тенденциями глобализации и регионализации, создает условия для экономического развития государств-членов ЕАЭС. Интеграционное объединение получает синергетический эффект от сращивания потенциалов национальных экономик,

который усиливает его интеграционные возможности в мировой экономике. Однако сращивание государств в экономическом направлении требует перехода к совершенно иной системе взаимодействия, основанной на использовании информационных потоков и современных цифровых технологий в тех или иных направлениях развития ЕАЭС. Такая система обуславливает

интеграцию информационного пространства и пространства экономического. Само собой разумеется, что единое информационное пространство (ЕИП) изначально формируется на базе именно экономического пространства, входит в его структуру. В качестве исходного тезиса используем следующее положение: поскольку информационное пространство развивается в рамках системообразующего экономического пространства, информационные процессы должны описываться с экономической точки зрения. В связи с этим правомерно рассмотрение экономических явлений как информационных процессов, обусловленных отношениями обмена информационными сигналами между субъектами в процессе хозяйственной деятельности в условиях перехода к *новой экономике*.

Из вышесказанного следует, что научное рассмотрение предпосылок создания и индексов количественного измерения информационного пространства ЕАЭС имеет важное значение, поскольку повышает информированность участников экономической деятельности. Информированности способствует сокращение транзакционных издержек и рисков, усиление трансформации существующих политических и экономических институтов и стабилизации экономической системы интеграционного объединения в целом, обеспечение работы механизма регулирования перемещения в *пространстве четырех свобод* (на внутреннем рынке ЕС), взаимоприемлемого для всех государств-членов ЕАЭС.

Все это формирует новые источники экономического развития при условии участия государства в региональных интеграционных объединениях. Вопрос о необходимости качественного информационного взаимодействия в рамках единой группировки ставится еще в постсоветском пространстве при реформировании структур Содружества Независимых Государств (СНГ). На первоначальном этапе речь идет о выработке единой информационной политики внутри интеграционного объединения СНГ.

Правительства государств-участников подписывают соглашения: «Соглашение о сотрудничестве в области информации» от 9 октября 1992 г.; «Соглашение о международно-правовых гарантиях беспрепятственного и независимого осуществления деятельности межгосударственной телерадиокомпании «Мир» от 24 декабря 1993 г.¹. Во исполнение «Соглашения об информационном обеспечении выполнения многосторонних соглашений» (24 сентября 1993 г.) утверждено «Положение о порядке получения и использования информации государств-участников Содружества» от 15 ноября 1993 г. Ратифицирована «Концепция формирования информационного пространства СНГ» (утверждена решением Совета глав правительств стран-участниц СНГ в Москве 18 октября 1996 г.), на основании которой предполагалось строить ЕИП СНГ. В Концепции сформулированы: «приоритетные цели и интересы проведения согласованной на межгосударственном уровне политики формирования информационного пространства СНГ; принципы и организационные основы сотрудничества государств-участников СНГ в сфере развития информационных и телекоммуникационных услуг; механизмы и условия реализации согласованных на межгосударственном уровне мероприятий и программ по развитию межгосударственных информационных обменов» [1]. На тот момент ЕИП СНГ определяется как «совокупность национальных информационных пространств государств-участников СНГ, взаимодействующих на основе соответствующих межгосударственных договоров по согласованным сферам деятельности» [1].

Если рассматривать Концепцию как базу для формулировки механизма ЕИП СНГ, то можно выделить основные задачи взаимодействия государств-участников, задачи по достижению эффективности в информационной сфере, в социальных и культурных связях. Более того, проработаны этапы формирования, предварительные блоки взаимодействия, основная нормативно-правовая документация [1]. Важный

¹ Ратифицировано Федеральным Законом РФ от 3 августа 1995 г. № 124-ФЗ.

аспект решения основных задач — создание совместных интеграционных органов взаимодействия: Координационного совета по информатизации (за ним закреплялось создание автоматизированной системы информационного обмена между государствами) и Совета руководителей государственных информационных агентств стран СНГ (формирование и координация информационной государственной политики). Необходимо отметить некоторую квазинаправленность Концепции: не указаны конкретные мероприятия для решения большинства задач и неэффективными оказались интеграционные органы. Однако Концепция положила начало информационному взаимодействию между государствами-участниками интеграционного объединения в постсоветском пространстве.

При этом ряд проектов, согласованных в Концепции, запущены и действуют до настоящего времени. Так, межгосударственная телерадиокомпания «Мир» (МТРК «Мир») сегодня — четко структурированная организация с головной структурой в Москве и представительствами в странах СНГ. Телерадиокомпания может считаться интеграционной, так как вещает в едином формате на информационном пространстве СНГ (исключая Туркменистан), передает информацию о проблемах постсоветского региона. В рамках МТРК «Мир» работают информационно-аналитический телеканал «Мир 24» (с 2013 г.) и телеканал «Мир HD» (с 2014 г.) [2, с. 43]. Очевидно, что одного проекта недостаточно для создания ЕИП интеграционного объединения и проведения согласованной информационной политики интеграционного объединения.

В содержании Концепции 1996 г. прослеживается идея распространения: «Решение проблем информационного взаимодействия должно опережать во времени каждый очередной шаг в налаживании сотрудничества в той или иной сфере» [1]. Вместе с тем сама концепция формирования информационного пространства интеграционного объединения и построения своеобразных наднациональных органов по продвижению

единой информационной политики СНГ является прогрессивной и передовой на современном этапе интеграционных процессов. Необходимость дальнейшего развития идеи информационного взаимодействия в рамках ЕАЭС и формирования единого информационного пространства интеграционного объединения [3] высказана Президентом РФ В. Путиным 31 мая 2016 г. на встрече глав государств ЕАЭС (г. Астана).

Необходимо отметить экономический характер интеграционного объединения ЕАЭС в соответствии с его целями: «создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения; стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза; всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики» [4]. С учетом этого обсуждается вопрос формирования ЕИП, возводящего интеграцию на совершенно новый уровень и обеспечивающего эффективное экономическое взаимодействие, поскольку ЕИП призвано предоставить равные условия для всех членов ЕАЭС и нивелировать препятствующие обмену информацией границы.

Обозначим важный этап формирования ЕИП, который должен предварять интеграцию в рамках Таможенного союза. Это Трансграничное информационное взаимодействие, под которым подразумеваем информационное взаимодействие любого рода между акторами. Так, для ЕАЭС предварительный этап — обеспечение информационного взаимодействия во всех сферах ЕАЭС посредством информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и трансграничного пространства доверия (см. в [4], ст. 23). На предварительном этапе формирования ЕИП ЕАЭС выстраивается информационное взаимодействие в рамках созданной интегрированной информационной системы, «обеспечивающей интеграцию территориально распределенных государственных информационных ресурсов

и информационных систем уполномоченных органов, а также информационных ресурсов и информационных систем Союза» (см. в [4], ст. 23). Согласно Стратегии развития трансграничного пространства доверия, утвержденной Евразийской экономической комиссией в сентябре 2016 г., интеграция предполагает «совокупность правовых, организационных и технических условий, согласованных государствами-членами с целью обеспечения доверия при межгосударственном обмене данными и электронными документами между уполномоченными органами» [5].

Основные направления сотрудничества намечены в документе «О регулировании отношений сторон в сфере информационно-коммуникационных отношений и информационного взаимодействия Договора о Евразийском экономическом союзе (2014)», расширяющем возможности интегрированной информационной системы ЕАЭС по созданию единых информационных платформ взаимодействия государств-членов ЕАЭС (большой частью в торговле внутри ЕАЭС, а также за его пределами). К ним относятся таможенное и техническое регулирование; тарифное и нетарифное регулирование торговли (с определением и распределением ввозных пошлин); использование санитарных и фитосанитарных мер; статистика; макроэкономическая, энергетическая, промышленная, агропромышленная, валютная политика и др.

На базе интегрированной информационной системы и национальных сегментов государств-членов ЕАЭС принят ряд решений: об оперативном информационном взаимодействии; о формировании единого пространства межгосударственного электронного взаимодействия в рамках ЕАЭС и за его пределами; об осуществлении юридически значимого межгосударственного обмена данными и электронными документами между акторами. Одновременно с этим электронная форма взаимодействия (обмена информацией) выбрана для уполномоченных органов, для Евразийской экономической комиссии и международных

организаций. Задача интегрированной системы — предоставлять акторам интеграционного объединения возможность экстерриториально получать в рамках своих прав и полномочий доступ к общим, единым информационным ресурсам в любое время, при условии обеспечения уровня защиты информации, установленного правами ЕАЭС и законодательством государств-членов ЕАЭС.

Сегодня интегрированная информационная система масштабируется, часть средств с оперативного бюджета Евразийской экономической комиссии выделяется на развитие системы. Основную информационную связь акторы пространства осуществляют через Единые реестры интегрированной информационной системы в электронной форме, что способствует получению необходимой информации без дополнительных препятствий и барьеров на различных уровнях он-лайн взаимодействия (программные средства S2S, G2G, B2G, B2B).

Вполне понятно, что в дальнейшем совершенствовании межгосударственного взаимодействия необходимо учитывать мировые тенденции развития экономики, в частности направление развития процессов цифровизации и цифровой трансформации экономики. В связи с этим для ЕАЭС принципиально важно не ограничиваться использованием интегрированной информационной системы, а проводить всеобъемлющую цифровую трансформацию объединения [6]. В Решении Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12 «Об основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» оговаривается самостоятельность государств-членов ЕАЭС при разработке политики цифровизации экономических процессов, при реализации соответствующих мероприятий по обеспечению национальной безопасности цифровой повестки.

На национальном уровне действуют программы развития цифровой экономики: Повестка цифровой трансформации

Армении до 2030 г.; Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества Республики Беларусь (2016—2020); Государственная программа «Цифровой Казахстан» (2017—2022); Программа цифровой трансформации Кыргызской Республики «Таза Коом» (2017—2040); Национальный проект «Цифровая экономика Российской Федерации» (2017—2024).

Разработка цифровой повестки ЕАЭС является важнейшим технологическим базисом развития ЕИП и обусловливается необходимостью не только предупредить риски формирования ЕИП, но также создать новые конкурентные преимущества для экономик государств-членов ЕАЭС. По результатам исследования сотрудников Международного банка реконструкции и развития, Всемирного банка, на базе Евразийской экономической комиссии созданы «Доклад о мировом развитии 2016 «Цифровые дивиденды» [7] и «Цифровая повестка ЕАЭС 2025: перспективы и рекомендации» (2017). [8] В работе анализируется опыт интеграционных объединений, выявляются возможные недостатки и преимущества внедрения цифровых повесток, рассматриваются национальные цифровые повестки государств-членов ЕАЭС.

В ходе разработки Цифровой повестки ЕАЭС было выяснено, что для получения цифровых дивидендов требуются единые подходы к формированию информационного цифрового пространства ЕАЭС. В результате анализа двух сценариев: 1) формирование разрозненных национальных цифровых пространств; 2) развитие приоритетных направлений Цифровой повестки ЕАЭС с едиными подходами к ее реализации, — определено, что второй сценарий дает больший мультипликативный эффект и более существенные цифровые дивиденды. По результатам подсчетов, «экономический эффект от реализации Цифровой повестки увеличит ВВП ЕАЭС к 2025 г. примерно на 10,6 % от общего ожидаемого роста совокупного ВВП государств-членов к 2025 году. Указанный потенциальный эффект

почти в два раза превышает возможный размер увеличения ВВП стран ЕАЭС в результате цифрового развития без реализации общей Цифровой повестки» [8].

В данном случае цифровизация и развитие интернет-экономики выступают технологическим базисом, на который накладываются принципы ЕИП. Поэтому наиболее важной задачей является повышение качества информационного взаимодействия на основе эффективного развития сферы ИКТ, что в перспективе неизбежно ведет «к совершенствованию и изменению носителя информации» [9, с. 259]. Критериями оценки могут служить следующие интегральные показатели:

- индекс готовности страны к сетевому взаимодействию в едином информационном пространстве (индекс сетевой готовности);
- индекс развития ИКТ в интеграционном объединении;
- индекс экономики знаний государств-членов;
- индекс готовности к электронному правительству государств-членов.

По *индексу сетевой готовности* в 2016 г. ЕАЭС занимал 41-е место (среди 139 экономик мира). Это довольно хороший результат, если учитывать, что Республика Беларусь не представлена в статистике данного индекса. Наиболее высокие позиции ЕАЭС в 2017 г. — по таким субиндексам, как «уровень использования ИКТ в общественном, коммерческом и государственном секторах», «готовность граждан, деловых кругов» и «воздействие информационных технологий» [10].

По *индексу развития ИКТ* Республика Беларусь является лидером среди членов ЕАЭС — 32-е место по последним данным 2017 г. При этом Российская Федерация занимает 45-е место, Казахстан и Армения — 52-е и 75-е места соответственно. Наиболее низкий индекс у Кыргызской Республики, 109-е место [10].

По *индексу экономики знаний* (по расчетам Европейского банка реконструкции и развития за 2018 г.) все члены ЕАЭС, кроме

Кыргызской Республики, входят в промежуточный кластер: высокую позицию занимает Республика Беларусь (11-е место). Почти равны позиции России, Казахстана и Армении — 17, 18, 21-е места соответственно. Кыргызская Республика отстает от союзников в этом рейтинге (31-е место) [11].

По индексу готовности к электронному правительству в 2016 г. ЕАЭС занимал 36-е место в рейтинге (среди 193 экономик мира), в 2018 г. — 33-е место. Наиболее высокая позиция в 2018 г. у Российской Федерации, она лидер по данному индексу — 32-е место. Белоруссия и Казахстан занимают 38-е и 39-е места соответственно, Кыргызская Республика — 91-е место.

При этом высокое значение ЕАЭС имеет по субиндексам: «развитость онлайн-сервисов», «человеческий капитал» и «развитость ИКТ-инфраструктуры» [10; 11].

Необходимо отметить, что ЕАЭС занимает в целом уверенные позиции в четырех рейтингах (исключение для отдельных государств-членов ЕАЭС — снижение позиций по индексу развития ИКТ). Повышение рейтинга ЕАЭС по интегральным показателям дает возможность отслеживать два наиболее важных аспекта развития ЕИП интеграционного объединения:

- «создание и развитие единого информационного пространства»;
- «достижение интегрированного информационного общества» на базе развития технологий и инноваций [12, с. 35].

Таким образом, можно заключить, что формирование единого информационного пространства ЕАЭС является своеобразным продолжением идеи скоординированного информационного взаимодействия внутри интеграционного объединения СНГ. Система межгосударственного информационного обмена создается в целях свободного движения информационных ресурсов на базе сформированных технологических платформ. Сценарий развития ЕАЭС, предполагающий создание единой Цифровой повестки государств-членов, принесет большой мультипликативный эффект и дополнительные цифровые дивиденды. Оценка развития

ЕИП ЕАЭС с помощью интегральных показателей способствует повышению качества взаимодействия в транснациональных экономических структурах за счет контроля механизма цифровизации в согласованных сферах деятельности.

Литература

1. Концепция формирования информационного пространства Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] // Исполнительный комитет СНГ: официальный сайт. URL: <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=7548> (дата обращения 10.12.2015).
2. Сурма И. В. Единое информационное пространство СНГ: 20 лет спустя // Вопросы безопасности. 2015. № 5. С. 43.
3. Начало Заседания Высшего Евразийского экономического совета в расширенном составе (г. Астана, 31 мая 2016 года) [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/52049> (дата обращения 20.09.2018).
4. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 15.03.2018) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс — надежная правовая поддержка: официальный сайт. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения 21.11.2019).
5. Развитие трансграничного пространства доверия [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия: официальный сайт. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/inftech/dts/Pages/default.aspx> (дата обращения 20.08.2019).
6. Якушенко К. В. Единое информационное пространство региональной экономической интеграции: теория и методология механизма формирования. Минск: БГУ, 2018. 219 с.
7. Цифровые дивиденды. Доклад о мировом развитии: обзор / Группа Всемирного банка [Электронный ресурс]. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/224721467988878739/pdf/102724-WDR-WDR2016Overview-RUSSIAN-WebRes-Box-394840B-OUO-9.pdf> (дата обращения 20.08.2019).
8. Цифровая повестка ЕАЭС 2025: перспективы и рекомендации: обзор / Группа Всемирного банка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/SiteAssets/Обзор%20ВБ.pdf> (дата обращения 05.03.2018).
9. Перспективы экономической глобализации: монография / Под ред. А. С. Булатова. М.: КНОРУС, 2019. 666 с.
10. Экономическое развитие Евразийского экономического союза и государств-членов в 2017 году: международные рейтинги [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия: официальный сайт. Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/seminar/Pages/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%B%D0%B0%D0%B4%D1%8B.aspx (дата обращения 20.08.2019).

20.05.2019).

11. Экономическое развитие Евразийского экономического союза и государств-членов в 2018 году: международные рейтинги [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия: официальный сайт. Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/seminar/Pages/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%B%D0%B0%D0%B4%D1%8B.aspx (дата обращения 20.05.2019).

12. **Клочкова Е. Н.** Инструментарий оценки развития информационного общества в условиях глобализации: методические подходы и причины дифференциации: монография. М.: Проспект, 2017. 208 с.

поступила 29.10.2019

Якушенко Ксения Валентиновна — кандидат экономических наук, доцент, докторант, заведующий кафедрой маркетинга Белорусского национального технического университета (220012 Республика Беларусь, г. Минск, ул. Кедышко, д.8, кв. 25), yakush.k.v@mail.ru

References

1. Kontsepsiya formirovaniya informatsionnogo prostranstva Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv [Elektronnyi resurs] // Ispolnitel'nyi komitet SNG: ofitsial'nyi sait. URL: <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=7548> (data obrashcheniya 10.12.2015).

2. Surma I. V. Edinoe informatsionnoe prostranstvo SNG: 20 let spustya // Voprosy bezopasnosti. 2015. № 5. S. 43.

3. Nachalo Zasedaniya Vysshego Evraziiskogo ekonomicheskogo soveta v rasshirennom sostave (g. Astana, 31 maya 2016 goda) [Elektronnyi resurs] // Prezident Rossii: ofitsial'nyi sait. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/52049> (data obrashcheniya 20.09.2018).

4. Dogovor o Evraziiskom ekonomicheskom soyuze (Podpisan v g. Astane 29.05.2014) (red. ot 15.03.2018) [Elektronnyi resurs] // Konsul'tantPlyus — nadezhnaya pravovaya podderzhka: ofitsial'nyi sait. Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (data obrashcheniya 21.11.2019).

5. Razvitie transgranichnogo prostranstva doveriya [Elektronnyi resurs] // Evraziiskaya ekonomicheskaya komissiya: ofitsial'nyi sait. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/inftech/dts/Pages/default.aspx> (data obrashcheniya 20.08.2019).

6. Yakushenko K. V. Edinoe informatsionnoe prostranstvo regional'noi ekonomicheskoi integratsii: teoriya i metodologiya mekhanizma formirovaniya. Minsk: BGU, 2018. 219 s.

7. Tsifrovye dividy. Doklad o mirovom razviti: obzor / Gruppya Vsemirnogo banka [Elektronnyi resurs]. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/224721467988878739/pdf/102724-WDR-WDR2016Overview-RUSSIAN-WebRes-Box-394840B-OUO-9.pdf> (data obrashcheniya 20.08.2019).

8. Tsifrovaya povestka EAES 2025: perspektivy

i rekomendatsii: obzor / Gruppya Vsemirnogo banka [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/SiteAssets/Obzor%20VB.pdf> (data obrashcheniya 05.03.2018).

9. Perspektivy ekonomicheskoi globalizatsii: monografiya / Pod red. A. S. Bulatova. M.: KNORUS, 2019. 666 s.

10. Ekonomicheskoe razvitie Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza i gosudarstv-chlenov v 2017 godu: mezhdunarodnye reitingi [Elektronnyi resurs] // Evraziiskaya ekonomicheskaya komissiya: ofitsial'nyi sait. Rezhim dostupa: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/seminar/Pages/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%B%D0%B0%D0%B4%D1%8B.aspx (data obrashcheniya 20.05.2019).

11. Ekonomicheskoe razvitie Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza i gosudarstv-chlenov v 2018 godu: mezhdunarodnye reitingi [Elektronnyi resurs] // Evraziiskaya ekonomicheskaya komissiya: ofitsial'nyi sait. Rezhim dostupa: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/seminar/Pages/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%B%D0%B0%D0%B4%D1%8B.aspx (data obrashcheniya 20.05.2019).

12. Klochkova E. N. Instrumentarii otsenki razvitiya informatsionnogo obshchestva v usloviyakh globalizatsii: metodicheskie podkhody i prichiny differentsiatsii: monografiya. M.: Prospekt, 2017. 208 s.

submitted 29.10.2019

Yakushenko Kseniya V. — Ph.D. in Economics, associate professor, doctoral student, Head of the Department of Marketing, Belarusian National Technical University (220012 Republic of Belarus, Minsk, ul. kedyshko, 8, sq. 25), yakush.k.v@mail.ru

Комплексный подход к формированию и развитию команды проекта

Integrated approach to the formation and development of the project team

Г.Д. Костина, А.В. Торгашова

G.D. Kostina, A.V. Torgashova

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

National Research University of Electronic Technology, Moscow

g-kostina@yandex.ru

Проведен анализ методов управления командой проекта, выделены основные факторы и проблемы, влияющие на формирование команды. Предложен комплексный подход, учитывающий не только профессиональные и управленческие компетенции, но и психологические качества исполнителей. На основе комплексного подхода разработана методика формирования и развития команды проекта. Построен авторский алгоритм создания модели компетенций и даны рекомендации по использованию ключевых теоретических моделей на каждой стадии формирования и развития команды.

The analysis of methods of management of the project team is carried out, the main factors and problems influencing formation of team are allocated. A comprehensive approach is proposed, taking into account not only professional and managerial competencies, but also the psychological qualities of performers. On the basis of an integrated approach, a methodology for the formation and development of the project team was developed. The author's algorithm for creating a competency model is constructed and recommendations on the use of key theoretical models at each stage of team formation and development are given.

Ключевые слова: компетентностный подход; команда проекта; виды команды; роли исполнителей; стадии развития команды; стадии формирования команды; управление командой; модель компетенций; комплексный подход.

Keywords: competence approach; project team; types of team; roles of performers; stages of team development; stages of team formation; team management; competence model; integrated approach.

Повышение сложности замыслов, реализуемых командой проекта, рост конкуренции, интеграция и взаимосвязь науки и производства в высокотехнологичных отраслях, — все это требует проектной структуры управления производственным процессом. Работы распределяются по проектам, или областям проектного управления, которые охватывают финансовые, структурные и кадровые сферы деятельности организации.

Результатами применения проектного метода управления являются повышение качества производимой продукции и снижение издержек, а следовательно, увеличение прибыли. Недостаток метода в том, что для каждого проекта формируется своя команда. Однако чтобы команда работала как слаженный механизм, требуется определенное время, что приводит к затягиванию сроков реализации проекта. Статистические

данные, результаты опросов менеджеров проектов в России и за рубежом показывают, что успешность реализации проекта обусловлена слаженной работой проектной команды (до 80 % случаев), что планово убыточным проект становится по причине неумения формировать и управлять командой (70 % случаев). Следовательно, управление командой проекта является слабым звеном в проектном менеджменте [1]. Поэтому создание эффективной проектной команды приобретает большую значимость.

Проблемы, связанные с формированием команды и управлением проекта, российские и зарубежные специалисты рассматривают с разных позиций. Во-первых, это анализ влияния социальных факторов на управление командой проекта (Т. П. Галкина, К. Левина, Дж. Моутон). Во-вторых, определение роли компетентностного подхода (С. М. Спенсер, Н. Калинина). В-третьих, предложение использовать математические модели (Д. А. Новикова и В. Holmstrom).

Российский ученый И. А. Султанов отмечает высокую степень неопределенности результатов проектной деятельности. В зависимости от специфики деятельности организации команды проекта различаются по методам формирования.

Наиболее распространены горизонтальные межфункциональные команды проекта, которые представляют собой крайне эффективный инструмент обмена информацией между подразделениями (или организациями), позволяющий генерировать и продвигать свежие идеи, координировать выполнение проектов, решать сложные задачи [2].

Другой вид команды проекта — виртуальные команды (virtual teams), которые позиционируются как команды будущего. Современные технологии связи расширяют границы сотрудничества. Совместная работа больше не требует наличия одной базовой площадки для персонала: теперь есть возможность организовать работу в режиме удаленного доступа, когда члены команды проекта находятся в разных офисах,

зданиях, городах или странах. [3].

Как показывают исследования Дж. Льюиса, сегодня актуален новый вид команды проекта — самоуправляемая (self-managed work teams). Эта группа, как правило, от 10 до 15 человек, обладает автономией и несет абсолютную ответственность за работу своих членов и результаты их совместной деятельности [4].

К отличительным особенностям самоуправляемых команд относятся: множество комбинаций наделения властью; обучение планированию, мониторингу и управлению под контролем собственной деятельности; предоставление самостоятельности и свободы действий; возможность исполнять функции управления. Такие команды создаются руководством компании, которое фактически задает общее направление их деятельности, однако не назначает руководителя, поэтому важно помнить, что внедрение самоуправляемых команд требует максимальной осторожности.

На основании анализа реализации проектов различной сложности на российском и международном рынках [1, 2, 3] нами выделены основные факторы, влияющие на процесс формирования команды проекта и последующую реализацию проекта, а также на решение проблем, связанных с развитием проекта. На процесс формирования команды проекта влияют следующие факторы:

- 1) сокращение жизненного цикла продукции;
- 2) возрастание глобальной конкуренции;
- 3) увеличение масштабов и скорости поиска, сбора, накопления, передачи информации;
- 4) вывод проекта за пределы одной организации, а следовательно, увеличение ответственности менеджеров проекта за организацию взаимодействия всех его участников;
- 5) индивидуальный подход к заказчикам;
- 6) быстрое развитие национального, внутреннего рынка развивающихся стран и стран с закрытой экономикой.

В процессе реализации проекта возникает бесчисленное множество проблем, наиболее существенными для работы команды можно назвать ряд основных выделенных нами проблем.

1. Запросы заказчика неточные, постоянно меняются.
2. Заказчик затягивает с ответом по вопросам реализации проекта.
3. Срок начала проекта по ряду причин откладывается.
4. Заказчик требует использования одной и той же схемы для реализации разных проектов.
5. Заказчик недоволен результатами реализации проекта.
6. Контактное лицо, ответственное за проект, не вполне заинтересовано в его успешной реализации.
7. Слишком много времени тратится на решение проблем уже после того, как проект запущен.
8. Частичная смена команды в ходе выполнения проекта (высокий индекс текучести кадров в рамках проекта).
9. Несовместимость организационной культуры предприятия и модели поведения команды проекта [5].

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что подавляющее большинство перечисленных проблем может быть решено путем ясного и постоянного контакта с заказчиком.

Принято различать четыре основных подхода к формированию команды: целеполагающий; межличностный; ролевой; проблемно-ориентированный [1], [2], [4]. Каждый из них имеет свои сильные и слабые стороны.

Эффективность команды в значительной степени зависит от личных качеств ее членов. Открытые и честные взаимоотношения — необходимая составляющая процесса формирования команды проекта. Рассмотрим разные подходы к подбору членов команды. Наиболее распространен следующий: менеджеры проекта обращают внимание только на технические (профессиональные) навыки исполнителей и знание

технологических особенностей отрасли (для персонала, участвующего в управлении). В другом подходе ключевой составляющей является психологическая совместимость исполнителей. Также актуален ролевой подход, распределение ролей соответственно типу поведения. Например, Р. Боррерай, член РМІ, специалист в области управления проектами, выделяет три типа поведения: руководители, общие друзья и мыслители. Классический подход предложен Р. М. Белбином [6, 7]. По его мнению, в каждой команде, независимо от ее численности и направления деятельности, должно быть распределено восемь ролей: председатель, оформитель, генератор идей, критик, рабочая пчелка, опора команды, добытчик и завершающий.

Последователи Р. М. Белбина, в продолжение его подхода, классифицируют роли на три группы: ориентированные на выполнение задач команды, ориентированные на создание/поддержание работы команды и индивидуальные роли.

У каждого из вышеперечисленных подходов есть сильные стороны, неоспоримые, но есть и один общий недостаток: при формировании команды учитывается только один фактор — или ролевой (личностный), или профессиональный.

Для формирования эффективной команды мы предлагаем использовать комплексный подход, учитывающий как профессиональные компетенции исполнителей, так и личностные качества, а также способности к управлению.

Далее рассмотрим работы ученых по методологии определения компетенций. Для определения профессиональных качеств, знаний и навыков предполагаемого исполнителя проекта целесообразно использовать компетентностный подход (К. К. Прахалад, М. С. Кришнан) [8]. Основные принципы компетентностного подхода разработаны О. О. Чудиновым [9].

Изучить психологическую совместимость участников взаимодействия в команде помогут тесты по типологии К. Бриггс и И. Майерс [10].

Организаторские способности исполнителей желательно проверять с помощью теста Р. Белбина.

С учетом указанной методологии мы разработали методику формирования и развития команды проекта. Перечислим основные стадии формирования команды в новом, комплексном подходе.

1. Формирование профиля команды проекта.

2. Подбор членов команды проекта с помощью методов подбора и оценки (формирование модели компетенций).

3. Анализ реализации проекта в целях выявления недостающих ролей.

4. Принятие решения о возмещении недостающих ролей и компетенций.

5. Оценка стадии формирования команды проекта.

6. Выбор эффективного стиля управления в зависимости от стадии развития и особенностей команды.

7. Решение проблем группового взаимодействия, разработка и использование практических методов.

8. Разработка и реализация командной стратегии на основе теорий лидерства и мотивации.

Отметим особенности работы менеджера проекта, который формирует модель компетенций. Поскольку знать подробно все технические и технологические аспекты проектной отрасли не входит в компетенции менеджера, он не может взять на себя ответственность за оценку узкой сферы профессиональной деятельности. Поэтому необходимо создать группу экспертов в помощь менеджеру для определения требований к ряду таких работ по проекту.

С первой по пятую стадию формируются модель компетенций и ролевой профиль команды, с учетом специфических особенностей организации (подразделения) или конкретного проекта. Порядок действий укажем в алгоритме создания модели компетенций (рис. 1).

1 блок. Создаем группу экспертов.

2 блок. Формируем общую базу компетенций компании с использованием

контент-анализа.

3 блок. С помощью модели 7S анализируем требования к формированию команды.

4 блок. Подбираем компетенции, необходимые для работы по каждой должности. Экспертная группа определяет поведенческие факторы для каждой отобранной компетенции.

5 и 6 блоки. В ходе анализа полученных данных (блок 4.1—4.4) составляем список стандартов поведения для членов команды.

7 блок. Сравниваем ситуацию на рынке в сегменте проектной отрасли и положение компании, выявленное посредством SWOT-анализа, чтобы установить, сможет ли сформированная команда быть эффективной в текущих условиях.

8 блок. Оцениваем компетенции потенциальных претендентов на членство в команде проекта на соответствие требованиям списка стандартов поведения.

Использование комплексного подхода существенно снижает риск формирования малоэффективной проектной группы (множеством проблем и разногласий), или способствует эффективному развитию профессиональной группы (сплоченной команды). А это, в свою очередь, приводит к увеличению процента успешно реализованных проектов и достижению общих целей организации.

Соответственно этапам реализации проекта команда проходит несколько стадий развития:

1) стадия образования, команда стремится к сотрудничеству;

2) стадия интенсивного формирования, в этот период могут появиться разногласия, что приводит к конфликтам;

3) стадия нормализации, члены команды приходят к взаимному согласию;

4) стадия стабилизации развития команды;

5) стадия трансформации, то есть завершение работы команды.

По завершении формирования структуры команды и оценки уровня ее развития начинается процесс планирования, организации работ команды проекта.

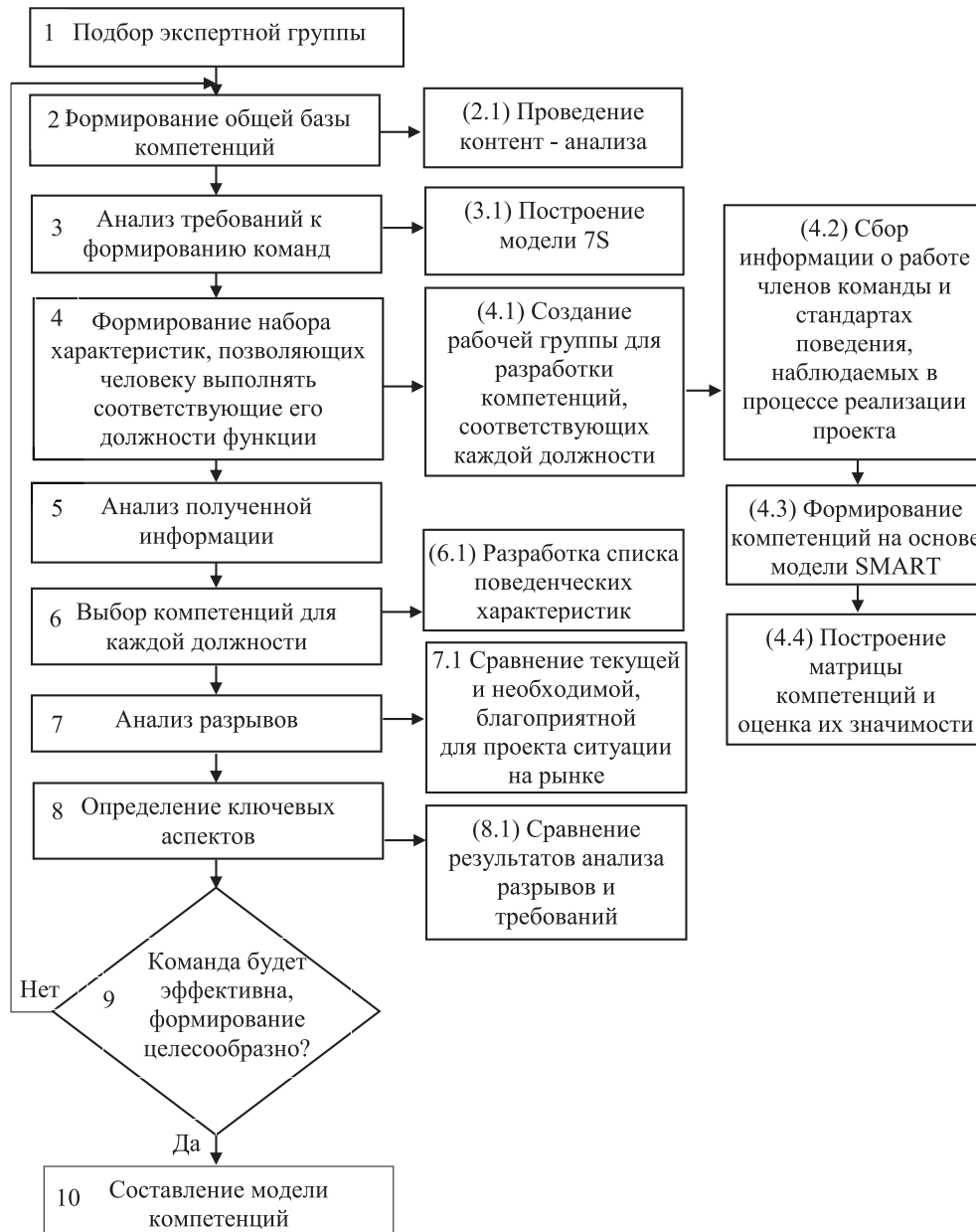

Рис. 1. Алгоритм создания модели компетенций

Следует отметить, что на практике развитие команды может закончиться до стадии нормализации, что зависит от общего уровня профессиональной культуры как в организации, так и внутри команды. Основной причиной этому является отсутствие «чистоты ролей», поскольку один человек может играть несколько ролей, так и типов индивидуального поведения. Для уменьшения влияния этого фактора (видимого в конкретных ситуациях) на результат проектной работы предлагается сравнивать

систему ценностей каждого сотрудника команды с общей системой ценностей организации, а также определять образ мышления, от которого зависят и мировоззрение, и психологические качества, ориентация на цели, способность к управлению. Кроме того, необходимо закрепить зоны ответственности и полномочия. Для этой цели в нашей методике используется матрица RACI. Применение матрицы помогает правильно распределить роли и функциональные обязанности и избежать беспорядочности,

неорганизованности при выполнении заданий.

Рассмотрим компетенции персонала, отвечающего за управление проектом. В зависимости от этапа жизненного цикла организации одни стили руководства выступают доминирующими, а другие дополняющими. Гибкость лидерского поведения зависит от сложности выполняемых проектных работ. При выборе эффективного стиля руководства на разных этапах жизненного цикла организации важно учитывать особый тип интеллекта, который называется эмоциональным. Эмоциональный интеллект предполагает наличие способности убеждать, вдохновлять и вести за собой людей. В нашей методике для определения эмоционального интеллекта руководителя используется методология Ицхака Калдерона Адизеса [11].

Оценивать эффективность команды предлагаем по таким показателям, как:

- Повышение навыков членов команды, позволяющих более эффективно выполнять работу по проекту.
- Развитие компетенций, помогающих членам команды действовать как единая комплементарная, взаимодополняющая структура.
- Повышение сплоченности команды.

Если работа команды оценивается как неэффективная, то выявляются причины и проводятся мероприятия по повышению эффективности работы коллектива. Для достижения поставленной цели проекта разрабатывается командная стратегия.

Обозначим преимущества комплексного подхода к формированию и развитию команды проекта. Во-первых, предлагаемая методика позволяет сформировать команду, соответствующую задачам проекта, слажено и стабильно функционирующую на всех этапах реализации проекта. Во-вторых, модель компетенций позволяет согласовывать интересы всех участников проекта, что позволит снизить риски и не выходить за рамки финансовых и временных затрат по проекту.

Литература

1. Основы управления проектами.: учеб. пособ. / В. В. Алесковский, А. А. Козырев, Ю. Г. Слущкая;

под общ. ред. Н. А. Тарасова. Ч. I: Управление командой проекта. СПб.: Изд-во СЗАГС, 2011. 287 с.

2. Исаев В.В. Организация работы команды проекта: учеб. пособ. М.: Бизнес-пресса, 2006. 360 с.

3. Маргерисон Ч. Дж. «Колесо» командного управления. Путь к успеху через систему управления командой: пер. с англ. Днепропетровск: Баланс Бизнес Букс, 2004. 208 с.

4. Льюис Дж. Управление командой. Как заставить других делать то, что вам нужно: пер. с англ. СПб.: Питер, 2004. 160 с.

5. Катценбах Дж. Командный подход. Создание высокоэффективной организации: пер. с англ. / Дж. Катценбах, Д. Смит. М.: Альпина Паблишер, 2018. 376 с.

6. Белбин Р.М. Команды менеджеров. Секреты успеха и причины неудач: пер. с англ. М.: НРРО, 2003. 315 с.

7. Белбин Р.М. Типы ролей в командах менеджеров: пер. с англ. М.: НРРО, 2003. 232 с.

8. Прахалад К.К., Кришнан М.С. Пространство бизнес-инноваций. Создание ценности совместно с потребителем: пер. с англ. М.: Альпина Паблишер; Юрайт, 2011. 258 с.

9. Чудинов О.О. Корпоративная и социальная ответственность: учеб. пособ. М.: КноРус, 2018. 216 с.

10. Майерс И. Б., Майерс П. МВТИ: Определение типов. У каждого свой дар: пер. с англ. М.: Карьера Пресс, 2014. 320 с.

11. Адизес И. К. Стили менеджмента — эффективные и неэффективные. 8-е изд. М.: Альпина Бизнес Букс, 2019. 198 с.

поступила 14.11.2019

Костина Галина Дмитриевна — кандидат экономических наук, доцент, кафедра «Маркетинг и управление проектами» Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д.1), g-kostina@yandex.ru

Торгашова Анастасия Владимировна — кандидат экономических наук, доцент, кафедра «Маркетинг и управление проектами» Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д.1), anastasia-t@list.ru

References

1. Osnovy upravleniya proektami.: ucheb. posob. / V. V. Aleskovskij, A. A. Kozыrev, Ju. G. Sluckaja; pod obshh. red. N. A. Tarasova. Ch. I: Upravlenie komandoj proekta. SPb.: Izd-vo SZAGS, 2011. 287 s.

2. Isaev V.V. Organizacija raboty komandy proekta: ucheb. posob. M.: Biznes-pressa, 2006. 360 s.

3. Margerison Ch. Dzh. «Koleso» komandnogo upravlenija. Put' k uspehu cherez sistemu upravlenija komandoj: per. s angl. Dnepropetrovsk: Balans Biznes Bucs, 2004. 208 s.

4. L'juis Dzh. Upravlenie komandoj. Kak zastavit'

drugih delat' to, chto vam nuzhno: per. s angl. Spb.: Piter, 2004. 160 s.

5. Katcenbah Dzh. Komandnyj podhod. Sozdanie vysokoeffektivnoj organizacii: per. s angl. / Dzh. Katcenbah, D. Smit. M.: Al'pina Pabliher, 2018. 376 s.

6. Belbin R.M. Komandy menedzherov. Sekrety uspeha i prichiny neudach: per. s angl. M.: HIPPO, 2003. 315 s.

7. Belbin R.M. Tipy rolej v komandah menedzherov: per. s angl. M.: HIPPO, 2003. 232 s.

8. Prahalad K.K., Krishnan M.S. Prostranstvo biznes-innovacij. Sozdanie cennosti sovmestno s potrebitel'm: per. s angl. M.: Al'pina Pabliher; Jurajt, 2011. 258 s.

9. Chudinov O.O. Korporativnaja i social'naja otvetstvennost': ucheb. posob. M.: KnoRus, 2018. 216 s.

10. Majers I. B., Majers P. MBTI: Opredelenie tipov. U kazhdogo svoj dar: per. s angl. M.: Kar'era Press, 2014. 320 s.

11. Adizes I. K. Stili menedzhmenta — jeffektivnye i nejeffektivnye. 8-e izd. M.: Al'pina Biznes Buks, 2019. 198 s.

submitted 14.11.2019

Kostina Galina.D., Ph.D.of Juridical Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of «Marketing and project management» National Research University of Electronic Technology (MIET), (1, Shokin sq., Zelenograd, Moscow, 124498, Russia), g-kostina@yandex.ru

Torgashova Anastasia V., Docent, Associate Professor at the Department of «Marketing and project management» National Research University of Electronic Technology (MIET), (1, Shokin sq., Zelenograd, Moscow, 124498, Russia), anastasia-r@list.ru

Индивидуалистический импульс гносеологии Фрэнсиса Бэкона

Individualistic impulse of the epistemology of Francis Bacon

В.К. Самохвалова

V.K. Samokhvalova

Всероссийская академия внешней торговли (ВАВТ)

Russian Foreign Trade Academy (VAVT)

bar-bar@mail.ru

Раскрывается влияние аксиологической интенции индивидуализма на гносеологические решения в концепции научного знания Фрэнсиса Бэкона. Выявляются два аспекта аксиологичности гносеологии: теоретический и исторический. Утверждается необходимость включения в конструирование мировоззренческой картины таких недоступных опыту восприятия форм бытия, как Бог, душа, бессмертие. Методологию исследования составляет убежденность в значимости ценностных пресуппозиций для процесса познания, в котором ценности обеспечивают его континуальность и частично задают результат.

Ключевые слова: аксиология, гносеология, знание, индивидуализм, объект, субъект, этика.

Abstract. The influence of the axiological intention of individualism on epistemological solutions in the concept of scientific knowledge of Francis Bacon is revealed. Two aspects of the axiology of epistemology are revealed: theoretical and historical. The nature of the dependence of epistemology on axiology is explained on the basis of an analysis of F. Bacon's epistemological theory.

Keywords: axiology, epistemology, knowledge, individualism, object, subject, ethics.

Вопрос о том, что лежит в основе сознательно выстраиваемой мировоззренческой картины, остается одним из интереснейших в философии. Как только мы даем очевидный ответ на него: знания, — становится неочевидной окончательность этого ответа. На чем основаны сами знания? Или: какова природа тех суждений, которые, обладая интерсубъективной значимостью

(всеобщностью и необходимостью), являются также индивидуально значимыми и для нас?

Очевидно, что если суждениям (как составным частям любого знания) не присущ общезначимый и необходимый характер, то они не представляют собой знание как таковое, но являются, в лучшем случае, суждениями мнения. Но вместе с тем и при

отрицании за суждениями, якобы обеспечивающими знание, их значимость и ценность для нас, мы тем самым элиминируем их из своего поля знания: они перестают играть роль познавательно-значимых суждений, мы их нивелируем в этом качестве. В результате складывается неизбежная ситуация: для того чтобы обеспечить всеобщность и необходимость (научность) истинного значения суждениям, из которых состоит любое знание, нам сначала необходимо индивидуально убедиться в их субъективной значимости для нас. А эта субъективная убежденность в их значимости для нас как раз чаще всего связывается с отнесенностью этих суждений к разряду объективно значимых положений (т. е. научных).

Этот старинный «гносеологический круг» в аргументации фундаментальных вопросов, касающихся в целом теории познания, и обеспечивает жизненность скептической, или мягче — критической традиции в истории философии, начиная с Аркесилая и Энесидема и заканчивая систематическими взглядами Р. Декарта, Д. Юма, И. Канта и Э. Гуссерля. Можно сказать, что данный «круг в гносеологическом обосновании» как раз и задает проблему соотношения двух важнейших сфер философии: аксиологии и теории познания.

В целом гносеология и аксиология — глубоко взаимосвязанные и взаимозависимые разделы философии, причем зависимость второй от первой — вполне очевидный факт: познание ценностных смыслов — это существенный предикат всего человеческого познания. Исследуем специфику зависимости гносеологии от аксиологии. В рамках данного исследования глубокую, фундаментальную тенденцию неизбежного и сущностно необходимого (обязательного!) проникновения аксиологии в сферу теории познания (казалось бы, «чистую» и «свободную от ценностей») назовем индивидуалистическим импульсом в гносеологии.

Два аспекта аксиологичности гносеологии. Значение теории познания в формировании философского мировоззрения позволяет выявить два аспекта ее аксиологической

составляющей: теоретический и исторический.

Сущность теоретического аспекта исчерпывающе выразил И. Кант в «Критике чистого разума» [1, с. 672—679]. Она, как известно, состоит в установлении важности, необходимой значимости, изучения самого факта знания. Аксиологичность гносеологии в этом аспекте соотносится с выявлением предпосылок, первоначальных условий, благодаря которым становится возможным познание, и — в зависимости от этих предпосылок — в определении границ, до которых познание может простираться.

Особо очевидной необходимостью анализа аксиологических предпосылок в гносеологии становится в ходе систематической разработки философского мировоззрения. При конструировании мировоззренческой картины мы должны охватить не только понятия, которые содержат всеобщее знание о существенных признаках вещей и явлений объективного мира, — но и такие сложные ментальные понятия, как «Бог», «душа», «бессмертие», которые по природе своей недоступны никакому опыту, где бы и когда бы он нами ни переживался, и как бы мы ни изощрялись в использовании наших органов восприятия. Однако без их характеристики или хотя бы без явно выраженного отношения к ним не выстроить целостного мировоззрения. Следовательно, требуется понять, могут ли, в принципе, быть проверены наши мнения о предметах, лежащих за пределами не только реально переживаемого, но и любого возможного для нас опыта? Иными словами, нам необходимо в первую очередь определить границы возможного для нас знания, поскольку за этими границами обнаруживается область равно недоказуемых и равно неопровержимых мнений.

Основательные сомнения в доступности подобных духовных форм бытия рациональному познанию (науке) предвещают соблазн предоставить их постижение неким иррациональным способностям, в частности вере.

Вместе с тем аксиологическую составляющую гносеологии можно проследить и в историческом аспекте, на примере

развития европейской философской мысли. Такой обзор предполагает анализ конкретных гносеологических построений в целях выявления аксиологических детерминант. Исходной для подобного анализа служит убежденность в следующих ценностных пресуппозициях познавательного акта.

Первая пресуппозиция: любое познание чего бы то ни было с необходимостью следует из желания, интенции что-либо узнавать. Никто не стремится познавать нежелательное, равно как никто не упорствует в обладании непривлекательным, следовательно, то, что мы желаем, обладает безусловной ценностью (важностью, значимостью) для нас. Потребность в знании и желание знать, таким образом, есть ценностная пресуппозиция познавательного акта. Типичную логику предпочтений «я хочу знать» здесь передает высказывание: «искомое знание есть ценность».

Вторая пресуппозиция: установленное желание знать (в общем смысле) требует конкретизации ценности знания как такового: что именно мы желаем знать, для какой цели или в силу каких причин. Предмет желаемого знания всегда представляет для нас определенный интерес, а значит, определенную важность, значимость и ценность. Совершенно очевидно, что ценности как таковые, действительно, обуславливают начало и завершение гносеологических процедур, обеспечивая континуальность познавательного процесса (при условии, что сама эта континуальность представляет собою ценность).

При такой эпистемической ситуации естественно предположить, что роль ценностей в процессе познания выходит за рамки указанных аспектов, а именно: ценности определяют направление, методы и способы исследования и тем самым влияют на результат познания, в определенном смысле задают, конструируют его.

Здесь речь идет о том, что И. Кант называл действием по собственному плану. Кантовский ответ на вопрос «что я могу

знать?», как известно, таков: «...разум видит только то, что сам создает по собственному плану» [1, с. 85]. Иначе говоря, «иметь о чем-то <...> знание он (разум — примеч. автора) может лишь в том случае, если приписывает вещи только то, что необходимо следует из вложенного в нее им самим...» [1, с. 85]. В этих положениях выражена сущность «коперниканского переворота» Канта: не разум (субъект) идет за природой, случайным образом ожидая от нее знаний-плодов, но сам разум устроен таким образом, что он предписывает природе законы и только в этом случае познает их в ней. Все остальное в окружающей природе для разума случайно и, стало быть, не может быть познано достоверно [2]. Это своего рода итоговое заключение И. Канта в области теории познания представляется логическим завершением целого ряда гносеолого-рационалистических исследований в классической философии¹.

Изучение роли аксиологических мотивов в становлении эмпиристических доктрин в гносеологии представляют собой отдельное поле исследования. Соответственно, текущая задача — рассмотреть аксиолого-гносеологическую зависимость в философских построениях Фрэнсиса Бэкона, значимо определивших интеллектуальную атмосферу раннесовременной эпохи.

Аксиологические установки в концепции научного знания Фрэнсиса Бэкона. Годы жизни Ф. Бэкона совпали с периодом осознания наукой Нового времени посюсторонности своего предмета: «С конца XVI века и уже в неотвратимом нарастании Европа охвачена горячкой переоценки ценностей и сменой мировоззрительных гегемонов; XVII век <...> есть век решительной фронды нового сознания прежним нормам и навыкам мыслительности» [4, с. 224]. Отсюда — бэконовская тенденция трактовать философию не как «ревностную служанку» теологии, а как методологию науки.

¹ О том, каким образом проявился аксиологизм гносеологии в Early Modern Philosophy и какое именно воздействие оказала генерализующе-индивидуалистическая ценностная ориентация на раннесовременные рационалистические системы в целом, говорится в статье о европейской гносеологической традиции [3].

В попытке создания философии экспериментального естествознания, в выяснении условий правильности выводов и обобщений из опытных наблюдений, Ф. Бэкон явился автором той глубокой перестройки мировоззрения, что привела в конечном итоге к идеалам Просвещения и к принятию принципов понимания знания, которыми научные исследования в значительной степени руководствуются и сегодня. Настойчивое желание проникнуть в природу, воздать природе человека, его жизнь, стало выражением сокровенного духа новой эпохи: «Человек, слуга и истолкователь природы, столько совершает и понимает, сколько постиг в ее порядке делом или размышлением, и свыше этого он не знает и не может» [5, с. 12].

Кроме того, в XVII веке продолжается укрепление индивидуалистических ценностей, заявивших о себе явно в эпоху Возрождения. Человек начинает понимать себя как личность, как духовную индивидуальность, как самодовлеющую субстанциальную единицу, противопоставленную всему миру не-Я. Ввиду этого он склонен рассматривать свое Я, свои индивидуальные переживания и ценности как верховную цель и как нечто первично данное. В собственных переживаниях человек новой эпохи находит критерии соответствия или несоответствия действительности установленным субъективным идеалам теоретической и практической деятельности: «Удивителен и достоин самых высоких признаний поворот сознания на себя; зрелость души неподражаемо запечатлела свою неотвратимость в этом жесте освобождения от авторитарных опекунов, ища адекватных и довлеющих себе начал» [4, с. 250].

Таким образом в философии Нового времени, формируя новаторскую аксиологическую платформу, утверждаются индивидуалистические тенденции. Изначально они проявляются вовсе не в форме сознательно выбранных правил исследования, а скорее как бессознательное и неотчетливое стремление личности к самостоятельной жизни и творчеству. Стремление к индивидуализму

даже в философии того времени выступает как не вполне осознанный императив. Но важно, что этот *élan vital* задает направление развитию идеологических и прочих форм жизни, соответствующее новой аксиологической матрице.

Чтобы определить, в какой мере индивидуалистическая тенденция обнаруживает себя в концепции научного знания Ф. Бэкона, обозначим три стороны знания, которые могут быть истолкованы в духе индивидуализма [3]. Это состав знания (элементы, составляющие знание), происхождение знания (иррациональное/рациональное) и значение знания (трансцендентное/имманентное). Полностью индивидуалистической была бы такая концепция знания, согласно которой все три упомянутые стороны знания были бы вполне имманентны познающему субъекту. Это означает: все знание целиком складывается из личных состояний познающего субъекта (1); личные состояния познающего субъекта происходят исключительно из недр самого познающего духа этого субъекта (2); личные состояния познающего субъекта дают сведения познающему субъекту только о явлениях, действующих в познающем субъекте (3) [6, с. 67—115].

Однако такая полностью индивидуалистическая система знания внутренне противоречива и поэтому представляется невозможной и даже излишней, поскольку ведет к солипсизму и, следовательно, к агностицизму. Подобная рефлексия помогает осознать гносеологию Канта в качестве необходимого шага, поддерживающего концепцию принципиальной возможности знания. Представляется, что всесторонняя экспликация индивидуалистической тенденции в эпистемологии, в частности в трудах Ф. Бэкона, служит своеобразной «прелюдией» к отчетливому пониманию кантовских результатов в теории познания.

Френсис Бэкон предложил так называемое новое орудие открытий — «Новый Органон», некий свод правил, соблюдение которых должно, как он полагал, приводить нас к обнаружению новых истин: «мы

устанавливаем степени достоверности, рассматривая чувство в его собственных пределах и по большей части отбрасывая ту работу ума, которая следует за чувством, а затем открываем и прокладываем разуму новый и достоверный путь от самых восприятий чувств» [5, с. 7—8].

Попытки создания такого рода правил предпринимались и до Ф. Бэкона (*ars magna*, *ars universalis* Раймонда Луллия, Джордано Бруно), и после него — от канонов Милля до современной индуктивной логики. Так, за триста лет до Фрэнсиса Бэкона его соотечественник Роджер Бэкон, францисканский монах, также видел пользу эмпирического подхода к изучению действительности, но не дал формулировки регулятивных принципов экспериментирования. Вместе с тем Ф. Бэкон первым зафиксировал их теоретически, применительно к наблюдениям, и именно личным наблюдениям познающего субъекта, начиная от «первых восприятий чувств» [7, с. 65] и сформулировал инструментальные пути познания: «Два пути существуют и могут существовать для отыскания и открытия истины. Один воспаряет от ощущений и частных к наиболее общим аксиомам и, идя от этих оснований и их непоколебимой истинности, обсуждает и открывает средние аксиомы. <...> Другой же путь выводит аксиомы из ощущений и частных, поднимаясь непрерывно и постепенно, пока наконец не приходит к наиболее общим аксиомам» [5, с. 14—15]. Далее Ф. Бэкон обобщил различия этих путей: «Оба пути исходят из ощущений и частных и завершаются в высших общностях. Но различие их неизмеримо. Ибо один лишь бегло касается опыта и частных, другой надлежащим образом задерживается на них. Один сразу же устанавливает некие общности, абстрактные и бесполезные, другой постепенно поднимается к тому, что действительно более сообразно природе» [5, с. 15]. Таким образом, только тщательно разработанное учение о методе позволяет постепенно проникнуть в сущность явлений.

Правильный путь анализа и обобщения опытных данных может предоставить

научная индукция, «она должна разделять природу посредством должных ограничений и исключений. И затем после достаточного количества отрицательных суждений она должна заключать о положительном» [5, с. 61]. Можно сказать, что основными процедурами «индукции, которая будет полезна для открытия и доказательства наук и искусств», выступают у Ф. Бэкона *аналогия* и *исключение*. Наблюдение и последующая индукция применимы не только к внешним предметам, но и к внутренним фактам, которые были охарактеризованы выше как «личные состояния познающего субъекта». Ф. Бэкон полагал, что его методом можно изучать факты внутренней жизни, иначе говоря, он имел чаяние если не разрешить, то по крайней мере наметить пути решения «трудной проблемы сознания», в специфичности своих *qualia* представляющей несомненный философский интерес и сейчас [8, с. 125—153]. Эти особенности бэконовской трактовки индукции связывают его аналитическую методологию с философской метафизикой.

Вслед за Аристотелем, усмотревшим задачу философии в исследовании первопричин, Ф. Бэкон изучение конечных причин предоставил метафизике. Такого рода *causa finalis* может служить последней для доказательства бытия Божия и Провидения, в физике же «изыскание конечных причин бесполезно и не может ничего произвести, подобно посвященной Богу Деве» [7, с. 232]. Он считал, что физика изучает законы явлений, а не их деятельные причины, изучает проблему «как», а не проблему «почему» [7, с. 207—236].

Обращаясь к метафизике в целом, Ф. Бэкон не доверяет ей и сомневается в возможности проверки ее гносеологических выводов. В этом отношении он, несомненно, является предшественником позитивизма. Несмотря на то что в силу ряда причин, о которых говорится ниже, философия Ф. Бэкона воспринималась его современниками неоднозначно, все же следует признать верной общую оценку его вклада в прогрессивное развитие науки, принадлежащую Г. Г. Майорову: «...Фрэнсис Бэкон, выдвигая свой проект «Великого восстановления

наук» на основе «союза опыта и рассудка», мог рассчитывать на широкую поддержку в обществе ученых, которые к этому времени уже убедились на практике в преимуществах такого союза» [9, с. 10].

Таким образом, фундаментальными аксиологическими детерминантами бэконовской концепции, представляющей программу обновления знания на основе индуктивного метода обобщения эмпирического опыта (личного наблюдения), выступают следующие положения:

1) искренняя любовь к науке, стремление к познанию, дающее человеку радость от самого процесса познания;

2) полное совпадение стремлений к знанию и к могуществу: исключительно незнанием природы вещей объясняет Ф. Бэкон практические неудачи человечества;

3) настойчивость в устранении препятствий на пути к истинному знанию: это равно предваряет как ниспровержение доминирующей в его время дедуктивно-схоластической методологии, так и борьбу с разного рода эпистемологическими искажениями, «призраками» разума;

4) закономерное следствие предыдущей детерминанты (3) — полная разделенность религиозной веры² и научного знания: не только наука не должна вмешиваться в дела веры и касаться правил, от соблюдения которых зависит достижение блаженства, но и вера не должна вмешиваться в науку; чистый натурализм эмпирической философии Ф. Бэкона отвергает всякое участие веры в исследованиях природы и человека

5) в духе времени, пропитанном индивидуалистическими настроениями, — серьезная карьерная мотивация будущего виконта Веруламского, находящая подтверждение в его предисловиях, обращенных к королю Якову I: здесь Ф. Бэкон выступает в качестве эксперта и советника короля по вопросам института науки в его государственном аспекте [11, с. 300].

Из всех выявленных ценностных детерминант бэконовской концепции научного

знания наиболее принципиальной и существенной представляется (4) разделенность религиозной веры в сверхъестественное и научного знания — т. е. та детерминанта, в которой проявляется совершенный индифферентизм науки к вопросам веры.

Френсис Бэкон, как видно, предпочитает оставаться на позиции «двойственной истины»: с одной стороны, философия, отрицающая сверхэмпирическое и, с другой стороны, вера, полностью независимая от теоретического познания мира. И это именно та позиция, которая своим половинчатым (неустойчивым) положением не разрешает, а лишь усугубляет традиционные для всякой глубокой метафизической теории вопросы природы познания и сущности знания.

В связи с этим показательна (даже высказанная в нарочито негативном стиле) критика Ф. Бэкона со стороны влиятельного католического мыслителя, идеолога консерватизма XVIII — XIX вв. Жозефа-Мари графа де Местра. В «Исследованиях философии Бэкона» (*Examen de la philosophie de Bacon*) Жозеф де Местр ниспровергает научные достижения последнего, именуя его одним из «призраков Театра» эпохи Просвещения и последующего позитивизма [12]. Жозеф де Местр уверен, что Ф. Бэкон никоим образом не повлиял на прогресс науки, что его репутация новатора, породившего научный метод, представляется надуманной и идеологически ориентированной.

В подкрепление своего отношения к философии Ф. Бэкона Жозеф де Местр приводит следующие доводы: неадекватно-пессимистический взгляд Ф. Бэкона на науку XVII столетия; оппозиция Ф. Бэкона по отношению к великим научным открытиям Кеплера и Коперника; несостоятельность, как считает Жозеф де Местр, бэконовской критики теории силлогизма Аристотеля и его преувеличенное мнение об оригинальности и значимости собственного метода как «нового инструмента» («Новый Органон»); рекомендации философа по сопровождению эксперимента убеждают

² «Чтобы слышать речи о Боге и бессмертной душе нужно из ладьи науки пересечь в корабль церкви» [10, с. 123].

Жозефа де Местра в том, что Ф. Бэкон не был ученым и ничего не знал о том, как совершаются научные открытия (см. об этом подробнее в: [12; 13]).

Однако следует признать, что помимо идеологических факторов, оказывавших безусловное влияние на критическое отношение Жозефа де Местра, основоположника политического консерватизма, к философии Ф. Бэкона, влияние методологии «Нового Органона» сдерживалось также рядом следующих факторов.

Фрэнсис Бэкон не имел достаточного опыта изучения универсалий логики, он не был ни математиком, ни естествоиспытателем, поэтому положения метода достижения власти человека над природой в «Новом Органоне» зачастую вызвали критическую оценку ученых-современников, не удовлетворяли их изысканиям. В частности, Ф. Бэкон, отрицая роль в науке дедуктивных умозаключений, тем не менее подводил частный фактический материал под общие законы, чтобы вывести необходимые следствия, положения своего отрицания, что в логическом отношении, конечно, дискредитировало в целом его подход³. Указанное обстоятельство, несомненно, служило предлогом относиться к Фрэнсису Бэкону как к дилетанту в науке⁴ и обосновывало стремление современников Ф. Бэкона к поиску принципиально других способов обоснования научного знания.

Кроме того, на критическое отношение к рекомендациям «Нового Органона» в XVII веке серьезно повлияло общеизвестное положение о характере истины, полученной индуктивным путем. Поскольку индуктивные обобщения опытных данных всегда лишь в высшей степени вероятны, они принципиально не могут считаться абсолютно достоверными истинами. Индуктивный вывод

использует знание причин, закономерностей явлений, и поскольку познание бесконечно, то и вывод, связывающий новое знание с существующим, всегда промежуточен.

«Ныне мы довольствуемся идеалом научного знания, обладающего всего лишь высокой степенью вероятности, не требуя, например, от физики или от химии, чтобы их законы были чем-то большим, чем очень и очень правдоподобными гипотезами. Не таковы были интеллектуальные ценности в XVII веке. Сильные традиции Средневековья, с его ориентацией на религиозные “Абсолюты”, все еще заставляли оценивать “почти достоверное знание” как нечто неизмеримо низшее, в сравнении с “несомненно достоверным знанием”. И это тоже, в свою очередь, стимулировало поиски обоснования научного знания не на том пути, который предлагал Ф. Бэкон» [16].

И в завершение исследования отметим, что бэконовская концепция способствовала укреплению зарождавшейся тенденции к утверждению ценности индивидуализма в очень малой степени. У Ф. Бэкона гносеологический индивидуализм превалирует только в его намерении построить все знание на личном опыте, на произведенных самим познающим субъектом наблюдениях и экспериментах. При этом не исключается возможность, что происхождение, состав и значение знания — все эти три составляющие могут быть трансцендентными, внешними по отношению к познающему субъекту. В таком случае справедливо задаться вопросом, в каком смысле то, что Бэкон подразумевал под знанием (как результатом рассмотренных выше определенных познавательных процедур и усилий), являлось знанием, прежде всего, для него самого, выступающего в качестве познающего субъекта?⁵

³ Как замечает М.И. Каринский, «если Бэкон, оспаривая значение силлогизма, хочет вместе с тем отрицать и вообще дедуктивные процессы, которых естественным выражением считался в прежней науке силлогизм, то его учение о методе исследования должно сделаться сплошным противоречием» [14, С. 26—27].

⁴ Французский исследователь философии науки А. Койре считал, например, что Ф. Бэкон «ничего не понял в науке и был лишен критического духа, что его ментальность близка, скорее, духу алхимиков и магов» [11, с. 307; 15].

⁵ К слову говоря, этот заключительный вопрос к эмпиристической теории Ф. Бэкона, на мой взгляд, вполне можно расширить до общего вопроса, касающегося методологии эмпиризма в целом: «В каком смысле то, что мы называем знанием (в рамках сугубо эмпирического подхода в науке), является именно нашим знанием?»

В связи с этим следует заключить, что эмпирическая концепция знания Бэкона, будучи весьма далекой от крайней формы гносеологического индивидуализма, удовлетворяла духу *Early Modern Philosophy* лишь в самой зачаточной степени. Данное обстоятельство, естественно, служило поводом к возникновению философских теорий, отличающихся от «Нового Органона» существенным образом. Такими теориями можно считать рационалистические доктрины Р. Декарта и Г. В. Лейбница.

Литература:

1. Кант И. Критика чистого разума. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1963—1966. Т. 3. С. 672—679.
2. Брюшинкин В. Н. Жизнь и философия Иммануила Канта [Электронный ресурс] // Балтийский федеральный университет им. И. Канта: официальный сайт. URL: <https://www.kantiana.ru/university/univ-filosofiya-kanta/> (дата обращения 05.11.2019).
3. Самохвалова В. К. О некоторых аксиологических акцентах европейской гносеологической традиции в философии Нового времени [Электронный ресурс] // Гуманитарный вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана: электрон. изд. 2017. № 6(56). Режим доступа: <http://hmbul.ru/catalog/hum/phil/445.html> (дата обращения 05.11.2019).
4. Свасьян К. А. Становление европейской науки. М.: Evidentis, 2002. 438 с.
5. Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. / Сост., общ. ред. А. Л. Субботина; Институт философии АН СССР. 2-е изд., испр. и доп. Т. 2: Вторая часть сочинения, называемая Новый Органон, или Истинные указания для истолкования природы. М.: Мысль, 1978. 575 с. (Философское наследие).
6. Лосский Н. О. Введение в философию. 2-ое изд. Петроград: Наука и школа, 1918. 305 с.
7. Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. / Составл., общ. ред. и вступит. статья А. Л. Субботина; Институт философии АН СССР. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1: Великое восстановление наук. М.: Мысль, 1977. 567 с. (Философское наследие).
8. Васильев В. В. Трудная проблема сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 272 с.
9. Майоров Г. Г. Теоретическая философия Готфрида Лейбница. М.: МГУ, 1973. 264 с.
10. Виндельбанд В. Новая философия // Общая история философии / Пер. И. В. Яшунского; под ред. А. И. Введенского и Э. Л. Радлова. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1912. Т. 2. 267 с.
11. Самуйлов Г. Н. Философия Фрэнсиса Бэкона: наука и идеология // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 4(793). С. 298—310.
12. Maistre J. de. An Examination of the Philosophy of Bacon. Monreal & Kingston: McGill-Queen's University Press, 1998. 331 p.
13. Malherbe M. La philosophie de Bacon: répers. Paris: J.Vrin, 2011. 187 p.

14. Каринский. М. И. Классификация выводов. Избранные труды русских логиков XIX века. М.: АН СССР, 1956. 404 с.

15. А. Койре. Очерки истории философской мысли. О влиянии философских концепций на развитие научных теорий / Пер. с фр. Я. А. Ляткера; общ. ред., предисл. А. П. Юшкевича. М.: Прогресс, 1985. 286 с.

16. Самохвалова В. К. О некоторых особенностях концепции научного знания Фрэнсиса Бэкона // Наука и современность. 2017. № 50. С. 114—120.

поступила 20.08.2019

Самохвалова Варвара Климентьевна — кандидат философских наук, доцент, Всероссийская академия внешней торговли, кафедра гуманитарных и социальных наук, bar-bar@mail.ru

References

1. Kant I. Kritika chistogo razuma. Sochinenija: v 6 t. M.: Mysl', 1963—1966. T. 3. S. 672—679.
2. Brjushinkin V. N. Zhizn' i filosofija Immanuila Kanta [Elektronnyj resurs] // Baltijskij federal'nyj universitet im. I. Kanta: oficial'nyj sayt. URL: <https://www.kantiana.ru/university/univ-filosofiya-kanta/> (data obrashhenija 05.11.2019).
3. Samohvalova V. K. O nekotoryh aksiologicheskikh akcentah evropejskoj gnoseologicheskoj tradicii v filosofii Novogo vremeni [Elektronnyj resurs] // Gumanitarnyj vestnik MGTU im. N. Je. Baumana: elektron. izd. 2017. № 6(56). Rezhim dostupa: <http://hmbul.ru/catalog/hum/phil/445.html> (data obrashhenija 05.11.2019).
4. Svas'jan K. A. Stanovlenie evropejskoj nauki. M.: Evidentis, 2002. 438 s.
5. Bjekon F. Sochinenija: v 2 t. / Sost., obshh. red. A. L. Subbotina; Institut filosofii AN SSSR. 2-e izd., ispr. i dop. T. 2: Vtoraja chast' sochinenija, nazyvaemaja Novyj Organon, ili Istinnye ukazanija dlja istolkovanija prirody. M.: Mysl', 1978. 575 s. (Filosofskoe nasledie).
6. Losskij N. O. Vvedenie v filosofiju. 2-oe izd. Petrograd: Nauka i shkola, 1918. 305 s.
7. Bjekon F. Sochinenija: v 2 t. / Sostavl., obshh. red. i vstupil. stat'ja A. L. Subbotina; Institut filosofii AN SSSR. 2-e izd., ispr. i dop. T. 1: Velikoe vosstanovlenie nauk. M.: Mysl', 1977. 567 s. (Filosofskoe nasledie).
8. Vasil'ev V. V. Trudnaja problema soznaniya. M.: Progress-Tradicija, 2009. 272 c.
9. Majorov G. G. Teoreticheskaja filosofija Gotfrida Lejbnica. M.: MGU, 1973. 264 s.
10. Vindel'band V. Novaja filosofija // Obshhaja istorija filosofii / Per. I. V. Jashunskogo; pod red. A. I. Vvedenskogo i Je. L. Radlova. SPb.: Tipografija tovarishhestva «Obshhestvennaja pol'za», 1912. T. 2. 267 s.
11. Samujlov G. N. Filosofija Frjensisa Bjekona: nauka i ideologija // Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki. 2018. Vyp. 4(793). S. 298—310.
12. Maistre J. de. An Examination of the Philosophy of Bacon. Monreal & Kingston: McGill-Queen's University Press, 1998. 331 p.
13. Malherbe M. La philosophie de Bacon: répers. Paris: J.Vrin, 2011. 187 p.

14. Karinskij, M. I. Klassifikacija vyvodov. Izbrannye trudy russkih logikov XIX veka. M.: AN SSSR, 1956. 404 s.
15. A. Kojre. Ocherki istorii filosofskoj mysli. O vlijanii filosofskih koncepcij na razvitie nauchnyh teorij / Per. s fr. Ja. A. Ljatkera; obshh. red., predisl. A. P. Jushkevicha. M.: Progress, 1985. 286 s.
16. Samohvalova V.K. O nekotoryh osobennostjah koncepcii nauchnogo znanija Frjensisa Bjekona // Nauka i sovremennost'. 2017. № 50. S. 114—120.

submitted 20.08.2019

Samokhvalova Varvara K. — cand. Sc. (Philos.),
assoc. Professor, Department of Humanities,
Russian Foreign Trade Academy, *bar-bar@mail.ru*

Социально-философский аспект формирования профессионального сознания личности

Social Philosophical Aspect of the Formation of Personal Professional Consciousness

Е. В. Андриенко¹, И. М. Горбачева²

O. V. Andriyenko¹, I. M. Gorbacheva²

¹ *Донецкий национальный университет, Донецк, Украина*

² *Национальный исследовательский университет «МИЭТ»*

¹ *Donetsk National University, Donetsk, Ukraine*

² *National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia*

elena_andrienko8@mail.ru

Статья посвящена социально-философскому исследованию факторов и путей формирования профессионального сознания как многоуровневого социального явления. Проанализированы вопросы влияния философии на формирование личностного профессионального сознания и соотношения понятий «становление» и «развитие». Сделан акцент на том, что профессиональное сознание — это форма общественного сознания, образующая понятийно-категориальный аппарат, профессиональные смыслы, мотивы, интересы и цели той области знаний, которая относится к определенной профессиональной деятельности. Оно включает культурно-личностный и социально-функциональный аспекты профессионализма. Сделан вывод о том, что формирование профессионального сознания личности — это осознание своей профессиональной деятельности как целостного феномена, критическая рефлексия над социокультурными и методическими особенностями своей профессии, и ее роли в развитии духовной культуры общества.

Ключевые слова: профессионализм; профессиональное становление; профессиональное сознание; общество; культура; развитие.

The article is devoted to the social philosophical inquiry of factors and ways of forming the professional consciousness as multi-structural social phenomenon. The questions of the influence of philosophy on the formation of personal professional consciousness and the correlation of the concepts of “formation” and “development” have been analyzed. The emphasis has been placed on the fact that professional consciousness is a form of public consciousness that shapes a conceptual and categorical apparatus, professional meanings, motives, interests and goals of that field of knowledge that is related to a certain professional activity. It includes culturally-personal and socially-functional aspects of professionalism. It has been concluded that formation of the professional personal consciousness is the subject’s awareness of one’s professional activity as an integral phenomenon, critical reflection on the socially-cultural and methodological features of a profession and its role in the development of the spiritual culture of society.

Keywords: professionalism; professional formation; professional consciousness; society; culture; development.

Профессиональное сознание личности является основой для продуктивной и творческой профессиональной деятельности. Сознание как философская и психологическая категория находится в процессе постоянного развития, что отражает динамику социокультурных и исторических изменений общества. По меткому выражению М. Мамардашвили, философия — это и есть сознание, но сознание «вслух», явленное в строгой теоретической форме [3, с. 127]. Категории личностного сознания всегда отражают индивидуальный опыт, переработанный в самосознание, поэтому понятия «профессиональное сознание» и «профессиональное самосознание» во многом синонимичны друг другу.

Особенности каждой отдельной профессиональной области накладывают свой отпечаток на содержания и иерархии базовых категорий профессионального сознания. Категориальное наполнение сознания личности всегда представляет собой иерархизированную систему наиболее универсальных категорий, которые определяют социокультурную и профессиональную практику.

Если обратиться к лингво-семантическому анализу понятий «профессиональное сознание», «профессиональное становление», «профессионализм», то выяснится, что они происходят от латинского корня *“profession”* — «призвание». Католическое Средневековье применяло это понятие только к деятельности священнослужителей. Ренессанс трансформировал эту концепцию, позволив говорить о призвании художников, поэтов и ученых. И, наконец, протестанты — первые идейно убежденные трудоголики Европы — стали применять слово «профессия» по отношению ко всем без исключения видам деятельности, подчеркивая, что абсолютно каждый трудящийся должен относиться к своей работе так, как лучший священник служит Богу — со всей преданностью и самоотдачей.

Анализ теоретических работ, в которых освещаются вопросы формирования профессионального сознания личности (труды

А. Леонтьева [2], М. Мамардашвили [3], Л. Митиной, Г. Митина, О. Анисимовой [4], С. Попова [6], В. Слободчикова [7], В. Цвык [8] и других авторов) позволяет сделать вывод о том, что данная проблематика является актуальной, и различные ее аспекты были рассмотрены многими авторами — специалистами как в области философии, так и в областях психологии, педагогики и теории управления. При этом следует констатировать, что очень мало авторов уделяют внимание именно мировоззренческой стороне развития профессионального сознания, которая наиболее полно раскрывается именно с позиций социальной философии.

Целью данной работы является социально-философское исследование особенностей формирования профессионального сознания как многоуровневого социального феномена.

Как пишет В. Цвык, комплексный социально-философский анализ профессионализма позволяет сделать вывод о двуединой природе этого феномена, который имеет культурно-личностный и социально-функциональный аспекты [8, с. 39]. Как сложное социальное явление, включающее социокультурный, психологический и духовно-нравственный элементы, профессиональное сознание отражает и раскрывает оба эти аспекта.

Согласно А. Леонтьеву, профессиональное сознание — это форма общественного сознания, которая образует понятийно-категориальный аппарат той области знаний, которая относится к определенной профессиональной деятельности, а также профессиональные смыслы, которые находят свое воплощение в профессиональных мотивах, интересах, что проявляется в постановке профессиональных целей [2, с. 217].

Для становления профессионала в любой отрасли важную роль играет информационно-когнитивный аспект подготовки, выражающийся в наличии содержательной и адекватной научной информации в той или иной профессиональной области. Часто именно нехватка качественных источников информации становится основной

причиной низкой профессиональной культуры молодых специалистов.

Для социально-философского изучения вопроса профессионального сознания важно определиться с другим, весьма близким содержательно понятием — «профессиональное становление». Формирование профессионального сознания и профессиональное становление — это взаимозависимые и неразделимые процессы. В научных исследованиях понятия «становление» и «развитие» часто отождествляются. Так, например, в «Толковом словаре русского языка» С. Ожегова и Н. Шведовой понятие «становление» определяется как «возникновение, создание чего-либо в процессе развития» [5]. Иными словами, согласно данному определению, становление — это часть процесса развития.

В контексте анализа становления профессионального сознания специалиста можно выделить следующие три аспекта: 1) социальный аспект, который характеризуется развитием эмпирического компонента профессионализма и интеграцией личности в соответствующую сферу деятельности; 2) индивидуальный аспект, который обусловлен актуализацией личностных характеристик в профессиональной деятельности (как на уровне естественных биологических основ, так и на социокультурном уровне); 3) аспект персонализации, который характеризуется интериоризацией и систематизацией профессионального опыта и завершает процесс формирования профессионального сознания личности. Все три аспекта составляют суть понятия «профессиональное становление».

Для определения специфики формирования профессионального сознания можно обратиться к теоретическим наработкам В. Слободчикова [7], по мнению которого становление выступает интегральным элементом процесса развития. Понятие развития включает в себя сразу три аспекта: 1) становление; 2) формирование; 3) преобразование. Если давать философскую экспликацию понятия «становление» в отношении профессионального сознания, то можно

выразить ее в терминах синергетической методологии: это переход объекта (профессионального сознания личности) к более сложному в структурном аспекте состоянию в результате накопления воздействий внешней среды (как специфических, целенаправленных, так и неспецифических). Формирование в данном контексте можно определить как процесс усвершенствования профессионального сознания индивида, сопровождающийся приобретением им новых качеств и свойств, соответствующих ситуативным вызовам внешней среды. Под преобразованием в данном случае понимается уровень развития личности как индивидуальности. На этом уровне, помимо действия биологических и социокультурных факторов личность поднимается до такого уровня осознанности, который позволяет ей самой выступать для себя фактором профессионального развития. Это уровень саморефлексии, профессионального саморазвития и самовоспитания. В. Слободчиков характеризует этот уровень динамики профессионального сознания личности как становление субъектности [7, с. 104]. На этом уровне, к которому должен стремиться каждый специалист, личность наиболее полно раскрывается как профессионал своей отрасли, поскольку обретает возможность критического осознания фундаментальных оснований своей деятельности.

Если вернуться к первоначальному сакральному пониманию слова «профессия», то уровень преобразования в развитии профессионального сознания можно сравнить с христианским понятием «*метанойя*» (от др.-греч. «перемена ума», «пересмысление»). Иногда упрощенно этот термин трактуют как «раскаяние», но суть его в христианской философии гораздо глубже и означает именно осознание своих недостатков, а также решимость преодолевать их и, тем самым, постоянно самосовершенствоваться. Самосовершенствование является базовым аксиологическим ориентиром не только для специалиста любой отрасли, но и в более широком смысле, глубинной ведущей ценностью каждого носителя

ценностей христианской цивилизации (причем, безотносительно к тому, считает ли человек себя верующим или нет, поскольку речь идет именно о глубинных ценностных представлениях архетипического цивилизационного уровня). Эта идея вполне согласуется с универсальной методологической идеей современной науки о том, что развитие тотально и охватывает все уровни организации материи. На интуитивном уровне эта идея артикулировалась в различных контекстах еще в древности. Не случайно в религиозной философии христианства самым тяжким грехом считается не убийство, а гордыня. Именно потому, что гордыня означает остановку в развитии личностного сознания, ложное ощущение собственного совершенства и нежелание работать над слабыми сторонами своей натуры, а остановка развития и движения — это смерть.

С позиций системной методологии С. Попова при сопоставлении понятий «развитие» и «становление» именно понятие «становление» означает присутствие одновременно и естественно-биологических, и искусственных, привнесенных культурой факторов влияния [6, с. 4]. Процесс становления при этом реализуется посредством смены ситуаций и актуализируется естественными и искусственными влияниями. Становление всегда предполагает объединение факторов обоих типов, которые взаимодействуют в одном ситуативном контексте.

К естественным факторам становления можно отнести существующие условия и ситуации, которые препятствуют или, наоборот, способствуют процессу развития. Искусственные факторы — это факторы, которые привносятся из внешней среды целенаправленно другими субъектами, регламентирующими процесс личностного развития (обычно это члены семьи и педагоги). В данном контексте можно также вспомнить об определенных государственных нормах и стандартах в области профессионального образования, кодифицированные в программах дисциплин, календарных планах и т. д. Трансформация собственных личностных представлений и воззрений других

людей выступает механизмом влияния на процесс профессионального становления личности. Зачастую на объект становления оказывают влияние сразу несколько разных по характеру своего воздействия «преобразователей», что диалектически отображается в результатах становления наличием в них тех или иных субъективных аспектов и специфических черт. Естественно, что чем более талантливые и яркие преподаватели работают с человеком на этапе его профессионального обучения, тем более талантливым профессионалом может стать этот человек. В данном контексте вполне справедливо известное утверждение о том, что только личность может воспитать другую личность.

Л. Митина разработала две модели профессионального поведения, краткую характеристику которых целесообразно указать, поскольку они помогают раскрыть вопрос о различных направлениях становления специалиста в профессиогенезе [4, с. 203–205]:

1. Модель адаптивного поведения. Данная модель характерна для начального этапа развития профессионального сознания и основана на преобладании в поведении личности приспособления к правилам и нормам, действующим в определенной профессиональной среде.

2. Модель профессионального развития. В контексте данной модели описывается личность с целостным и сформированным профессиональным сознанием, прошедшая этап адаптации и работающая на творческом, созидающем уровне. Во многих профессиях без творческого элемента полноценная реализация специалиста в принципе невозможна (прежде всего, это профессии, относящиеся в сфере искусства, а также научно-технических изобретений). Поэтому большое внимание творчеству должно уделяться еще до начала собственно профессиональной деятельности — уже на этапе подготовке будущего специалиста.

Раскрывая социально-философский аспект формирования профессионального сознания личности, нельзя не коснуться

вопроса о роли философских дисциплин в данном контексте. Современная наука свидетельствует о том, что мир на всех его уровнях постоянно изменяется и усложняется. Логично, что для успешной адаптации и последующего преобразования реальности личность в своем развитии также должна переходить на новые уровни сложности, прежде всего, интеллектуально и мировоззренчески. Философия всегда выступала той основой, на которой наиболее успешно воспитывается критическое и творческое мышление, а также системное и целостное понимание мира. Поэтому философию как основу мировоззренческих дисциплин изучают не только на гуманитарных, но и на естественнонаучных и технических факультетах вузов. Как справедливо отмечают В. Глаголева и М. Силантьев, говоря об инженерном образовании, философские дисциплины — это обязательный его элемент, способствующий развитию не только инженерного мышления как такового, но и качеств и навыков, «без которых нет полноценного специалиста, да и жизнь теряет всякий смысл» [1, с. 158]. На сегодняшний день можно говорить о философии профессионализма, под которой понимаются фундаментальные мировоззренческие ориентиры, структурирующие деятельность представителей той или иной профессии. В 2013 г. вышла работа под редакцией А. Чумакова под названием «Философия профессиональной деятельности», в которой, в частности, раскрываются такие вопросы как «философия экономики», «философия налогов», «метаэтика» и др. [9].

Философия способствует формированию профессионального сознания также через раскрытие важнейших диалектических противоречий профессионализма как общественного явления. К числу таких противоречий относятся следующие вопросы:

Во-первых, противоречие между стремлением к социальной справедливости и ранжированием профессий по степени престижности. Общество постоянно изменяется, в связи с чем одни профессии становятся более актуальными, чем другие,

на каждом новом этапе общественной динамики. Так, если вспомнить знаменитую классификацию профессий Е. Климова, разделившего все профессии на пять типов («человек — человек», «человек — природа», «человек — техника», «человек — художественный образ» и «человек — знаковая система»), то стоит отметить, что в то время, когда эта классификация создавалась, профессии типа «человек — знаковая система» были наименее престижными (картограф, машинист, бухгалтер). Но сегодня именно они являются самыми актуальными и высокооплачиваемыми (все специалисты ИТ-сферы относятся именно к данному типу профессий).

Во-вторых, противоречие между узкой профессиональной специализацией и универсальной подготовкой, ориентированной на многозадачность. Эта проблема является очень глубокой и многоаспектной, ей неоднократно посвящались многочисленные научные публикации. Но единого подхода здесь быть не может, поскольку решение данной проблемы в значительной степени обусловлено культурными, ценностными и мировоззренческими особенностями отдельных типов обществ (например, акцент на обществе потребления и, соответственно, личности-потребителе на Западе и личности-творце в советский период). При этом следует отметить, что универсализм, мультидисциплинарность и многозадачность сегодня все же находятся в приоритете и специалисты, владеющие профессиональными качествами из разных контекстов, гибкие и способные к обучению, востребованы больше, чем узкие специалисты.

В-третьих, противоречие между стремлением социальной системы к гомогенности и балансу, с одной стороны, и идеей профессионального развития личности как самостоятельной ценности (что характерно для современной западной либеральной культуры), с другой стороны. Любой социум обладает определенной инертностью, и большая часть его членов не стремится к развитию профессионализма выше определенного, сложившегося в данной социокультурной

среде, уровня. В английском языке возник специальный термин, который метко характеризует данный феномен общественного сознания — “*overqualified*”, или «чрезмерно квалифицированный». В период экономического кризиса именно с такой формулировкой часто отказывают в работе высококвалифицированным специалистам после собеседования (хотя, казалось бы, именно такие профессионалы всегда должны быть максимально востребованными).

Таким образом, профессиональное сознание — это форма общественного сознания, образующая понятийно-категориальный аппарат, а также профессиональные смыслы, мотивы, интересы и цели той области знаний, которая относится к определенной профессиональной деятельности, объединяющая культурно-личностный и социально-функциональный аспекты профессионализма. Профессиональное становление можно определить как становление субъектности специалиста-профессионала, в результате которого он приобретает способность не только реализовывать свои профессиональные знания, умения и навыки, но и критически осмысливать базовые основания своей профессии, способы ее реализации, а также роль своей профессии в развитии культуры современного общества. Иными словами, профессиональное сознание — это то, что позволяет личности осознать свою профессию как системное явление, а значит, дает возможность коррекции направлений своего дальнейшего профессионального развития. В формировании профессионального сознания личности важное место занимают философские дисциплины, так как именно они непосредственно направлены на развитие критического и творческого мышления, а также системного понимания мира как целостности, осознанию места своей профессии в обществе и своей роли в ней как профессионала. Кроме того, философия способствует осознанию базовых противоречий профессионализма: 1) противоречия между социальной справедливостью и иерархизацией профессий по степени престижности;

2) противоречие между узкой и широкой профессионализацией; 3) противоречие между нормами профессиональной среды и бесконечным профессиональным развитием как самостоятельной ценностью. Перспективными направлениями дальнейших исследований в контексте философских аспектов профессионального сознания является компаративный анализ особенностей развития профессионального сознания в обществах разных типов, а также формирование философии профессионализма как новейшего философского направления.

Литература

1. **Глаголев В.С., Силантьева М.В.** Зачем философия инженеру? // Полигносис. — 2011. №2 (42). С. 157–161.
2. **Леонтьев А. Н.** Деятельность. Сознание. Психика. — М.: Наука, 1982. 340 с.
3. **Мамардашвили М.К.** Как я понимаю философию: Доклады, статьи, философские заметки. — М.: Прогресс. 416 с.
4. **Митина Л.М., Митин Г.В., Анисимова О.А.** Профессиональная деятельность и здоровье педагога. — М.: Академия, 2005. 363 с.
5. **Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.** Становление // Толковый словарь русского языка (С—Я). — М.: ИТИ Технологии, 2006. С. 407.
6. **Попов С.В.** Методологически организованная экспертиза как способ инициации общественных изменений // Кентавр. 2000. №23. С. 2–7.
7. **Слободчиков В.И.** Очерки психологии образования: Материалы для педагогических размышлений. Биробиджан: Изд-во БГПИ, 2005. 270 с.
8. **Цвык В. А.** Профессионализм: опыт социально-философского анализа. М.: Изд-во РУДН, 2004. 289 с.
9. **Чумаков А.Н., Вальяно М.В., Волобуев А.В.** и др. Философия в профессиональной деятельности: учебное пособие. М.: Проспект, 2013. 411 с.

поступила 03.08.2019

Андрюченко Елена Владимировна — Доктор философских наук, профессор. Профессор кафедры философии Донецкого Национального университета, (283001, Украина, г. Донецк, ул. Университетская, 24), alefblogs@ya.ru

Горбачева Ирина Михайловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и политологии Национального исследовательского университета «МИЭТ», (124498, Россия, г. г. Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, 1), netadm@miee.ru

References

1. Glagolev V.S., Silant'eva M.V. Zachem filosofija inzheneru? // Polignosis. — 2011. №2 (42). S. 157–161.
2. Leont'ev A. N. Dejatel'nost'. Soznanie. Psihika. — M.: Nauka, 1982. 340 s.
3. Mamardashvili M.K. Kak ja ponimaju filosofiju: Doklady, stat'si, filosofskie zametki. — M.: Progress. 416 s.
4. Mitina L.M., Mitin G.V., Anisimova O.A. Professional'naja dejatel'nost' i zdorov'e pedagoga. — M.: Akademija, 2005. 363 s.
5. Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. Stanovlenie // Tolkovyj slovar' russkogo jazyka (S—Ja). — M.: ITI Tehnologii, 2006. S. 407.
6. Popov S.V. Metodologicheski organizovannaja jekspertiza kak sposob iniciacii obshhestvennyh izmenenij // Kentavr. 2000. №23. S. 2–7.
7. Slobodchikov V.I. Ocherki psihologii obrazovanija: Materialy dlja pedagogicheskikh razmyshlenij. Birebidzhan: Izd-vo BGPI, 2005. 270 s.
8. Cvyk V. A. Professionalizm: opyt social'no-filosofskogo analiza. M.: Izd-vo RUDN, 2004. 289 s.
9. Chumakov A.N., Val'jano M.V., Volobuev A.V. i dr. Filosofija v professional'noj dejatel'nosti: uchebnoe posobie. M.: Prospekt, 2013. 411 s.

submitted 03.08.2019

Andriyenko Olena V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Chair of Philosophy, Donetsk National University (24 Universitetskaya str., Donetsk, 283001, Ukraine), elena_andrienko8@mail.ru

Gorbacheva Irina M., Cand. Sci. (History), associate professor of Philosophy, Sociology and Politology Department, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), irina_gorbacheva@bk.ru

**Роль идей в социальных преобразованиях:
поиск новых гносеометодологических оснований**

(методология к исследованию, часть 2)

**Exploring ideas role in a social context: new epistemological and methodological
foundations search (part 2)**

Н. Н. Равочкин

N. N. Ravochkin

Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия, г. Кемерово, Россия

Kuzbass State Agricultural Academy, Kemerovo, Russia

nickravochkin@mail.ru

Во второй части разработки синтетической концепции научного исследования роли и значения идей как детерминант социальных преобразований автор обращается к меметике, теории фреймов и социальному реализму Коллинза. В ходе поиска нового знания посредством репрезентации подходов к пониманию идеи автор рассуждает о развитии системы аксиологических модусов, о последствиях укоренения идей в индивидуальном и массовом сознании. Рассматривая основные положения понимания генезиса и логики идей во взаимосвязи с социумом, автор доказывает зависимость интеллектуальной динамики от условий социосферы.

Ключевые слова: идеи, социум, социальная реальность, концепция, гносеометодологические основания, меметика, теория фреймов, социологизм.

In this article, the author continues to consider ideas as determinants of institutional change. Creating a new methodological position, the author establishes a connection between social changes and intellectual foundations. In this text, reference is made to the memetic theory, the theory of frames, and Collins' social realism in order to refine the synthetic concept to study the role and significance of ideas as the determinants of social change. As a result of the representation of approaches to the stated problem, the author concludes that it is necessary to search and combine various research positions, to realize the completeness and variability of actors in order to create new epistemological methodological foundations.

Keywords: ideas, society, social reality, concept, epistemological methodological foundations, memetic theory, frame theory, sociologism.

В рамках исследования роли идей в социальных преобразованиях заслуживает внимания также и меметическая теория биолога Р. Докинза. Он понимает идею как единицу культурной информации, которая

переходит от одного субъекта к другому. Чтобы изложить суть такой идеи, Докинз вводит понятие «мема» и трактует его как множество «идей, формируемых человеком на протяжении всей истории, заключающих

в себе информацию о мире, повторяющихся в памяти, изменяемых в зависимости от интересов человека и культурных ожиданий» [10, с. 299]. В концепции Докинза мемы играют роль социокультурного развития, обуславливая, подобно генам в генетике, особенности отбора конкретных форм поведения, а также формирования тех или иных социальных институтов и практик, выраженных в идее. Тем не менее ученый не объясняет, каким образом мемы попадают в сознание, однако исходя из того, что идея есть информационная единица, можно предположить, что их усвоение обусловлено спецификой мышления — имманентной чертой интеллектуального общества. Информационные сущности идеи, как и любые другие логические конструкторы, могут повторяться (через прямую имитацию), передаваться от одного субъекта к другому (через учение), интегрироваться в идеологические комплексы с другими идеями и меняться под влиянием индивидуальных и групповых интересов, потребностей и ожиданий.

Изменение идей через формирование в их структуре новых смыслов приводит к возникновению аксиологической конкуренции, результатом которой будет разрушение слабых идей (здесь можно провести аналогию с замещением генов). Сильные идеи, наоборот, распространяются и порождают новые единицы культурной информации. Таким образом, мемы задают и определяют как негативные, так и позитивные социальные тенденции. Важно добавить, что сильной может быть не только позитивная и социально значимая идея, но, напротив, деструктивная. Достаточно вспомнить идеи захватнических войн, расовой дискриминации, экономического давления. Иначе говоря, идеи рассматриваются как детерминанты особенностей социального развития. Вариативность идей и возможность трансформации их смыслов, приобретения дополнительных смысловых оттенков и вступления в идейные комплексы — все это обуславливает особенности развития системы их аксиологических модусов и, как следствие, создания, функционирования

и трансформации институтов и практик. Отметим, что представители меметики далеки от идеализации указанного процесса и его восприятия в качестве эволюционного. Обладая силой воздействия на общество, идеи лучше воспринимаются в период позитивных тенденций развития либо кризисных. Для нас меметика актуальна, прежде всего, по причине некоторого сближения ее отдельных положений с акторно-сетевой теорией. Сюда, главным образом, относим рассмотрение идеального в неразрывном единстве с материальным, биологическим, что позволяет взглянуть на сущность идеи в новом аспекте. Такой подход снимает антиномию «идеальное — материальное», преодолевается разрыв между указанными категориями, что позволяет взглянуть по-новому на социально-природную среду, как на комплексную вариативную систему, а многообразие элементов порождает социальную значимость и смыслы.

Принимая во внимание изучение роли и значения философских идей в социально-философском контексте, мы также считаем целесообразным обратиться к теории фреймов. Следует отметить, что сегодня теория широко используется для выявления и интерпретации социальных явлений в западной науке. В России обращения к основным положениям фрейм-анализа довольно редки, поскольку, по словам В.С. Вахштайна, труды И. Гофмана и М. Минского получили известность среди представителей российского научного сообщества относительно недавно [3, с. 7]. Основы теории были заложены в работах Минского, который понимал фрейм как информационную структуру, «включающую смысловые узлы и взаимодействия» и извлекаемую из памяти в соответствующей социальной стереотипной ситуации [16, р. 235]. По сути фрейм представляет собой сложную комплексную структуру, в составе которой можно выделить несколько уровней и слотов: на верхнем уровне лежит фиксированное значение, нижние уровни (слоты) содержат ситуативные смыслы, которые варьируются в зависимости от контекста (и имеют

существенные различия). Фреймы включают ожидания и другие виды презумпции, организуют опыт и обеспечивают личность предположениями о том, что происходит, они — не ментальные объекты, но «концепты, которые используются для интерпретации того, что происходит вокруг нас» [15, р. 117]. В дальнейшем, благодаря тому, что дефиниции Минского были конкретизированы, теория получает развитие в различных областях научного знания — в лингвистике, психологии: выявляются новые свойства фреймов и формулируются дополнительные выводы.

Нам интересна возможность применения теории фреймов для определения влияния идей на социум. Подходящей дефиницией в этой ситуации представляется определение фрейма как «центральной организационной идеи, предназначенной для осмысления определенных процессов, выявления их смыслов» [13, р. 33]. Фрейм понимается нами как «центральная идея», которая обуславливает особенности интерпретации личностью событий и процессов социально-природной окружающей среды и оказывает влияние на восприятие тех или иных аспектов реальности, определяя выбор поведенческих паттернов. В какой-то степени такое понимание возвращает нас к античному восприятию идеи как двигателя социального прогресса, актора позитивных и негативных трансформаций. Однако в этом случае акцент смещается с выявления абстрактного влияния идей на развитие общества в масштабах мировой истории — на изучение конкретного воздействия идеи на личность как актора социальных взаимодействий. Выявленная структура фрейма может рассматриваться как концепт, включающий в себя совокупность смысловых уровней: верхний — общий для большинства культурных моделей мира и их представителей; нижний — вариативный, зависящий от контекста. В качестве примера структуры фрейма можно привести идеи Робеспьера, обозначенные лозунгом Великой французской революции «Свобода, равенство, братство», в частности — идею Свободы, которая в той

или иной форме известна большинству народов и культур. Верхний семантический слой этой идеи как универсальная составляющая может быть представлен следующими значениями:

1) возможность индивида самостоятельно ставить цели и нести ответственность за результаты своей деятельности;

2) возможность осуществлять деятельность, заданную коллективом или обществом, сохраняя индивидуальность.

Однако проявление свободы как возможности действий, которые могут быть предприняты человеком в направлении цели, существенно варьируется в различных культурных моделях, регулируется не только нормами морали и права, но и другими социальными правилами. Более того, свобода действий индивида в направлении личной цели напрямую зависит от индивидуально-личностного понимания свободы и от конкретных жизненных условий. Соответственно, рассматриваемая идея имеет универсальный уровень, культурно и индивидуально маркированные слоты.

Активизация идеи как фрейма осуществляется в определенном социальном контексте. При этом в памяти личности «всплывают» все выявленные уровни когнитивной структуры, оказывающие влияние на выбор форм поведения, на характер взаимодействия личности с другими акторами на базе представлений о свободе взаимодействия. Таким образом, идея оказывает влияние на особенности деятельности отдельной личности в обществе и общества в целом, выступая «организационным принципом, который управляет социальными событиями и нашим субъективным участием в них» [14, р. 21]. Помимо выявления структуры интеллектуальных конструкторов, теория фреймов применяется для детального анализа особенностей укоренения идей в индивидуальном и массовом сознании. Детальное изучение указанного процесса представлено в трудах И. Гофмана, который выделяет три стадии укоренения идей в сознании личности (рис. 1.).

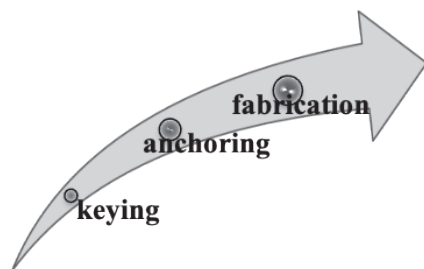

Рис. 1. Процесс формирования идеи в сознании личности

1. Формирование идей. Процесс начинается с момента поступления информации в сознание личности (*informational inputs*). Необходимость интерпретации личностью новой информации требует применения уже существующих в сознании когнитивных схем (*bridge explanations*) — формул, которые используются для осмысления событий и процессов. Результатом применения когнитивных механизмов являются «ключевые концепты», идеи (*keying*). Последние определяют правила интерпретации личностью конкретных событий. Таким образом осуществляется усвоение личностью верхнего уровня фрейма.

2. Укоренение (*anchoring*) идей, закрепление в более глубоких смысловых рамках.

3. Формирование личностных смыслов идеи, или фабрикация (*fabrication*). Завершается процесс закрепления идей в сознании индивида [14].

Таким образом, в процессе укоренения идеи в сознании личности формируется не только универсальная система аксиологических модусов, но и личностное восприятие отдельных модусов в рамках понимания фрагментов реальности. Понимание логики этого процесса позволяет определить возможности усвоения идей массовым сознанием — через СМИ, систему образования. Последствия пропаганды идей различны. С одной стороны, это общественно значимые позитивные результаты: формирование гражданского общества, усиление общественного контроля за деятельностью властных структур, с другой — революции, государственные перевороты, бунты.

Вариация идей и категориальных смыслов указывает на гетерогенность и системность их организации. Маркируемое как

классическое приближение к генезису идей и их динамика, по нашему мнению, можно репрезентировать двумя способами. Один способ — это понимание идей, которые составили основу повседневных практических знаний, непосредственно связанных с удовлетворением потребностей. Общественное разделение труда и появление труда умственного приводит к выделению знания из житейского опыта. Опыт обретает теоретическую форму как самостоятельность, безотносительно к практике. Теоретические положения обобщаются с помощью философских категорий. Последующая динамика принимает направленность на выделение проблем в соответствующих предметных областях науки.

Другой способ репрезентации отчетливо представлен в статьях отечественного мыслителя С. С. Антипова, который придает первостепенное значение процессам воображения. К основным свойствам воображения он относит деятельность, плодovitость, энтузиазм. Воображение дает идеальное субъективное (индивидуальное или коллективное) представление о результате: «Главная функция воображения состоит в идеальном представлении результата деятельности до того, как он будет достигнут реально, в предвосхищении того, чего еще не существует» [12]. В плане идейной рецепции этот способ обнаруживает сходство с общеизвестной теорией Платона, утверждавшего первичность идей и вторичность материи. Итак, сначала человек создает визуализацию объекта, а затем стремится к его реализации. Благодаря воображению становится возможным воспроизводить причины и связи соотношения «прошлое — настоящее — будущее» (что также задает

направленность действий субъекту), поскольку в мире эйдосов наличествуют образы предметов существовавших, существующих сейчас, а также предметов будущего. Проведя анализ теории познания Д. Юма, Антипов переходит на уровень постижения идей в их многообразных сложных сочетаниях. Также он отмечает присутствие страсти, обуславливающей единство «задумки» и действий¹ [1; 2]. Применительно к роли идей в социальных преобразованиях — идей как детерминант институтов политики и права — необходимо обратить внимание на то, что интеллектуалы создают совершенную модель социума, достижение которой предполагает те или иные социальные переменны. Так, идеи предстают не чем иным, как главным продуктом воображения, имея форму философскую или научную.

Не менее значима для постижения роли философии и идей и потому влиятельна теория Р. Коллинза. Наиболее полное изложение взглядов ученого представлено в фундаментном труде «Социология философий» [4]. Как отмечает В. И. Красиков, «это не просто “социология философий”, на деле это радикальное изменение представлений о самой сути деятельности философов (как и вообще интеллектуалов), о механизмах, порождающих их идеи, репутации, земную и посмертную судьбы» [5, с. 5]. Коллинз опирается на лучшие достижения философии и под другим углом предлагает рассмотреть генезис и влияние идей на развитие общества. Традиционным для развития философии являлось утверждение, что «история философии создается “тогда”, когда и происходят сами те или иные интеллектуальные события, имеющие всегда характер неповторимого индивидуального озарения и креатива» [5, с. 6]. Соответственно, понимание генезиса и логики идей в тесной взаимосвязи с развитием социума требует наиболее полного воспроизведения «тогдашних условий — в широкой гамме от социокультурных, ментальных до психолого-автобиографических» [5, с. 6—7]. Подобная

убежденность берет начало в древнейшей установке на философствование как таковое, протяженной в исторических формах — от Античности до Постмодернизма. Иначе говоря, в основе понимания сущности генерирования идей лежат два основных положения.

1. Идеи есть результат интеллектуальной деятельности философа — гения-одиночки, своего рода «обреченного на одиночество избранника» («индивиды порождают идеи») [5; 7, с. 104].

2. Развитие истории философии осуществляется «толчками», под влиянием интеллектуальной деятельности мыслителей-одиночек, а именно — идей, создаваемых ими на базе накопленного опыта познания («идеи генерируют идеи»).

Теория Коллинза опровергает эти положения. Так, определяя роль индивида, целесообразно исходить из понимания природы интеллектуальной деятельности, суть которой заключается в «абстрагировании, универсализации и рефлексировании» [5, с. 8]. Изначально указанные черты проявляются и развиваются в коллективе, а уже затем характеризуют сферу деятельности интеллектуальных сообществ. В результате умственной деятельности специалистов этих разрозненных объединений вырабатываются новые атрибуты и символы общественного единства, «формируется символическая реальность определенной интеллектуальной системы, которая впоследствии используется для применения идей и знаний на практике, в том числе и в обыденной жизни» [7, с. 105]. Другими словами, интеллектуальная деятельность изначально носит коллективный характер, развивается в соответствующих группах, цепочках «учитель — ученик», «причем существует путь от таких социальных структур к внутреннему опыту индивидуального разума» [4, с. 52]. Именно в процессе групповой интеллектуальной деятельности происходят разногласия и столкновение различных позиций. В составе коллективного соглашения эти позиции

¹ По материалам XVII Всероссийской конференции молодых ученых «Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований» (24, 25 сентября 2019 г., Новосибирск, Академгородок).

воспринимаются как истины: идеи и «мыслители не предшествуют общению, но сам коммуникативный процесс создает мыслителей в качестве своих узлов» [4, с. 46].

Так, американский социолог переворачивает с ног на голову устоявшуюся в философии традицию интерпретации идей как двигателей социального прогресса или как причин социальных проблем. По мнению ученого, не идея предшествует социальным изменениям, но сам социум порождает идеи, формирует конкретное «структурное поле сил, в котором и происходит интеллектуальная деятельность» [4, с. 52], соответственно, активизируются различные позиции, на базе их столкновения возникают конфликты, которые приводят к кристаллизации новых «истин». Отсюда справедливость аргумента В. И. Красикова, что философия имеет «социологические корни», выступая «частной формой сознания, такой, как и многие другие» [5, с. 7].

Кроме того, Коллинз подвергает критике и концепцию «идеи порождают идеи», так называемое скачкообразное развитие философии. Традиционно историко-философский процесс понимался как «последующая возобновляющаяся интерпретация, имманентный элемент текущей мировоззренческой, ментальной борьбы, где репутации и идеи предшественников (перевранные “под себя”) — суть эмблемы и орудия всегда “сегодняшнего” самоутверждения фракций философов в существующем сейчас поле интеллектуального внимания» [5, с. 10–11]. Указанная концепция детерминирует два новых положения.

1. Интеллектуальное творчество представляет собой поступательный эволюционный процесс, для которого развитие революционное не свойственно, а следовательно, история философии не может носить скачкообразный характер.

2. В ходе исторической реализации интеллектуального творчества, накопления результатов познания и экзистенциального опыта — идеи, определяющие направление социального развития на конкретных этапах истории, утрачивают актуальность,

смысловую ценность, мотивационную силу [7, с. 106–107].

Если первое положение в определенной мере Коллинз разделяет, то второе подвергает резкой критике: он подчеркивает, что философия как область научного познания носит ярко выраженный рефлексивный характер, соответственно, «рефлексия возобновима с каждым поколением» [5, с. 11]. Более того, возобновленная рефлексия не только осуществляется в условиях постоянного наполнения системы философских знаний, но и понимается в контексте перманентного углубления и уточнения изменений сущности самой рефлексии. Соответственно, в результате интерпретаций старых идей осуществляется формирование качественно новых для исторического плана смыслов, а любая историческая форма интеллектуального постижения бытия может стать основой формирования принципиально новых идей.

Итак, Коллинз предлагает качественно новые взгляды на сущность интеллектуального творчества, на процессы генерирования идей и их взаимосвязь с развитием социума. Новосибирский философ Н. С. Розов заключает, что по мере принятия интеллектуальными сообществами основных положений теории Коллинза «произошел своего рода социологическое взросление философов и философии, так что прежние способы интеллектуального поведения покажутся новым поколениям если не наивными, то по крайней мере принадлежащими уже прошедшей — “социологически дорефлексивной” эпохе» [9, с. 7]. Однако стоит обратиться к собственно философскому уровню их появления, который наиболее оправдан в современном исследовательском дискурсе, в отличие, например, от классических подходов. Это замечание допускается Розовым, который также признает возможности воображения. Ученый считает, что в перспективе человеческой истории идеи есть «особые социальные реальности, возникающие при определенных условиях в некоторых сообществах» [8, с. 7]. Отсюда очевидно, что при

генезисе идей значимость обретают географические, исторические, политические, социокультурные, экономические и другие условия. Розов строит четырехчастную социальную онтологию (материальный мир, психосфера, культуросфера и социосфера) на основе плюрализма и привлекая воображение. Он связывает появление идей с «социальной воображаемостью» и фокусирует его на географической локализации социальных связей и систем [8, с. 31]. Таким образом, изменения и перемены, которые заметны в интеллектуальной динамике, сопрягаются не столько с популярностью отдельных традиций и школ, с множеством рассматриваемых ими проблем, сколько с теми условиями, которые сосредоточены именно в социосфере².

В заключение отметим, что философские положения относительно сущности идей давно преодолели стадии восприятия односторонних конструкций как единственного двигателя процессов социального развития. По большей части пройдены также периоды негативного восприятия идей и смерти идей [6]. Д. В. Третьяков дает наиболее емкое описание сложившейся ситуации: «в трудах философов-постмодернистов идея теряет свое ключевое значение и в онтологическом, и в гносеологическом отношении, а вместо этого приобретает иллюзорный характер, становится “пустым знаком” (Ж. Деррида), “симуляцией” (Ж. Бодрийяр), неким виртуальным текстом, оторванным от реальности (Р. Барт)» [11, с. 9].

Сегодня очевидно, что одностороннее понимание идей в тесной взаимосвязи с функционированием общества не способно объяснить ни сущности идеального, ни сущности социального. Ответом на указанное осознание становится появление новых синтетических концепций, вложенных в парадигму, направленных на объяснение сущности идей в социальном контексте. В связи с этим подчеркнем, что предложенный нами синтез основных положений, составляющих

проанализированные нами теории, выглядит вполне оправданным для создания новых гносеометодологических оснований, поскольку учитывает если не всестороннее, то масштабное в сравнении с имеющимися подходами рассмотрение роли идей.

Основные положения акторно-сетевой теории вернули материальное в социогуманитарный дискурс — и оно больше не рассматривается как нечто изолированное от идей и социума, но становится активным участником формирования новых общественно значимых смыслов. Меметика позволяет рассмотреть функционирование идей в социальном контексте по аналогии с биологическим развитием. В социальном контексте эта теория отражает развитие идей как непрерывную борьбу, в результате которой общество переживает периоды расцвета и кризиса. Положения теории фреймов важны для будущих исследований, поскольку позволяют выявить структуру идеи, ее универсальные, национальные и личностные смыслы. Кроме того, теория объясняет процессы укрепления идей в индивидуальном и авторском сознании. Социальный реализм Коллинза буквально дает новый взгляд на интеллектуальную деятельность, революционно меняя восприятие и последующее осмысление историко-философского развития.

Литература:

1. **Антипов С.С.** Воображение как катализатор развития науки и искусства // Философская школа. 2019. № 7. С. 102—107.
2. **Антипов С.С.** Воображение как свойство человека // Философская школа. 2018. № 5. С. 83—94.
3. **Вахитайн В.С.** Теория фреймов как инструмент социологического анализа повседневного мира: автореф. дис. ... канд. соц. наук / ГУ-ВШЭ. М., 2007. 25 с.
4. **Коллинз Р.** Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1280 с.
5. **Красиков В. И.** Философия: потеря девственности? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2010. № 1 (9). С. 5—16.
6. **Малинова О. Ю.** Идеи как независимые переменные в политических исследованиях: в поисках

² По материалам XVII Всероссийской конференции молодых ученых «Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований» (24, 25 сентября 2019 г., Новосибирск, Академгородок).

адекватной методологии // Полис. Политические исследования. 2010. № 3. С. 90—99.

7. Равочкин Н. Н. Интеллектуальная жизнь: формирование и динамика идей // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2018. № 3 (19). С. 103—110.

8. Розов Н. С. Идеи и интеллектуалы в потоке истории: макросоциология философии, науки и образования. Новосибирск: Манускрипт, 2016. 344 с.

9. Розов Н. С. «Социология философий» Рэндалла Коллинза — новый этап самосознания интеллектуалов в мировой истории // Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения / Р. Коллинз; Пер. Н. С. Розова. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. С. 7—31.

10. Тихомирова Е. Г. Идея маски как инструмент творения культуры (меметическая теория Р. Докинза) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 5 (61). С. 298—302.

11. Третьяков Д. В. Идея и ее онтогносеологический статус: автореф. дис. ... канд. филос. наук / МПГУ. М., 2006. 19 с.

12. Воображение [Электронный ресурс] // Философский энциклопедический словарь: электронные толковые словари. URL: <http://www.cyclopedia.ru/100/194/2685432.html> (дата обращения 01.07.2019).

13. Gamson, W.A., Modigliani. A. Media Discourse and Public Opinion on Nuclear Power: A Constructionist Approach // American Journal of Sociology. 1989. 95. P. 1—37.

14. Goffman Erving. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience. Cambridge: Harvard, 1974.

15. Rettie Ruth. Using Goffman's Frameworks to Explain Presence and Reality // Materials from the 7th Annual International Workshop on Presence (3—15 October. 2004. Valencia, Spain). P. 117—124.

16. Thagard P. F. Knowledge and Interference Synthese. 1984. 61. P. 233—259.

5. Krasikov V. I. Filosofija: poterja devstven—nosti? // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo uni—versiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija. 2010. № 1 (9). S. 5—16.

6. Malinova O. Ju. Idei kak nezavisimye pe—remennye v politicheskikh issledovanijah: v poiskah adekvatnoj metodologii // Polis. Politicheskie is—sledovanja. 2010. № 3. S. 90—99.

7. Ravochkin N. N. Intellektual'naja zhizn': formirovanie i dinamika idej // Jekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovanja. 2018. № 3 (19). S. 103—110.

8. Rozov N. S. Idei i intellektualy v potoke istorii: makrosociologija filosofii, nauki i obra—zovanija. Novosibirsk: Manuskript, 2016. 344 s.

9. Rozov N.S. «Sociologija filosofij» Rjen—dalla Kollinza — novyj etap samosoznanija intel—lektualov v mirovoj istorii // Sociologija filo—sofij. Global'naja teorija intellektual'nogo izme—nenija / R. Kollinz; Per. N. S. Rozova. Novosibirsk: Sibirskij hronograf, 2002. S. 7—31.

10. Tihomirova E. G. Ideja maski kak instrument tvoreniya kul'tury (memeticheskaja teorija R. Dokinza) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo uni—versiteta kul'tury i iskusstv. 2014. № 5 (61). S. 298—302.

11. Tret'jakov D. V. Ideja i ee ontognoseologičeskij status: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk / MPGU. M., 2006. 19 s.

12. Voobrazhenie [Jelektronnyj resurs] // Fi—losofskij jenciklopedičeskij slovar': jelektron—nye tolkovye sloviri. URL: <http://www.cyclopedia.ru/100/194/2685432.html> (data obrashhenija 01.07.2019).

13. Gamson, W.A., Modigliani. A. Media Discourse and Public Opinion on Nuclear Power: A Constructionist Approach // American Journal of Sociology. 1989. 95. P. 1—37.

14. Goffman Erving. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience. Cambridge: Harvard, 1974.

15. Rettie Ruth. Using Goffman's Frameworks to Explain Presence and Reality // Materials from the 7th Annual International Workshop on Presence (3—15 October. 2004. Valencia, Spain). R. 117—124.

16. Thagard P. F. Knowledge and Interference Synthese. 1984. 61. R. 233—259.

поступила 23.08.2019

Равочкин Никита Николаевич — кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин Кемеровского государственного сельскохозяйственного института (Россия, 650056, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Марковцева, д. 5), nickravochkin@mail.ru

submitted 23.08.2019

Ravochkin Nikita N., PhD in Philosophy, Associate Professor at Department of Humanitarian and Legal Disciplines, Kemerovo State Agricultural Institute (5, Markovtseva Street, Kemerovo, 650056, Russia), nickravochkin@mail.ru

References

1. Antipov S.S. Voobrazhenie kak katalizator razvitiya nauki i iskusstva // Filosofskaja shkola. 2019. № 7. S. 102—107.

2. Antipov S.S. Voobrazhenie kak svojstvo che—loveka // Filosofskaja shkola. 2018. № 5. S. 83—94.

3. Vahshtajn V.S. Teorija frejmov kak instrument sociologicheskogo analiza povsednevnogo mira: avtoref. dis. ... kand. soc. nauk / GU—VShJe. M., 2007. 25 s.

4. Kollinz R. Sociologija filosofij: global'—naja teorija intellektual'nogo izmenenija. Novosibirsk: Sibirskij hronograf, 2002. 1280 s.

Социокультурное измерение современной парадигмы негосударственного высшего образования в России

Socio-Cultural Dimension of Contemporary Paradigm of Non-State Higher Education in Russia

С. Н. Панкина, Т. В. Растимешина, А. А. Бахтин

S. N. Pankina, T. V. Rastimeshina, A. A. Bakhtin

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

swepankina@inbox.ru

Анализируются характерные черты современной социокультурной ситуации в России. Прослеживаются изменения социального значения образования в различные периоды российской истории. Выделены и проанализированы две ключевые функции образования. Раскрыто значение традиций в отечественном образовании, показаны взаимоотношения традиции и модернизации. Подчеркивается исключительная значимость возрождения традиций на содержательном уровне педагогического процесса. Утверждается, что негосударственное высшее образование в России находится на начальном этапе развития и время оценочных суждений о его парадигме еще не пришло.

Ключевые слова: социокультурный смысл образования; негосударственное высшее образование; социально-воспроизводственная функция; адаптивно-изменяемая функция; энергия саморазвития; мультикультурное пространство; постмодернизм; ценностные ориентиры образования.

The authors analyze peculiar traits of contemporary socio-cultural situation in Russia. They trace back changes in social meaning of education in various periods of Russian history. The authors did mark out and analyze two key functions of education. Special emphasis is placed on exceptional importance of traditions' revival on substantive level of pedagogical process. The authors have stated that non-state higher education in Russia is still at the early stage of development and the time of evaluative judgments about its paradigm is yet to come.

Keywords: education's socio-cultural meaning; non-state higher education; socio-reproductive function; adaptive-mobile function; energy of self-development; multicultural space; post-modernism; education's value orientation.

Проблема социокультурного смысла и содержания образования возникла значительно раньше, чем человечество создало сам образовательный процесс и начало рефлексировать по поводу его понятия. Социокультурный смысл — понятие намного

более устойчивое, чем средства, формы, методы и задачи педагогического процесса, и связано оно прежде всего с социокультурной ситуацией.

В архаической социокультурной ситуации еще не существовало педагогики

и педагогов, но педагогический процесс как таковой уже играл определенную социальную роль. Он осуществлялся через систему ритуалов, в ходе которых ребенок усваивал и сохранял принятые в племени общие формы мышления и деятельности. Действия взрослых соплеменников инициировали естественное вхождение ребенка в полноправную взрослую жизнь. Усваивая ритуалы, правила поведения, систему действий, каждый отдельный человек укоренялся в культурном и социальном контексте племени.

Появление педагогики как специфического вида человеческой деятельности во многом связано с укоренением в социокультурном контексте человечества «инструментального» подхода к человеку. Педагогическая деятельность, соответственно, была нацелена на формирование таких свойств человека, которые определяли бы его максимальную практическую полезность в социуме. Задача педагога состояла в целенаправленном (исходя из задач, поставленных обществом) воздействии на обучаемого. Для обучаемого же смысл педагогического процесса во многом сводился к социализации в конкретном обществе.

Гуманистический подход к человеку определил смещение многих ценностных ориентиров. В частности, в педагогическом процессе человек перестал быть средством и превратился в самоценную, уникальную и неповторимую единицу, которая имеет ценность для социума уже в силу своего существования. В контексте гуманистического мировоззрения ключевое место занимает понятие человеческого потенциала, на развитие которого и направлено педагогическое воздействие. С точки зрения новых ценностных ориентиров, педагогический процесс предстает не как воздействие, а как взаимодействие. Рассмотрим, как реализуется сегодня гуманистический социокультурный смысл образования в педагогическом процессе в негосударственном вузе.

Рассуждая о роли образования [1; 2], мы в разных контекстах мозаично упоминали его различные цели, задачи и роли: передача знаний, формирование личности, развитие.

Однако смысл образования не определяется простой суммой всех упоминавшихся и не упомянутых задач и ролей, он значительно шире. С социально-философской точки зрения, образование — это прежде всего сфера необходимой социально-исторической практики, отсутствие которой ставит под угрозу не только социальное, но даже физическое воспроизводство человечества. Через образование, передавая традиционные-ценностные компоненты культуры новым поколениям, социум сохраняет себя социокультурно и физически.

Первое, чем определяется социальное значение образования, — это исторически возложенная на него миссия обеспечения «исторической наследственности». Она выполняется только при выполнении двух диалектически взаимосвязанных функций — социально-воспроизводственной и развивающей (или адаптивно-изменяющей). Доминирование одной из функций, взаимное их вытеснение или антагонистический разрыв между ними грозит катастрофическими последствиями. Так, советская образовательная система была в большей мере ориентирована на обеспечение исторической наследственности, причем исторический континуум ограничивался советским периодом. Напротив, энергия саморазвития всячески сдерживалась и регламентировалась. Соответственно, пострадало выполнение социально-адаптивной функции. Такой дисбаланс не мог не привести к катастрофическому снижению адаптивных характеристик образовательной системы. В свете этих рассуждений становится более чем объяснимой неадаптивность, ригидность, которую демонстрирует государственный сектор образования — преемник советской образовательной системы — в современных динамичных условиях многоуровневой трансформации общества. Вследствие невыполнения одной из диалектически взаимосвязанных функций ко времени крушения советской экономической и политической системы образование не выполняло и функции обеспечения исторической наследственности. В ситуации нарастающего кризиса

идентичности образование могло бы сгладить его последствия — но, напротив, только усилило их.

В негосударственном высшем образовании в первые годы становления этого сектора как системы наметился обратный перекося. Нацеленность на общественные инновации: рыночные экономические механизмы, гражданские и демократические свободы, во многом экстраполированные с Запада и трансформированные через протестантское мировоззрение гуманистические ценности — привела негосударственные вузы к ориентации на выполнение только социально-изменчивой, адаптивной функции. Динамика процессов глобализации и информатизации усиливает дисбаланс, наметившийся еще десятилетие назад.

Отмеченная тенденция усиливается и обостряется тем немаловажным обстоятельством, что история развития негосударственного высшего образования была искусственно прервана событиями 1917 г. Сегодня мы часто говорим о возрождении негосударственной школы. Однако следует признать: социально-экономические условия, социокультурный контекст изменились настолько, что терминологически вернее будет говорить не о возрождении, а о зарождении негосударственного образования в России. Законы развития человека и человечества подсказывают: чем ближе система к своему началу, к моменту зарождения, тем выше темпы развития, но вместе с тем больше опасность мутаций и гибели. Так, ребенок за первый год жизни утраивает массу тела. Но именно в первый год жизни опасность умереть для него максимальна. Этот закон развития весьма органично экстраполируется на социальные системы и сущности, и сегодня многие «детские болезни» негосударственного сектора образования можно объяснить, отталкиваясь от этой закономерности.

С одной стороны, когда мы рассуждали о проблемах и задачах, сопряженных с динамичными процессами глобализации и информатизации [3], мы отмечали

преимущества негосударственного сектора высшего образования перед государственным, связывали эти преимущества с энергией саморазвития и скрытыми в ней адаптационными механизмами. С другой стороны, именно эта энергия, которой обусловлены все реализованные и нераскрытые возможности негосударственного сектора образования, сегодня только увеличивает дисбаланс между социально-воспроизводственной и адаптивно-изменчивой функциями.

Таким образом, в лице негосударственного образования мы имеем дело с системой, развитию которой и выполнению ею миссии исторической наследственности исключительно мешает главное ее достоинство — инновационная нацеленность. В этом отношении преимущество на стороне государственного образования, прочно и органично вписанного в социокультурный контекст. В сложившихся условиях перед негосударственным образованием стоит задача через образовательные традиции, через парадигму национальной идеи закрепить в этом контексте и упрочить свои позиции. Такую задачу не решить одномоментно: сегодня мы наблюдаем некоторые элементы естественного отторжения обществом негосударственного высшего образования. По мере взросления, саморефлексии, самоидентификации, избавления от комплекса неполноценности негосударственное образование будет органично вписано в социокультурный контекст и в его миссии выровняются воспроизводственная и адаптивная функции.

Укоренение негосударственного образования в социокультурном контексте наиболее органично происходит прежде всего через традицию. Традиции образования — тот элемент, воздействие которого на образование можно назвать даже терапевтическим. Сегодня, когда перед образованием ставятся задачи ориентации на опережающее качество, в эпоху инноваций и информатизации сферу образования сложно считать консервативной сферой общественной жизни и общественного сознания, какой

она была всегда. Именно в традиции обеспечивается культурная преемственность, поэтому ориентация на традиционалистские ценности сегодня так востребована обществом и образованием. Энергия саморазвития может превратиться в энергию самоистребления, если ее не будут сдерживать вековые сложившиеся представления, традиционалистская рефлексия.

Традиции не противоречат модернизациям и инновациям, преемственность не является помехой процессу информатизации. Преемственность не просто согласуется с модернизацией, но востребована ею. Так, процесс информатизации осложняется этическими проблемами, находить решение которых учит вековая мудрость народа, сублимированная в традиции.

Сегодня деятельность многих негосударственных вузов со всей очевидностью демонстрирует, что они осознают важность традиции. Традиции возрождаются через ритуалы, обычаи и даже обряды в образовании. Истовое возрождение ритуалов — характерная черта сегодняшнего дня. Это вполне объяснимо: ритуалы спасают, приносят успокоение и умиротворение в суетном современном мире. Ритуал в образовании всегда занимал особое место: посвящение в студенты, своего рода образовательная инициация, студенческое братство, кодексы чести, ритуалы, связанные с окончанием вуза. Тем не менее увлечение ритуалами порой не может не вызывать вопросов о целесообразности таковых. В частности, нам не совсем понятна мода на мантии для выпускников вузов, поскольку мантии — ритуал, экстраполированный из нероссийского образовательного пространства, тогда как российские традиции — богатейшая сокровищница обрядов и ритуалов.

Ритуал не может и не должен стать самоцелью. Он очень содержателен: это вход в традицию, тот порог, на котором совершается диалог поколений. Возрождение только формы при отсутствии содержания превращает ритуальное действие в шутовское представление. Форма образовательного процесса сегодня практически безупречна,

во всяком случае, научно обоснованная Я. А. Коменским классно-урочная система стоит выше критики и в наши дни. На сегодня остались прежними все формы и методы изложения учебного материала, разработанные Коменским, — это рассказ, объяснение, беседа. Лекции, семинары, диспуты — формы организации учебного процесса в средневековых университетах Франции, Германии, Италии. Этим формам и методам несколько столетий, разумнее было бы считать традицией их, а не искусственно возрождать отжившие ритуалы. Таким образом, поиски новых решений и присутствие традиций в формах и методах организации образовательного процесса — это естественный процесс, он присущ образованию по определению, поэтому его не имеет смысла стимулировать искусственно.

Возрождать традиции, особенно в негосударственном образовании, значительно важнее на содержательном уровне педагогического процесса, который может быть диалогом культур, диалогом будущего нации с ее прошлым. И в этом диалоге исключительно значимы и само явление традиции, и все содержательные элементы национальной идеи образования.

Мы рассматривали образование как одно из основных средств воспроизводства культуры [1, с. 112], реализующее это воспроизводство в амбивалентной системной взаимосвязи двух функций: развивающей и адаптивно-изменчивой. Но само образование не безусловно: оно культурно зависимо, так как каждому типу культуры соответствует своя образовательная модель. Образование можно рассматривать как канал, который воспроизводит определенный тип культуры. Подчеркнем: не производит традиции и ценности, а воспроизводит их.

Русская педагогическая мысль XIX — начала XX вв. активно рефлексировала относительно места образования в передаче культурных традиций и ценностей. Российская гуманитарная мысль в лице П. Сорокина, Н. Бердяева, В. Вернадского, А. Чижевского, П. Каптерева, Б. Лаврова, М. Рубинштейна была надежным

фундаментом, определявшим место образования в социокультурном пространстве. Традиции фундаментальных научных исследований взаимообусловленности культуры и образования были прерваны в советский период, многие из философских концепций вульгарно трактовались с позиций научного марксизма и «коммунистической педагогики».

Сегодня наука возвращается к этой актуальной проблематике. Однако задача осложняется тем, что для рубежа веков характерно мультикультурное пространство, неоднозначность, взаимопроницаемость и взаимопретексаемость культур. Тенденция к взаимопроникновению только усилилась на фоне процессов глобализации и информатизации. Этим обусловлена одна из особенностей современной социокультурной ситуации: теоретически сложно выделить социокультурные универсалии, культурные доминанты. Современная картина мира исключительно мозаична, многообразна, можно даже назвать ее мерцающей и ускользающей. Именно поэтому сегодня образовательный процесс становится не столько диалогом, сколько полифонией и полилогом. В современном образовательном процессе и перед преподавателем, и перед студентом все время стоит проблема выбора социокультурного контекста.

Сегодня образование уже не может быть трансляцией одного типа культуры, поэтому в ходе образовательного процесса современный человек не просто обогащается новыми сведениями о культуре и приобщается к культурным ценностям, но и формирует из всего мультикультурного многообразия собственный (порой эклектичный) образ и облик. Образование превращается в проблему выбора. Оно требует от человека культурного самопознания, рефлексии, итогом которых становится культурная самоидентификация.

В столь неоднозначном культурном контексте негосударственное высшее образование представляет собой одну из наименее статичных систем. Для государственного образования веяния западной культуры

не стали разрушительными, тогда как для молодой системы негосударственного образования на фоне поиска конвергентных вариантов культурного «лица» все время сохраняется угроза вестернизации, доминирования в мультикультурном пространстве экстраполированных протестантских ценностей, которые резонируют с приоритетами и императивами негосударственных вузов.

В культурной ориентации немаловажную роль играет субъект. Преподавательский состав негосударственных вузов не является устоявшимся, лишь в малом количестве вузов есть собственные кафедральные традиции и концепции, поскольку они формируются не за одно десятилетие. А именно на этом уровне в образовании расставляются не только методологические, но и культурологические акценты. Вполне естественно, что в негосударственном вузе акценты на индивидуальном уровне расставляет преподаватель, который нередко оказывается транслятором западных ценностей не по причине концептуальной приверженности последним, а в силу сложившихся жизненных обстоятельств. Таким образом, перед негосударственными вузами стоит актуальнейшая задача формирования факультетских, кафедральных традиций и концепций, роль которых во многом состоит в расстановке акцентов с научных позиций, в отсекании на концептуальном уровне чуждых российской ментальности ценностей. Этот процесс предотвратит превращение культурного полилога в образовательном процессе в культурную какофонию. В формировании такого рода традиций естественна ориентация негосударственных вузов как на государственную образовательную систему, так и на дореволюционные традиции вольного образования.

Еще одна особенность негосударственных вузов, осложняющая им ориентацию в культурном пространстве образования, — его (пространства) постмодернистская направленность. Кроме амбивалентности, плюралистичности и мозаичности, постмодернистское культурное пространство

во многом характеризуется отрицательной направленностью. Французский философ Ж.-Ф. Лиотар в работе «Состояние постмодерна» [4] высказывает суждение, что слово постмодерн означает состояние культуры после трансформаций, которым подверглись все правила игры в литературе, науке, искусстве, политике в конце XIX в. Модернизм пересмотрел и изменил все правила, вывернул наизнанку формы культуры, но он был плодотворен. Тогда как удел постмодернизма — неплодотворный пересказ, интерпретация, цитата, аллюзия и реминисценция, а еще — отказ, отрицание. Постмодернизм плодотворен в отказе, развенчании.

Рамки социокультурного пространства постмодернизма научно не определены. На наш взгляд, общество еще не перешагнуло границы этой эпохи. Погруженностью негосударственных вузов в постмодернистский контекст во многом определяется их собственная постмодернистская сущность. Под ней мы подразумеваем пафос отрицания, отказа, свойственный нашей эпохе, но особенно присущий молодым. Негосударственное образование — молодая сущность, в которой ярко выражена энергия отказа. Прежде всего, негосударственные вузы отказываются от многих советских образовательных традиций, от уклада, связанного с государственной системой образования. Притом что негосударственные вузы не противопоставляют себя государственным, притом что российская система образования все же едина — даже в названии вольного образования присутствует частица «не», подчеркивающая: негосударственные вузы сторонятся многого, что связано с государством.

Интересно, что постмодернистский пафос отказа на уровне содержания образовательного процесса позитивно трансформируется в развитии у студентов так называемого критического мышления. Современные ученые разработали новый подход к учебному процессу, суть которого в том, что он способствует развитию у студентов рефлексивности мышления, критицизма.

Такой подход предполагает не просто активное участие студента в учебном процессе, но и непрерываемое право обучающегося выражать сомнения, не соглашаться и критиковать.

В негосударственном вузе есть все возможности для применения такого подхода к образованию, этому способствует принцип самоопределения в учебном плане и содержании учебного процесса. Прогностическая ориентация образования предполагает, что человек будущего — не только такой, который может со всеми ладить, ко всему адаптироваться и изменяться вместе с окружающим миром. Ощущение собственной социальной значимости не связано с толерантностью и конформизмом. Напротив, осознавать себя важным для общества — значит чувствовать, что личное участие в общественной жизни имеет ценность. Личное участие предполагает присутствие у человека умений рассуждать, видеть недостатки, критиковать, искать истину, а не только соглашаться и приспосабливаться. Отсюда формирование критического мышления — один из необходимых элементов учебного процесса, если этот процесс ориентирован на опережающее развитие.

Таким образом, постмодернистскую сущность негосударственного образования неправомерно оценивать однозначно положительно или отрицательно. Положительным моментом является возможность реализовать в учебном процессе задачу формирования у студентов конструктивного критического мышления и способности к рефлексии. Несмотря на это, постмодернистская культура во многом разрушительна, в том числе по отношению и к цельности образа человеческого Я, и к единству социальных сущностей. Развитие негосударственного образования нам видится через выход из постмодернистских тенденций. В процессе становления и обретения собственных традиций постмодернистское начало будет не столь явно сказываться на самоопределении негосударственных вузов и свободного образования в целом.

В преодолении постмодернистской

раздробленности, мозаичности ключевую роль будут играть не столько традиции, сколько ценности. С точки зрения Д. А. Лентьева, которую мы разделяем, ценности выступают главной «интегративной основой» как для отдельного человека, так и для социальной группы, нации, культуры и для всего человечества [5]. Вместе с определением системы негосударственного образования в социальном контексте ею будут выработаны ценностные ориентиры, которые станут главным условием социокультурной внятности негосударственных вузов.

Ценность — способ «экзистенциальной разметки бытия» (С. С. Аванесов) [6], в которой нуждаются негосударственные вузы. Именно ценности являются тем социокультурным маяком, ориентиром, который определяет направление деятельности человека и социальной сущности. Выделяя императивы и приоритеты негосударственных вузов, мы затрагивали проблему ценностей. Однако императивы и приоритеты могут быть объективно заданы социальной реальностью (как рыночный характер экономики), а могут определяться рационально, как нечто полезное, необходимое. Отличие ценностей состоит в их нерациональной природе, в их абсолютной нерациональной сущности, они трансцендентальны и значительно более устойчивы, нежели приоритеты, цели, задачи и идеи. Вместе с тем ценности складываются не столь быстро, как цели и приоритеты, эта закономерность действенна и для человеческой жизни, и для социальной сущности. Трехлетний ребенок определяется в своей деятельности с помощью целей и приоритетов, но ценностных ориентиров не имеет. Они складываются в его личном опыте, но, сложившись, определяют вектор всей дальнейшей жизни. Отсутствие иерархии ценностей или их относительность делает вектор неопределенным.

Система негосударственного образования находится на стадии формирования иерархии ценностей. Доминирование ориентации на общечеловеческие ценности сегодня определяет гуманистическую составляющую негосударственного высшего

образования. Однако в современном мире словосочетание «общечеловеческие ценности» — почти трюизм, во всяком случае оно требует уточнения. Первой общечеловеческой ценностью является жизнь. Но ориентация на самооценку жизни есть инстинкт самосохранения, не более. Все остальные ценности не могут быть общечеловеческими, так как население планеты слишком велико и каждый человек может вложить в это понятие собственный смысл. Таким образом, общечеловеческие ценности — это недостаточное определение ценностных ориентиров и во многих отношениях вообще не определение.

Мы выделяли такие ценности, как свобода и ответственность. Но мы не определили характер их взаимосвязи: причинно-следственная она или иерархическая. На наш взгляд, в парадигме негосударственного высшего образования характер взаимосвязи еще не определен, выработка определения — вопрос времени, равно как и дополнение ценностной иерархии другими компонентами.

Итак, культурологическое измерение современной парадигмы негосударственного высшего образования во многом характеризуется следующим:

- негосударственное высшее образование не до конца вписано в социокультурный контекст, что объясняется недостатком и слабостью традиционного компонента, в становлении которого сегодня важную роль играет обряд и ритуал;

- из двух диалектически взаимосвязанных социальных функций образования — социально-воспроизводственной и развивающей (или адаптивно-изменчивой) — в негосударственном высшем образовании акценты смещены к выполнению адаптивной функции;

- современный культурный контекст характеризуется многообразностью, полифонией, диалогичностью;

- в культурном контексте негосударственное высшее образование является одной из наименее статичных систем;

- в развитии негосударственного

высшего образования явно прослеживается воздействие постмодернизма;

— преодоление постмодернистской не-однозначности в негосударственном образовании органично взаимосвязано с формированием его ценностной парадигмы.

Все отмеченные особенности сегодня преждевременно рассматривать с оценочных позиций. На наш взгляд, они обусловлены новизной и молодостью системы негосударственных вузов и являются «обратной стороной» энергии самоопределения и саморазвития, которую мы считаем ключевой характеристикой системы негосударственных вузов.

Литература

1. **Растимешина Т. В., Панкина С. Н.** Политические компоненты национальной идеи образования в России: противоречия в содержании // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2018. № 3 (19). С. 111—120. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2018-3-111-120>

2. **Вахтомин Н. К., Растимешина Т. В.** Гуманистическая направленность современного высшего образования в России // Вестник Московской государственной академии делового администрирования. Серия: Философские, социальные и естественные науки. 2012. № 3 (15). С. 147—153.

3. **Панкина С. Н.** Особенности современного этапа развития негосударственного высшего образования // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2018. № 2 (18). С. 123—131. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2018-2-123-131>

4. **Лиотар Ж.-Ф.** Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н. А. Шматко. СПб.: Алетеия, 2013. 159 с. (Gallicinium).

5. **Леонтьев Д. А.** Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 15—26.

6. **Аванесов С. С.** Аксиологические основания образования // Философия образования. 2004. № 1 (9). С. 134—137.

Поступила 23.08.2019

Панкина Светлана Николаевна — заместитель начальника управления по делам молодежи и связям с общественностью Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), swepankina@inbox.ru

Растимешина Татьяна Владимировна — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры философии, социологии и политологии Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград,

пл. Шокина, д. 1), rast-v2012@yandex.ru

Бахтин Александр Александрович — кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой телекоммуникационных систем Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), bah@miee.ru

References

1. Rastimeshina T. V., Pankina S. N. Politicheskie komponenty natsional'noi idei obrazovaniya v Rossii: protivorechiya v soderzhanii (Political Components of Russian National Idea of Education: Controversial Content), *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*, 2018, No. 3 (19), pp. 111—120. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2018-3-111-120>

2. Vakhomin N. K., Rastimeshina T. V. Gumanisticheskaya napravlennost' sovremennogo vysshego obrazovaniya v Rossii (Humanistic Focus of Modern Higher Education in Russia), *Vestnik Moskovskoi gosudarstvennoi akademii delovogo administrirovaniya, Seriya Filosofskie, sotsial'nye i estestvennye nauki*, 2012, No. 3 (15), pp. 147—153.

3. Pankina S. N. Osobennosti sovremennogo etapa razvitiya negosudarstvennogo vysshego obrazovaniya (Peculiar Features of Non-State Higher Education's Modern Stage of Development), *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*, 2018, No. 2 (18), pp. 123—131. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2018-2-123-131>

4. Liotar Zh.-F. (Lyotard J.-F.) Sostoyanie postmoderna (The Postmodern Condition), Per. s fr. N. A. Shmatko, SPb., Aleteiya, 2013, 159 p., Gallicinium.

5. Leont'ev D. A. Tsennost' kak mezhdistsiplinarnoe ponyatie: opyt mnogomernoi rekonstruktsii (Value as Interdisciplinary Concept: an Experience of Multidimensional Reconstruction), *Voprosy filosofii*, 1996, No. 4, pp. 15—26.

6. Avanesov S. S. Aksiologicheskie osnovaniya obrazovaniya (Axiological Foundation of Education), *Filosofiya obrazovaniya*, 2004, No. 1 (9), pp. 134—137.

Submitted 23.08.2019

Pankina Svetlana N., Deputy Head of PR and Youth Relations Office, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), swepankina@inbox.ru

Rastimeshina Tatiana V., Doctor of Political Sciences, Associate Professor, professor of Philosophy, Sociology and Politology Department, National Research University of Electronic Technology (1, Shokin sq., Zelenograd, Moscow, 124498, Russia), rast-v2012@yandex.ru

Bakhtin Alexander A., Candidate of Engineering Sciences, Associate Professor, Head of Telecommunication Systems Department, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), bah@miee.ru

Становление и развитие творческого потенциала человека в онтогенезе

Formation and development of human creative potential in ontogeny

А. С. Некрасов

A.S. Nekrasov

Российский университет транспорта (МИИТ)

Russian University of Transport (MIIT)

andrnek@mail.ru

Рассматриваются особенности возрастных групп в связи со становлением и развитием творческого потенциала человека. Дается характеристика каждого этапа развития человека, начиная от формирования индивидуальности и творческих способностей. Утверждается, что на всех жизненных этапах человека существуют реальные качественные различия с точки зрения формирования человеческой индивидуальности и творческих образований. Особое внимание уделяется анализу особенностей возрастных кризисов. На основе анализа особенностей возрастных изменений доказывается, что существует связь между творческим потенциалом человека и этапами жизненного пути человека, на каждом из которых по-разному проявляются его потенциальные творческие резервы.

Ключевые слова: этапы жизненного пути, творческий потенциал человека, возрастные группы, механизмы изменений, ритмика, кризисные состояния, уровни психического развития, творческие резервы.

The features of age groups are in connection with the formation and development of the creative potential of a person are considered. The characteristic of each stage of human development is given, starting from the formation of individuality and creative abilities. It is argued that at all stages of human life there are real qualitative differences in terms of the formation of human personality and creative formations. Particular attention is paid to the analysis of the characteristics of age crises. Based on the analysis of the features of age-related changes, it is proved that there is a connection between the creative potential of a person and the stages of a person's life path, on each of which his potential creative reserves manifest in different ways.

Key words: stages of the path of life, human creativity, age groups, mechanisms of change, rhythm, crisis conditions, levels of mental development, creative reserves.

Реальное творчество осуществляется людьми в определённом времени и пространстве, то есть в пределах жизнедеятельности человека — от рождения до смерти. Поэтому творческий его потенциал должен подчиняться и соотноситься с основными этапами жизненного пути субъекта творчества.

На основе принятой в мире классификации возрастных групп, к молодежи относятся люди в возрасте до 44 лет, к людям среднего возраста — от 44 до 59, к стареющим — от 59 до 74, к «молодым» долгожителям — от 74 до 89, к «старым» долгожителям — более 90 лет.

Относительно периода детства

разногласий среди исследователей нет. Это период от рождения до 17-18 лет, он ограничен временем завершения образования и более или менее осознанным и самостоятельным выбором дальнейшего жизненного пути. Детство хронологически делится на раннее (до трех лет), период игры (3—6 лет), младший школьный возраст (6—11 лет) и старший школьный возраст (14—17 лет). На всех этих этапах существует качественные различия между ними с точки зрения формирования человеческой индивидуальности и, в частности, творческого образования.

Детство и молодость разделяют и объединяют одновременно две фазы — подростковая (отрочество) и юность; первая тяготеет к детству, вторая — к молодости (одни авторы считают завершение молодости к 30 годам, другие — к 44 годам). В возрасте «зрелости» (или «среднего возраста» — от 44 до 55 лет) индивид полностью раскрывает и развивает свои физические, психические, социальные и духовные силы. Окончание этого периода жизни (60—70 лет) связывают с завершением продуктивного отрезка жизненного пути. Однако количество лет жизни не отражает реальное состояние человеческого организма не всегда тождественно его творческим потенциям (наличие или отсутствие жизненной энергии для продолжения творческой деятельности). Таким образом, показатели биологического и социального возраста могут соответствовать хронологическому возрасту, но также могут отставать или опережать его.

Гиппократ впервые высказал предложение о существовании климатических лет, кратных 7, 14, 21...70. В эти годы происходит коренное переустройство организма человека. Другие авторы таким циклом считают 9 лет (9, 18...72), который считается критическим для жизни человека. Хотя эти выводы не в полной мере подтверждает статистика, современная медицина их не отрицает. Эти идеи дали толчок для развития учения о биологических и социальных возрастных кризисах в жизни человека (в переводе с греческого слово «кризис» означает

поворотный пункт). В психологии кризисы рассматривают как водораздел между стабильными возрастными фазами развития человека и одновременно как механизм изменений, связанный с переходом на новый уровень психического развития. Считается, что эти фазы неизбежны и являются необходимыми формами развития психической жизни (переломные моменты перестройки организма человека) [1]. Так, Э. Эриксон отмечал, что кризисные состояния являются закономерными результатами развития ребенка в окружающей среде, связанными с повышением уязвимости, плохой приспособляемостью [2, с. 105]. Сегодня большинство исследователей насчитывают 6—9 кризисных состояний человека в течение жизни — рождение, 3, 7, 14, 20, 30, 40, 50, 60, лет [3; 4; 2]. Кризис 60—69 лет — это кризис, который связан с переходом человека от активной трудовой деятельности к «заслуженному отдыху». Есть и другие точки зрения. К примеру, в книге Н. Я. Пэрна «Ритмы жизнь и творчество» [5] отмечается восемь таких «узловых точек», связанных с проявлениями творчества [5, с. 121—127].

Анализа научной литературы и социологических исследований позволяет утверждать, что существует связь между творческим потенциалом человека и этапами его жизненного пути. При этом на каждом этапе жизни у человека по-разному проявляются его потенциальные творческие резервы. Период детства — это время, когда врожденные наклонности и задатки ребенка могут стать его полноценным творческим потенциалом или же остаться недоразвитыми. На этом этапе происходит освоение ребенком механизма активно-деятельного отношения к себе и окружающему миру. Сегодня достаточно обосновано мнение, что развитие ребенка начинается еще до его рождения через перинатальную общность плода с матерью [6], а интеллектуальная и психологическая жизнь плода начинается с шести месяцев беременности женщины.

В возрасте от рождения до 6—7 лет происходит становление индивидуальности путем аффективно-личностных связей

с миром. В это время зарождается самосознание. Ребенок, играя, учится манипулировать вещами. С игры начинается обладание знаниями. Особенно важно в этом отношении считается период раннего детства. Существует даже мнение, что до трех лет жизни развиваются все главные проявления человеческой индивидуальности, а в дальнейшем происходит только их шлифовка (или развитие, или угасание, или подавление их социальной средой [7]).

В свете анализа становления творческого потенциала человека как многоуровневого феномена можно утверждать, что в детском возрасте нельзя говорить о какой-либо устойчивости и определенности по отношению к его составляющим, к эссенциальной основе творческого потенциала. Виртуальные глубины человеческого духа (или способности к трансцендированию за его границы) в это время начинают только зарождаться (отдельные его элементы еще не связаны в целостность и не играют решающей роли в жизнедеятельности). В раннем детстве происходит становление основ мотивационной сферы, хотя завершение этого процесса происходит значительно позже. Потребность в умственном напряжении, которое возникает на основе задатков, дополняется потребностями в деятельности и саморазвитии. Потребность же в творчестве возникает позже и на фундаменте предыдущих потребностей, причем у разных людей по-разному. В детские же годы общий интерес к деятельности дополняется интересом к содержанию и результатам конкретной деятельности. Постепенно способности ребенка приобретают определенную специализацию, фокусируясь на конкретных делах или вещах. Вектор становления творческого потенциала человека в это время направлен от общего к частному, от эпизодических проявлений к постоянному напряжению мотивационных составляющих.

До трех лет освоение ребенком материального и идеального мира человеческих отношений происходит изолированно. В единую систему они объединяются только на следующей стадии (3—6 лет), когда

определяющей формой деятельности становится игра. Игра помогает поднять способности ребенка до уровня саморегуляции и самопознания, к символическому замещению реальных вещей и явлений, к осмысленной и свободной деятельности [8, с. 22]. В игре расширяется пространство общения, и деятельность становится толчком для приобретения навыков овладения реальностью путем освоения ролей и их «проигрывания» — виртуально (через фантазию и мечту) и реально (в игре), через экспериментирование с действительностью, планирование и постановку целей [8, с. 36].

В возрасте 6—7 лет начинают формироваться механизмы связи между внутренним и внешним мирами, которые позже находят своё развитие и воплощение в творческих процессах. Одним из «инструментов» этого механизма является фантазия, которая возникает в результате внутренней умственно-чувственной активности ребенка, следующего за мечтой во внешний мир и пытающегося перестроить его по своему усмотрению. Эти фантазии ребенка не связаны никакими правилами, условностями, штампами, что порождает ту детскую «гениальность», которая так поражает взрослых. Именно здесь кроются ростки виртуально-трансцендентальных уровней творческого потенциала человека, которые позже или получают развитие (напряжение), или угасают (под тяжестью общественных правил и установок или чрезмерного внимания к ним).

Игра и обучение — два основных вида деятельности ребенка дошкольного и школьного возраста. Благодаря им происходит накопление знаний о мире и своем месте в нем. Становление творческого потенциала человека включает в себя две необходимые стороны, которые воплощаются в репродуктивном (воспроизводящем) и продуктивном (творческом) аспектах жизнедеятельности. Если в процессе обучения происходит освоение, накопление, овладение навыками и умениями, а главное — систематизация знаний, то в игре ребенку предоставляется возможность для деятельности свободной,

раскованной. Игра для него приносит удовольствие, ибо она эмоционально окрашена, но главное — она способствует становлению и закреплению отдельных звеньев в системе творческого потенциала человека [8, с. 38]. Обучение — это труд, то есть занятие, которое, само по себе, неприятно и привлекает только своим результатом [9]. Игра же представляет собой идеальную модель творческого потенциала, ибо свободна от планов и позволяет случайно столкнуться друг с другом такие явления, которые в реальности не объединились бы, или создать такую цепь событий, которая иначе бы никогда не возникла [10, с. 105—106]. При этом игра может выполнять функции обучения, а обучение может быть организовано как игра. Но игра не заменит тяжелую работу по освоению ребенком мира человеческой культуры.

С энергетической точки зрения и игра, и обучение связаны с расходом энергии — физической, психической, интеллектуальной. Но если игра осуществляется от избытка энергии, которую ребенок еще не может результативно потратить, то обучение — это обязательная деятельность и здесь не всегда учитываются энергетические возможности ребенка, а также степень его заинтересованности в обучении. Игра и обучение могут и положительно, и отрицательно влиять на становление творческого потенциала человека (или выполнять человеческую функцию, или «высасывать жизненные соки», когда энергетические затраты ребенка превышают его возможности). Таким образом, не игра вместо учебы, и не обучение вместо игры, а их разумное объединение способно положительно влиять на становление творческого потенциала ребенка.

Возраст от 7 до 17 лет — школьное обучение, когда от собственной игры надо переходить к регламентированной обязательной деятельности. Идет накопление знаний, их систематизация на основе разрешения противоречий между свободой и обязательностью, что ведет или к чрезмерной самоуверенности или к своей неполноценности,

подавленности и отвращению к учебе (что часто приводит его к социально осуждаемой деятельности).

Детство завершается кризисом подросткового возраста, что связано с половым созреванием, овладением взрослых видов деятельности и готовностью выполнять социальные роли. Углубление внутреннего духовного мира здесь дополняется интересом к внешнему миру, то есть происходит развертывание социальной сущности человека. Но в творческом процессе развит только один уровень — эссенциальный: человек способен действовать по чужой воле, ибо не является еще творцом, так как не способен концентрировать свою творческую энергию на разных уровнях своей субъективности.

Молодость начинается с юности — своеобразной переходной фазой вхождения во взрослость. Поиски выбора профессии, мировоззренческих позиций и спутника жизни окончательно формирует и стабилизирует основные параметры личности. Юность — это период созревания человека как члена общества. Здесь происходит поворот от внешних объектов к своему внутреннему миру. Если детство отождествляется с игрой, школьный возраст — с приобретением знаний и умений, то юность — это стадия построения отношений с другими людьми. Самые значимые противоречия юности — дружба и любовь, когда человек способен отождествлять себя и других («Я» и «Не-Я»). Но его творческий потенциал в этот период весьма неустойчив.

Возрастной кризис юности связан с приобретением идентичности. Если целостность ощущения своего «Я» не достигается, возможны деструктивные проявления: в экстравагантном поведении, в правонарушениях, в неприятии общепринятых норм и др. [2]. Однако именно эта неопределенность одновременно выступает стимулом активизации творческих поисков человеком самого себя, способствуя проявлению инициативности и самостоятельности.

Молодость — это период развертывания и проявления творческих сущностных сил, период активного творчества, когда

завершается становление главных элементов творческого потенциала. Эссенциальная основа стабилизируется и закрепляется в устойчивых качествах индивида, хотя еще не составляет гармоническую систему через неодновременное созревание: инициативность не всегда соответствует активности, самостоятельность может сочетаться с анархией. Тем не менее, виртуальные глубины духа уже приобрели оформление и развитие, а накопленные связи с внешним миром благоприятны для прорывов, открытий путем трансцендирования за пределы собственного духа.

Вторая половина возраста молодости — это начало активной самореализации человека. Еще не совсем устойчивая система ценностей воспринимается как поле поиска, саморазвития и реализации потенциальных возможностей при отсутствии страха за ошибки и неудачи. Тридцать — сорок лет — вершина жизни: человек созрел как деятель, как творец (все составные творческого потенциала полностью проявляют себя, давая плодотворные и оригинальные результаты). Опыт соединяется с гибкостью, реализмом, инициативностью и самостоятельностью. Ведущую роль в энергетике творческого процесса всё больше играет сознание по сравнению с эмоционально-психическими составляющими творческого потенциала человека. Но постепенно (к сорока годам) потенциал сознания как основного «инструмента» творчества исчерпывает себя и начинается очередная перестройка всех составляющих человеческой индивидуальности — тела, психики, сознания, духа. Сознание как энергетический источник деятельности и творчества уступает место господству внутреннего духовного мира с его неповторимостью и свободой.

Изменяется соотношение между эссенциальным, виртуальным и трансцендентальными уровнями проявления творческого потенциала человека. Если на предыдущих этапах главную роль играли первые два уровня, то теперь на первый план выходит умение преодолевать ограниченность индивидуальной духовности и выходить

в надиндивидуальный духовный мир, обмениваясь информацией со всеми тремя уровнями творческого потенциала человека. Озарение и вдохновение здесь уже не спонтанные акты духовного бытия, а следствие сознательного регулирования своим творческим потенциалом.

Возраст 60 лет основан на необходимости преодоления симптомов старения и затухания как отдельных составных элементов творческого потенциала, так и его самого в целом. Происходит переход от свободы к зависимости от условий жизнедеятельности. Выход из этого состояния заключается в продолжении самоактуализации и самосовершенствования в формах, приемлемых для этого возраста, в продолжение творческой жизни — необходимо заменить поле деятельности. Однако ошибочно считать, что в пожилом возрасте полностью угасают функции творческого потенциала: умелое использование накопленного опыта, возможность без спешки делать обобщения делают пожилых людей «мудрецами», способными и готовыми передать свой опыт молодежи.

Нормальное развитие общества обеспечивается соотношением между традициями и новаторством, творческой и репродуктивной деятельностью. Творческое долголетие во многом влияет на продолжительность жизни и способствует преодолению опасных болезней. Занятие творчеством способствует тому, что человек в любом возрасте ощущает себя молодым, полным сил и энергии. Еще лучше, если человек всю свою жизнь превратит в единый комплекс творческих процессов.

Литература

1. Краткая энциклопедия психологии и психофизиологии развития человека / Под науч. ред. И. М. Юсупова. Казань: Познание, 2010. 208 с.
2. *Эриксон Э. Г.* Идентичность: юность и кризис. 2-е изд. М.: Флинта, 2006. 341 с.
3. *Выготский Л. С.* Записные книжки Л. С. Выготского: избранное / Под общ. ред. Е. Завершневой и Рене ван дер Веера. М.: Канон+, 2017. 606 с.
4. *Толстых А.* Возрасты жизни. М.: Молодая гвардия, 1988. 223 с.
5. *Пэрна Н. Я.* Ритмы жизнь и творчество. М.: Петроград, 1925. 141 с.

Submitted 23.09.2019

Nekrasov Andrey S., candidate of pedagogical Science, Senior Lecturer, Department of Philosophy and Cultural Studies of the Russian University of Transport (Russia, 127994, Moscow, Obraztsova St., 9, andrnek@mail.ru

6. *Баркова Л. А.* Феномен материнства как духовная ценность современного российского общества: автореф. дис... канд. филос. наук / Воен. ун-т МО РФ. М., 2018. 23 с.

7. *Некрасов С. И.* Оптимизация процесса нравственного развития личности как социально-этическая проблема: автореф. дис...канд. филос. Киев, 1989. 19 с.

8. *Клепацкий В. В., Некрасов С. И., Некрасова Н. А.* Игровое начало в науке. М.: Модуль К, 2019. 88 с.

9. *Кантор В. К.* Карта моей памяти: путешествия во времени и пространстве: книга эссе. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 302 с. (Письмена времени).

10. *Чистякова Ж. А.* Игра в жизни ребенка младшего возраста // Информационное пространство: проблемы формирования: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. «Образовательная среда информационного пространства». Шадринск: Шадринский гос. педагогический ин-т. 2015. С. 105—106.

Поступила 23.09.2019

Некрасов Андрей Сергеевич — кандидат педагогических Наук, старший преподаватель кафедры философии и культурологии Российского университета транспорта (Россия, 127994, г. Москва, ул. Образцова, 9, andrnek@mail.ru

References

1. *Kratkaja jenciklopedija psihologii i psihofiziologii razvitija cheloveka* / Pod nauch. red. I. M. Jusupova. Kazan': Poznanie, 2010. 208 s.

2. *Jerikson Je. G. Identichnost': junost' i krizis.* 2-e izd. M.: Flinta, 2006. 341 s.

3. *Vygotskij L. S. Zapisnye knizhki L. S. Vygotsko: izbrannoe* / Pod obshh. red. E. Zavershnevoj i Rene van der Veera. M.: Kanon+, 2017. 606 s.

4. *Tolstyh A. Vozrasty zhizni.* M.: Molodaja gvardija, 1988. 223 s.

5. *Pjerna N. Ja. Ritmy zhizn' i tvorchestvo.* M.: Petrograd, 1925. 141 s.

6. *Barkova L. A. Fenomen materinstva kak duhovnaja cennost' sovremennogo rossijskogo obshhestva: avtoref. dis... kand. filos. nauk / Voen. un-t MO RF.* M., 2018. 23 s.

7. *Nekrasov S. I. Optimizacija processa нравственного развития личности как social'no-jeticheskaja problema: avtoref. dis...kand. filos. Kiev, 1989. 19 s.*

8. *Klepackij V. V., Nekrasov S. I., Nekrasova N. A. Igrovoe nachalo v nauke.* M.: Modul' K, 2019. 88 s.

9. *Kantor V. K. Karta moej pamjati: puteshestvija vo vremeni i pro-stranstve: kniga jesse.* M.; SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2016. 302 s. (Pis'mena vremeni).

10. *Chistjakova Zh. A. Igra v zhizni rebenka mladshego vozrasta* // In-formacionnoe prostranstvo: problemy formirovanija: Mat-ly Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Obrazovatel'naja sreda informacionnogo prostranstva». Shadrinsk: Shadrinskij gos. pedagogicheskij in-t. 2015. С. 105—106.

Проблема деформирования образа коллективной идентичности в эпоху глобализации: особенности мировой и российской ситуаций

The problem of the collective identity's deformation during the globalization: the peculiarities of the world and Russian situations

Л.В. Клепикова, Л.С. Абабилова

L.V. Klepikova, L.S. Ababilova

Российский университет транспорта (МИИТ)

Russian University of Transport (MIIT)

sevell1@rambler.ru

Статья посвящена исследованию проблемы идентичности, ее сохранения и трансформации в условиях глобализации и социальной мобильности. Особое внимание уделено социальной и культурной сторонам построения коллективной идентичности в современных условиях. Основное содержание статьи составляет анализ процесса конструирования коллективной идентичности в мировом контексте. Осуществляется сопоставление международной и российской ситуаций с целью выявления общих черт и особенностей, свойственных исключительно российской действительности. Делается вывод о том, что генерирование социальной идентичности является социальной нормой.

The article deals with the problem of identity, its preservation and its transformation in the context of the globalization and the social mobility. The special point is the social and cultural peculiarities of the contemporary identity's creation. The main article's goal is the analyse of the collective identity's constructing in the world context. The world and Russian situations are being compared for the purpose to find the common features for both situations and the peculiarities that are typical just for the Russian realities. It is concluded that the making of the social identity is the social norm.

Ключевые слова: идентичность; глобализация; глобальный центр; культура; регион.

Keywords: identity; globalization; global centre; culture; region.

Проблема идентичности и ее сохранения является актуальным вопросом для современного общества. Его обсуждение происходит как в научной сфере, так и в политическом, социальном и медийном пространствах [5]. Стоит отметить, что идентичность зачастую выступает как очень многозначное понятие. Это вызвано тем, что идентичность может интерпретироваться

как культурная, национальная, групповая и пр. По этой причине дискуссии вокруг данной проблемы рискуют приобрести политически ангажированный характер.

Вопрос об идентичности и ее природе представляет собой проблему, нуждающуюся в регулярном социально-философском анализе. Проблемами идентичности в разное время занимались такие авторы,

как Ю. Хабермас [6], К. Леви-Стросс [3], Э. Хобсбаум [8], С. Хантингтон [7] и многие другие [13] [18] [4]. Однако в данной статье мы считаем важным обратить внимание именно на необходимость постоянного социально-философского переосмысления проблемы идентичности. Нашу позицию мы обосновываем тем, что в условиях современной действительности основания, на которых еще несколько лет назад базировалось понимание коллективной идентичности, могут быть кардинальным образом изменены в кратчайшие сроки. Поэтому только регулярный социально-философский анализ способен, во-первых, дать максимально не-ангажированную и детальную характеристику этому явлению общественной жизни, во-вторых, выявить детерминанты появления данной социальной проблемы, в-третьих, сформулировать социокультурные противоречия, порождаемые ситуацией вокруг коллективной идентичности [2].

В рамках данной статьи мы постараемся рассмотреть следующие вопросы: Что подразумевает под собой коллективная идентичность? Почему вопрос о ней стал столь актуален для современного общества? Какова специфика российской ситуации? В чем ее схожесть и различия с мировой и общеевропейской?

Изучение идентичности в рамках российских реалий ставит исследователя перед рядом проблем. С одной стороны, он рискует потерять свою исследовательскую беспристрастность, так как дискуссия о коллективной идентичности порождает эмоциональную реакцию со стороны публичного и медийного пространств, по причине того, что данная дискуссия затрагивает вопросы о «потере» коллективной идентичности, ее «сохранении» и видоизменении. Как будет показано далее, данные вопросы тесно соприкасаются не только с идеологической, но и с социальной и экономической сферами жизни общества.

С другой стороны, нельзя не учитывать многозначность самого понятия «идентичность», так как, помимо коллективной, существует также и национальная

идентичность. Несмотря на то, что данные понятия используются в разных смысловых качествах (например, при использовании «национальной идентичности» всегда будет сделан акцент на политическую или идеологическую составляющую), они, тем не менее, находятся в тесной смысловой взаимосвязи. В данной статье мы интерпретируем национальную идентичность как социальное явление, производное от коллективной идентичности.

Кроме того, следует отметить, что обсуждение проблемы о коллективной идентичности и ее роли в современном мире обязывает исследователя выделить конкретные временные рамки, в которых он намерен ее рассматривать.

Со своей стороны, мы считаем конструктивным подойти к рассмотрению вопроса о коллективной идентичности в современных российских реалиях сквозь призму встроенности этой проблемы в общеевропейский контекст. Данную позицию мы аргументируем тем, что современный мир и возникающие в нем причинно-следственные связи во многом (а иногда полностью) определяются глобализацией. Таким образом, современное развитие всех национальных обществ происходит путем воздействия ряда одинаковых факторов. Российская специфика формирования коллективной идентичности во многом определяется общеевропейской. Поэтому мы начнем анализ проблемы коллективной идентичности с ее изучения на мировом и общеевропейском уровнях, а затем перейдем к частному рассмотрению российской ситуации. Рациональность использования подобного дедуктивного подхода мы аргументируем следующим образом. Во-первых, мы должны избегать одностороннего взгляда на проблему, при котором существует риск интерпретировать большинство связанных с идентичностью конфликтов в современной России исключительно как следствие распада СССР. Не отрицая огромного влияния этого исторического события на современную российскую ситуацию, мы не рассматриваем ее в качестве единственного

катализатора современной дискуссии вокруг коллективной идентичности. Во-вторых, споры вокруг коллективной идентичности и ее природы являются камнем преткновения во многих западных и постсоциалистических странах (стоит заметить, что государства западного полушария также не являются исключениями в данном вопросе). Достаточно вспомнить политические дебаты о «крахе мультикультурализма» [16; 17]. Подобным образом, как и в России, эти споры влекут за собой эмоциональные реакции со стороны общества, его различных групп и представителей, становятся предметом политической борьбы.

Понятие идентичности (особенно когда речь идет о национальной идентичности) тесно связано с национальным государством, возникновение которого относится к XVIII — XIX вв., а также с социальными процессами, протекающими в его рамках [8]. Однако в контексте данной статьи в хронологическом плане целесообразно начать анализ с эпохи глобализации (последняя четверть XX века до нынешнего момента). Данный выбор мы обосновываем тем, что современная дискуссия о коллективной идентичности невозможна вне глобализационного дискурса.

Именно глобализация является процессом, обуславливающим не только специфику любых общественных тенденций, но и создающим многие из них. Современные результаты глобализационных процессов, изначально ассоциировавшихся в общественном сознании с модернизационной утопией о возникновении мирового общества, к сегодняшнему моменту наглядно свидетельствуют о том, что после исчезновения или размывания старых общественных структур, почти мгновенно были созданы новые, являющиеся не менее (а возможно более) замкнутыми.

В общих чертах можно сформулировать три черты глобализации в ее современном виде. Их значимость обоснована тем, что вызванные ими процессы пронизывают все сферы жизни современного общества. Это трансформация социальных связей,

изменение значения национальных государств и культурно-политическое влияние мегаполисов мирового значения [15, S. 15]:

1. Изменение всех прежних связей (со страной, регионом, культурой, традициями) в результате появления транснационализма, буквально пронизавшего абсолютно все сферы как экономической, так и политической, общественной и духовной жизни. Глобализация обусловила нынешний облик и способ восприятия образа национальной культуры. В экономической сфере это проявляется в виде коммерсализации культуры, прежде всего в связи с увеличением туристических потоков [10]. В социо-политической сфере — на международном уровне конструируется общеузнаваемый образ национальной культуры, ассоциируемый с географическими достопримечательностями, предметами народного ремесла или даже гастрономией [20]. Указанные тенденции значительнее, чем могут показаться на первый взгляд. В связи с исчезновением и видоизменением прежних социальных связей коренным образом меняется структурная логика общества в целом. Кроме того, никогда нельзя упускать из внимания то, что *глобальное* задействовано не только в экономическом планировании, торговле и производстве, но и в развлекательной индустрии, искусстве, туризме, способах коммуникации и даже в науке. Перечисленные составляющие общественной жизни являются продуктами, произведенными обществом. В то же время они оказывают значительное воздействие на мировоззрение, жизненный уклад, а в дальнейшей перспективе и на способ структурирования общества в целом. Это может происходить на основании идеологии, доступности экономических и социальных благ для тех или иных групп или уровня мобильности этих групп.

2. Существенное сужение суверенитета и престижа национальных государств по причине усиливающегося воздействия на них экономических объектов. Это не означает окончательного снижения влияния государственных институтов и политических деятелей с последующим их исчезновением

в будущем. Однако политические институты, а также вся их деятельность в дальнейшем будет направлена на транснациональный уровень и зависима от процессов, вызванных транснационализмом.

3. Возрастание роли так называемых «глобальных городов» [14, р. 128] до транснациональных центров. Именно там задаются векторы для дальнейшего политического, экономического и культурного развития не только региона, где географически находится данный центр, но и для всего мира. На данной особенности необходимо остановиться более подробно, так как она напрямую связана с формированием нынешнего образа коллективной идентичности.

Одна из важнейших черт, определяющих глобальный центр, это миграционные потоки, стекающиеся в данный центр. Данная миграция носит диверсивный характер [19], потому что под определение мигрантов будут попадать весьма разнообразные социальные группы: а) трудовая миграция, б) индивиды, задействованные в деятельности международных корпораций, в) туристы; г) беженцы, д) творческая элита (актеры, музыканты, художники и т.д.) [14, р. 129—131]. При этом в массовом сознании и средствах массовой информации именно миграция фигурирует в роли универсальной проблемы, с помощью которой обосновывают все насущные конфликты, начиная от дефицита рабочих мест, роста преступности до разрушения культурной идентичности [12, S. 12]. Описанная социокультурная стигматизация, имеющая место в массовом сознании и популистских СМИ, приводит к тому, что миграция и связанные с ней общественные движения (например, стратегия мультикультурализма) позиционируются популистами как силы, чья деятельность в перспективе станет разрушительной для социума.

Описанное явление можно условно обозначить как «прогрессирующий культурный страх» [9]. Понятие было введено немецким историком и культурологом К. Ю. Баде с целью обозначить современную социальную фобию, заключающуюся в кризисе идентичности и неспособности более отождествить

себя с культурой страны проживания. Если продолжить рассмотрение данной проблемы под этим углом, станет ясно, что миграция и глобальный центр как явления глобализации действительно представляют вызов для общества. Этот вызов обусловлен разрушением до-глобализационной, «контейнерной» парадигмы восприятия социума и окружающего мира, заключавшейся в том, что все политические, экономические, социальные и духовные процессы мыслились в рамках национального государства [15, S. 22].

Проблема заключается не только в деформировании национального самосознания. Дело в том, что «контейнерное» мировоззрение, самоидентификация индивидов с конкретным государственным образованием, не являлось чисто идеологическим продуктом. Данный тезис нуждается в разъяснении.

Глобализация внесла существенные коррективы в экономический ландшафт. Например, она повлекла за собой деиндустриализацию некоторых, ранее экономически высокоэксплуатируемых регионов посредством переноса заводов и предприятий в другие регионы (по причине финансовой выгоды). Как итог, идет обеднение одних областей одновременно с обогащением глобальных центров, так как именно туда стекаются прибыль и капитал. «Контейнерное» мировоззрение, самовосприятие себя и собственного бытия исключительно в национальных пределах, имело под собой реальную экономическую основу. Благополучие регионов, в настоящий момент попавших в «проигравшую» группу, некогда обуславливалось относительной экономической независимостью отдельно взятого государственного образования. Глобализация, повысившая темпы и объемы производства, в то же время также увеличила степень взаимной экономической зависимости областей, географически не принадлежащих к территории одного и того же государства.

Описанная ситуация способствует росту социальной неуверенности и напряженности. Глобальные центры также

представляют собой очаги зарождения многих социальных конфликтов и деструктивных течений, среди которых терроризм и популизм (во многом обуславливающие друг друга деструктивные социальные явления). В глобальные центры и экономически более успешные регионы постоянно идет приток населения. Таким образом, всё новые и новые социальные группы постоянно размыывают и усложняют социокультурный состав этих областей. Причем проблемы коллективной идентичности отнюдь не стали неактуальными для указанных регионов. Напротив, в глобальных центрах на перманентной основе генерируются различные формы коллективной идентичности. Одним из самых показательных примеров таких форм является мультикультурализм. Он был «изобретён» в последней четверти XX века как своего рода мета-идентичность для пост-национального общества [15, S. 18]. Главное преимущество мультикультурализма должно было заключаться в том, что он, комбинируя в себе городскую смешанную культуру, способен «вбирать» в себя новые культурные идентичности, безотносительно их количества и степени «экзотичности».

Тем не менее, мультикультурализм, мыслившийся как основа для идеального общества, построенного на всеобщем принятии любых идентичностей и не имеющего границ, всё же имеет собственные границы. Границы, которые маркируют одни разновидности идентичностей и отделяют их от других идентичностей как «неприемлемых». Для урбанистического мультикультурализма в роли «неприемлемых» выступили изоляционистская, «почвенническая» и прочие виды идентичностей, которые, несмотря на свою деструктивность, существуют, реально формируют и направляют многие социальные процессы [11, S. 9].

Одновременно с этим, также складывается идентичность населения, оставшегося проживать в экономически «проигрывающих» или «проигравших» регионах. Имея негативные ассоциации относительно глобализации и мультикультурного урбанизма, данная идентичность строится по принципу

антитезы городским, космополитичным ценностям [15, S. 18]. Ее атрибутами нередко выступают агрессивная настроенность по отношению к миграции, идеализация до-глобализационных времен или даже «почвенничество». При этом население из «проигрывающих» регионов постепенно перемещается в более успешные экономические области. Таким образом, возникает ситуация столкновения разных коллективных идентичностей, каждая из которых развивается и существует на основе отрицания другой.

Общественно-гуманитарная наука способна развенчать деструктивные экономические, социальные и культурные мифы, зародившиеся в лоне «неприемлемых» для урбанистических центров идентичностей. В частности, миф об всеобщем экономическом благополучии в до-глобализационную эпоху. Тем не менее, научная деятельность не может остановить источник формирования этих негативных мифов и оказывается в ситуации «замкнутого круга». Названный источник заключается в самой коллективной идентичности. Индивиды, объединенные в рамках определенной идентичности, будут непрерывно генерировать новые мифы. Причина этого кроется в следующем обстоятельстве.

Верно то, что глобализация спровоцировала размытие и деформацию старых идентичностей. Но верно и то, что коллективная идентичность — это не закрытое социальное формирование, она носит транс-историческую природу, проявляющуюся в том, что группы перманентно возникают, складываются и перестраиваются на основе культуры, религии, политических интересов и пр. [11, S. 7]. Особенность этих идентичностей — иллюзия того, что они основываются на чем-то «незыблемом». Любая критическая попытка внести конкретную ясность в любой постулат, провозглашаемой той или иной идентичностью, покажет его логическую несостоятельность. Однако коллективная идентичность всё время переосмысливается посредством символов, культурных артефактов и политических нарративов.

Таким образом, на место одной развенчанной наукой иллюзии почти сразу же возникнет другая, с помощью которой будет «обновлен» образ старой идентичности. Если же сделать это окажется невозможным, сгенерируется новый образ идентичности. Построение коллективной идентичности отвечает социальному стремлению каждого индивида к жизни в обществе, к «десингуляризации», преодолению своего одиночества [11, S. 14].

Глобализация ассоциируется с расширением и стиранием границ. В какой-то момент она, напротив, начинает устанавливать новые границы. В общественной сфере это ведет к ре-фигурации социальных пространств и границ. В связи с этим формируются новые коллективные идентичности, которые оказывают качественное воздействие на социальную реальность, в свою очередь также провоцируя переустройство или даже возникновение новых коллективных идентичностей. Поэтому, когда речь идет о проблеме коллективных идентичностей в эпоху глобализации, корректнее было бы говорить не о стремлении «старых» идентичностей к сохранению, а о генерировании «новых» коллективных идентичностей, которые будут искать в качестве своей основы некие «незыблемые» социо-исторические до-глобализационные основания.

Российскую ситуацию также характеризует новая диверсификация общества. С одной стороны, российское общество не существует в социальном вакууме. Наряду с другими обществами оно также встроено в мировые социальные процессы. С другой стороны, российское общество до сих пор переживает социальное переустройство, происходящее в связи с мощными социальными и политическими потрясениями, вызванными последствиями распада Советского Союза [1].

Одна из главных специфических черт коллективных идентичностей, бытующих в российских реалиях, заключается в том, что образ «незыблемого», представляющего первооснову для любой идентичности, выглядит недовершенным даже на уровне его

изображения в массовом сознании. Дело в том, что распад СССР, помимо серьезных экономических и политических последствий, также имел значительные социальные последствия. В данном случае речь не об идеологической деформации, а коренной перестройке образа коллективной идентичности. После того, как стало невозможно отождествлять себя с советским обществом, возникло социальное новообразование, которое мы можем назвать российской коллективной идентичностью. По сути, это нормальная реакция общества, направленная на оперативную борьбу с социальной «сингуляризацией». На месте старой уже нежизнеспособной идентичности обязательно должна была возникнуть новая идентичность. Одновременно при естественном столкновении с духовными последствиями глобализации в обществе рождаются алармистские настроения, страх утраты идентичности, выполняющей важную защитную функцию. При подобном социальном раскладе российская коллективная идентичность начинает выступать как гипертрофированная величина, когда ее интерпретируют, с одной стороны, как безусловную панацею ото всех социальных опасностей, а, с другой стороны, как воплощение исключительно маргинализаторских общественных тенденций.

Образ любой коллективной идентичности базируется на определенном наборе социальных мифов. В случае «развенчания» одного из этих мифов социально нормальным является то, что коллективная идентичность сразу же будет переформирована, что обеспечит ей обновление и дальнейшее социальное существование. Однако особенность российского конфликта коллективных идентичностей имеет, во-первых, внешнюю, во-вторых, внутреннюю стороны. Если внешняя сторона связана, прежде всего, с необратимыми глобализационными процессами и экономической перестройкой, затронувшей весь мир; то внутренняя сторона затрагивает сугубо внутривосточную ситуацию. Накладываются два фактора, один из которых состоит в многонациональном демографическом ландшафте России, делающим любые нарративы

о единой национальной идентичности провокационными. Второй фактор базируется на экономической ситуации в стране, где в роли экономически благоприятного центра выступает, главным образом, столица. Данная ситуация создает напряженную обстановку, напоминающую взаимодействие между населением «проигравших» и «успешных» регионов на мировом уровне. Разница лишь в том, что выстраивание границ коллективной идентичности населения остальных российских регионов потенциально может происходить на основании обособления от абстрактного образа космополитизированного обеспеченного столичного жителя.

Коллективная идентичность выполняет важную социальную функцию, заключающуюся в защите каждого индивида от личностной изолированности, создании у него ощущения принадлежности к коллективу. Особенностью современной ситуации является высокий уровень пластичности образа коллективной идентичности, а также перманентное изменение социальных мифов, лежащих в ее основе. В связи с этим в общественном сознании возникает иллюзия «исчезновения» или «размывания» коллективной идентичности, в то время, как полное ее исчезновение физически невозможно, так как без коллективной идентичности нереально само существование общества. Специфика российской ситуации заключается в том, что российская коллективная идентичности формируется под воздействием двух сил. Во-первых, это глобализация и последствия ее влияния. Во-вторых, российская коллективная идентичность также является социальным новообразованием, результатом политических, экономических и идеологических последствий формирования нового постсоветского общества. Не успевая сформироваться, новый образ коллективной идентичности оказывается в состоянии перманентного изменения, что, с одной стороны, абсолютно нормально с точки зрения мировой ситуации, но, с другой стороны, влечет за собой социальную тревожность и иллюзию окончательной потери коллективной идентичности.

Литература

1. Астафьева О.Н. Реструктуризация и демаркация коллективных идентичностей в условиях глобализации: будущее национально-культурной идентичности // Вопросы социальной теории. 2010. Т.IV. С.255 – 281.
2. Беркут В.П. Социально-философский анализ в методологии научного познания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 1. С. 14-23.
3. Леви-Стросс К. Раса и история // Электронная библиотека. ModernLib.Ru. [Электронный ресурс]. URL: http://modernlib.ru/books/levistross_klod/gasa_i_istoriya/read/ (дата обращения: 19.11.19)
4. Мухлынкина Ю.В. К вопросу формирования этнической идентичности // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2015. № 215 (5). С. 27-33.
5. Федотова Н.Н. Глобализация и изучение идентичности // Гуманитарные науки: теория и методология. 2011. №1. С.72 – 80.
6. Хабермас Ю. В поисках национальной идентичности. Философские и политические статьи. Донецк: Донбасс, 1999. 252 с.
7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 603 с.
8. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб.: Алетейя, 1998. 119 с.
9. Bade K.J. Von Unworten zu Untaten. Kulturängste, Populismus und politische Feindbilder in der deutschen Migrations- und Asyldebatte zwischen, 'Gastarbeiterfrage' und 'Flüchtlingskrise' // IMIS Beiträge 48/2016. S. 35–127.
10. Comaroff J.L., Comaroff J. Ethnicity, Inc. Chicago: University of Chicago Press, 2009. 234 p.
11. Delitz H. Kollektive Identitäten. Bielefeld: Transcript Verlag, 2018. 160 S.
12. Foroutan N. Die postmigrantische Gesellschaft. Ein Versprechen der pluralen Demokratie. Bielefeld: Transcript Verlag, 2019. 280 S.
13. Hall S. Der Westen und der Rest. // S. Hall. Rassismus und kulturelle Identität. Ausgewählte Schriften 2. Hamburg: Argument-Verlag, 1994. S.137 - 179.
14. Hannerz U. Transnational Connections. Culture, People, Places. London and New York: Routledge, 2000. 216 p.
15. Koppetsch C. Die Gesellschaft des Zorns. Rechtspopulismus im globalen Zeitalter. Bielefeld: Transcript Verlag, 2019. 288 S.
16. Malik K. Multikulturalismus ist gescheitert. Aber Homogenität und Assimilation sind keine Alternativen // Internationale Politik und Gesellschaft: Offizielle Homepage. URL: <https://www.ipg-journal.de/rubriken/soziale-demokratie/artikel/multikulturalismus-ist-gescheitert-834/> (дата обращения: 19.11.2019).
17. Merkel: "Multikulturalismus ist gescheitert" // ScienceFiles. Kritische Sozialwissenschaften: Offizielle Homepage. URL: <https://sciencefiles.org/2019/10/21/merkel-multikulturalismus-ist-gescheitert/> (дата обращения: 19.11.2019).
18. Scherle N. Kulturelle Geographien der Vielfalt.

Von der Macht der Differenzen zu einer Logik der Diversität. — Bielefeld: Transcript Verlag, 2016. — 296 S.

19. Vertovec S. Super-diversity and its implications // S. Vertovec. Anthropology of Migration and Multiculturalism. Routledge. 2010. p.1024-1054.

20. Wilk R. Home Cooking in the Global Village. Caribbean Food from Buccaneers to Ecotourists. Oxford: Bloomsbury Academic, 2006. 288 p.

Поступила 01.10.2019

Клепикова Любовь Владимировна — аспирант кафедры «Философия, социология и история», Российский университет транспорта (МИИТ), г. Москва, Россия, sevell1@rambler.ru

Абабилова Людмила Стефановна — кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия и культурология», Российский университет транспорта (МИИТ); miitphilcul@mail.ru

References

1. Astaf'eva O.N. Restrukturizacija i demarkacija kolektivnyh identichnostej v uslovijah globalizacii: budushhee nacional'no-kul'turnoj identichnosti // Voprosy social'noj teorii. 2010. T.IV. S.255 — 281.

2. Berkut V.P. Social'no-filosofskij analiz v metodologii nauchnogo poznaniya // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki. 2016. № 1. S. 14-23.

3. Levi-Stross K. Rasa i istoriya // Elektronnaja biblioteka. ModernLib.Ru. [Elektronnyj resurs]. URL: http://modernlib.ru/books/levistross_klod/rasa_i_istoriya/read/ (data obrashhenija: 19.11.19)

4. Muhlynkina Ju.V. K voprosu formirovaniya jetnicheskoj identichnosti // Nauchnyj vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta grazhdanskoj aviacii. 2015. № 215 (5). S. 27-33.

5. Fedotova N.N. Globalizacija i izučenie identichnosti // Gumanitarnye nauki: teorija i metodologija. 2011. №1. S.72 — 80.

6. Habermas Ju. V poiskah nacional'noj identichnosti. Filosofskie i političeskie stat'i. Doneck: Donbass, 1999. 252 s.

7. Hantington S. Stolknovenie civilizacij. M.: OOO «Izdatel'stvo AST», 2003. 603 s.

8. Hobsbaum Je. Nacii i nacionalizm posle 1780 g. SPb.: Aletejja, 1998. 119 s.

9. Bade K.J. Von Unworten zu Untaten. Kulturängste, Populismus und politische Feindbilder in der deutschen Migrations- und Asyldiskussion zwischen, 'Gastarbeiterfrage' und 'Flüchtlingskrise' // IMIS Beiträge 48/2016. S. 35—127.

10. Comaroff J.L., Comaroff J. Ethnicity, Inc. Chicago: University of Chicago Press, 2009. 234 p.

11. Delitz H. Kollektive Identitäten. Bielefeld: Transcript Verlag, 2018. 160 S.

12. Foroutan N. Die postmigrantische Gesellschaft. Ein Versprechen der pluralen Demokratie. Bielefeld: Transcript Verlag, 2019. 280 S.

13. Hall S. Der Westen und der Rest. // S. Hall.

Rassismus und kulturelle Identität. Ausgewählte Schriften 2. Hamburg: Argument-Verlag, 1994. S.137 - 179.

14. Hannerz U. Transnational Connections. Culture, People, Places. London and New York: Routledge, 2000. 216 p.

15. Koppetsch C. Die Gesellschaft des Zorns. Rechtspopulismus im globalen Zeitalter. Bielefeld: Transcript Verlag, 2019. 288 S.

16. Malik K. Multikulturalismus ist gescheitert. Aber Homogenität und Assimilation sind keine Alternativen // Internationale Politik und Gesellschaft: Offizielle Homepage. URL: <https://www.ipg-journal.de/rubriken/soziale-demokratie/artikel/multikulturalismus-ist-gescheitert-834/> (data obrashhenija: 19.11.2019).

17. Merkel: "Multikulturalismus ist gescheitert" // ScienceFiles. Kritische Sozialwissenschaften: Offizielle Homepage. URL: <https://sciencefiles.org/2019/10/21/merkel-multikulturalismus-ist-gescheitert/> (data obrashhenija: 19.11.2019).

18. Scherle N. Kulturelle Geographien der Vielfalt. Von der Macht der Differenzen zu einer Logik der Diversität. — Bielefeld: Transcript Verlag, 2016. — 296 S.

19. Vertovec S. Super-diversity and its implications // S. Vertovec. Anthropology of Migration and Multiculturalism. Routledge. 2010. p.1024-1054.

20. Wilk R. Home Cooking in the Global Village. Caribbean Food from Buccaneers to Ecotourists. Oxford: Bloomsbury Academic, 2006. 288 p.

Submitted 01.10.2019

Klepikova Liubov V., Postgraduate student, chair «Philosophy, sociology and history», Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia, sevell1@rambler.ru

Ababilova Lyudmila S., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the chair «Philosophy and cultural studies», Russian University of Transport (MIIT); miitphilcul@mail.ru

Влияние визуальных технологий на формирование гендерной идентичности в советской и постсоветской России

The Influence of Visual Technologies on the Formation of Gender Identity in Soviet and Post-Soviet Russia

Н. П. Кнэхт

N. P. Knekht

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

nataknekht@gmail.com

Затрагивается проблема выбора методологии и языка описания в исследовании гендерных отношений. Представлены основные подходы к ее разрешению. Анализируется гендерная система советской и постсоветской России путем рассмотрения форм ее отражения в визуальной информации, сохранившейся с советских времен и производимой сегодня. Приводится периодизация истории трансформации гендерных отношений в России. Утверждается, что процесс конструирования гендера не завершен и продолжается сегодня с привлечением современных технологий производства и распространения визуальной информации.

Ключевые слова: гендерная идентичность; политика репрезентации гендера; визуальные технологии; динамика изображения; фотоиллюстрация; советская женщина; гендерный праздник.

The author proceeds from the fact that the construction of gender continues to take place today thanks to various technologies: cinema, art of photography, performances, and satellite channels. The main purpose of the paper is to show what institutional discourses are behind the technologies of gender construction, how the government is able to control the area of social meanings and thereby produce, develop and “implant” gender representations. The author tries to compare narrative texts (rudimentary narrative) and visual sources (visual artifacts) of Soviet and post-Soviet Russia and to show the following: how the visual image of the era is formed; how public space invades into the sphere of the private through posters, postcards, magazine photos, movies, media, and how it affects the formation of gender identity.

Keywords: gender identity; gender representation policy; visual technologies; image dynamics; photographic illustration; Soviet woman; gender related celebration.

Гендерная проблематика в политической, экономической или исторической науках, социологии, философии или антропологии относительно легко включается в соответствующие контексты российских культурных реалий. Тогда как

задачи реализации художественных практик и их осмысления, «политики репрезентации» гендера, исследования влияния образов фотографии, кино, телевидения, СМИ (новостных и развлекательных программ, рекламы) на становление гендерной

идентичности не ощущаются в современной России как ясные и актуальные. Возможно, это связано с тем, что исконно русская традиция (прежде всего литературная) не усматривала в женщине ничего, кроме проекции мужчины, не оставляла места для «практики самосознания». Вместе с тем конструирование гендера продолжает происходить сегодня благодаря различным технологиям: кинематографу, искусству фотографии, перформансам, сценариям «гиперреальных» условностей телевидения, спутниковым каналам. Мы попытаемся показать, какие институциональные дискурсы (теории) стоят за технологиями конструирования гендера, как они способны контролировать область социальных смыслов и тем самым производить, развивать и «имплантировать» репрезентации гендера.

Основные подходы и проблема выбора методологии и языка описания в исследовании гендерных отношений. Анализ состояния современных исследований гендерной (и шире — всей социальной и культурной) проблематики показывает, что идет поиск нового, адекватного языка. Его пока нет, однако он может появиться, но не искусственным путем, а спонтанно, через укоренение уже сложившихся метафор. Тема языка, его метафоры — одна из основополагающих для описания усложняющейся социальной реальности, так как именно через язык (к примеру, в текстах, сериалах, рекламных роликах и пр.) можно видеть то, что скрывается за внешней благопристойностью официальной идеологии.

Попытаемся выделить некоторые риторические стратегии выражения повседневного опыта, свидетельствующего о гендерной идентичности как мужчин, так и женщин.

Первый подход — это так называемый первоначальный «зачаточный нарратив», который опирается на повествование на основе личного опыта, первичной интуиции, строится на перечислении, во многом тавтологичном, элементов структуры по принципу: гендерная идентичность — это *A, B, C* и т. д. Описание идет на обыденном

языке, связанном с простым переписыванием, в него можно включить всё. Этот язык не является контингентным, так как за ним не видна структура: он не объясняет, каким образом связаны перечисленные элементы.

Второй подход можно назвать «синтагматическое смещение». Он строится по принципу: на гендерную идентичность оказывает влияние не только *A, B, C, D*, но и (главное) *X* (т. е. еще что-то). И исследовать нужно именно *X* — это что-то, этот дополнительный элемент, так как в данных условиях он является определяющим. Например, в случае «урбанистического нарратива» на формирование гендерной идентичности будут влиять не только городская среда, городские сообщества, «зеленые зоны», запахи, звуки, но и, главное, окружающие нас образы медийного города, то, что мы видим в социальных сетях. Однако «урбанистический нарратив», построенный по принципу синтагматического смещения, не преодолевает разрыва с обыденным смыслом. Он не отвечает на вопрос, каким образом, в какой матрице концептов это все связано. Его задача — обратить внимание на *X*.

Третий подход можно назвать «парадигматический сдвиг». Его нарратив построен по принципу: на формирование гендерной идентичности оказывает влияние не *A*, не *B*, не *C* и не *D*, а именно *X*. Иными словами, вводится новый оператор, главная функция которого — обратить внимание на разрыв с языком здравого смысла и ограничить перечисление. Если задача синтагматического смещения — сделать исследование интересным, то задача парадигматического сдвига — сделать его научным. Иначе говоря, найти язык концептуального описания, который позволял бы во внятной сетке парадигмальных категорий «схватить» новую социальную реальность. Это проблема перевода на язык научной теории, с тем чтобы осуществить операциональный парадигматический сдвиг (каждый индикатор привязать к концепту), провести эмпирическое исследование и затем построить научное объяснение.

Речь идет о разных типах языков. Есть язык самоописания, идущий от самого объекта, — его можно назвать языком идеологий, на нем власть принимает решения и оправдывает их, опираясь на язык синтагматического смещения. И есть язык парадигмального сдвига, вскрывающий ключевые метафоры, переводящий их в концепты и дающий объяснение. Эти языки сталкиваются, и какой победит, на таком и будут приниматься значимые политические решения. В данном случае история гендера — это история языков, которые его сформировали. Язык новой метафорики связан с медиализацией пространства и времени, с новой знаковой средой. Безусловно, существуют классовые различия, социальная дифференциация, гендерное неравенство. Это результат исторически сложившихся социальных отношений, воспроизводимых в социальной практике, а язык — слепок социальных отношений. Вместе с тем существуют и ключевые метафоры, то, что использует власть, принимая решения. За ними стоят своя идеология, свои побудительные мотивы, т. е. определенный онтологический пласт — социальные интересы, практики, диспозиции. Нужна новая мощная концептуализация, которая объясняла бы, как связаны пространство действия и язык, как складывается метафорика, оптика и общие коды, разделяемые людьми.

Гендерная система Советской и постсоветской России в зеркале продуктов визуальных технологий. Характер социальных взаимодействий в современном обществе во многом определяется той визуальной информацией, которая неявно воздействует на массовое сознание и выступает по отношению к нему своеобразным социальным конструктом, что дает повод говорить о «взрыве цивилизации образов» [1].

В исследованиях по истории и социологии повседневности, в анализе автобиографий как женщин, так и мужчин постепенно складывается новый методологический вектор — отказ от текстоцентричности, включение визуального материала наряду с повествовательным нарративом и на равных правах с ним.

Попытаемся сопоставить повествовательные тексты (зачаточный нарратив) и визуальные источники (визуальные артефакты) советской и постсоветской России и показать, как складывается визуальный образ эпохи, как публичное пространство вторгается в сферу частного через плакаты, открытки, журнальные фотографии, кино и СМИ и как это влияет на формирование гендерной идентичности.

Проблема заключается в самой возможности исследовать самое эфемерное — визуальную риторику власти. Задача исследователя — раскрыть, как с помощью монтажа и других приемов достигается необходимый пропагандистский эффект.

Современные российские и зарубежные социологи повседневности выделяют в истории трансформации гендерных отношений в России четыре периода, начиная с советского (1917—1991) и заканчивая современностью (1991—2007) [2, с. 54—94; 3; 4; 5; 6].

Анализируя положение женщины в СССР (1917—1991), многие исследователи опираются на понятие «гендерный порядок». Это определенные исторически сформированные модели властных отношений между мужчинами и женщинами, которые закрепляются и воспроизводятся в обществе на всех уровнях: институциональном, идеологическом, символическом и повседневном [7, с. 99—99].

Как отмечает Н. Л. Пушкарева в исследовании «Гендерная система Советской России и судьбы россиянок», именно государство как социальный институт через политику принуждения определяло и закрепляло гендерные роли. Так было не только в Советской России: государство и в постсоветский период остается «главным агентом контроля гендерных отношений» [8].

Проект формирования нового человека как труженика и политически активного деятеля с самых первых дней установления советской власти предполагал беспрецедентное освобождение женщины.

В рамках первого периода, «большевистского» (1917—1920 гг.), женский вопрос решался посредством политической

мобилизации женщин. Они считались отсталым элементом, так как находились под гнетом патриархальной семьи и частной жизни. Нужно было «повысить активность женщин в борьбе рабочего класса за социализм» [9]. Для их «политического просвещения» были созданы органы общественной самодеятельности (женсоветы). Отделы по работе среди женщин, учрежденные при комитетах ВКП(б) (женотделы) сыграли огромную роль в формировании «коммунистической сознательности» большинства женщин. Однако они отодвигали на второй план защиту собственно женских интересов в современном понимании [5], не придавали им никакого значения. Характерные лозунги на плакатах того времени: «Раскрепощенная женщина, строй социализм!», «Женщина! Грамотность — залог твоего раскрепощения!», «Долой кухонное рабство. Даешь новый быт!», «Под красный стяг, в ряды с мужчиной! — Буржуазии страх несем!», «Ударницы заводов и совхозов, вступайте в ряды ВКП!», «Работницы и крестьянки! Все на выборы!».

Может показаться, что «отделение кухни от брака» (Коллонтай) было великой реформой, что государство опекало и защищало «мобилизованную труженицу» и «мобилизованную мать» и именно заботой о ней продиктовано принятое в 1921 г. решение сделать 8 Марта государственным праздником [10]. Но на деле государство рассматривало потенциал организованных и сознательных женщин как инструмент упрочения сложившегося политического порядка. Постепенно происходила подмена смысла женского праздника: он утрачивал значение дня солидарности женщин в борьбе с гендерной дискриминацией, независимо от их социальной принадлежности, и становился четко ориентированным на классовую борьбу.

Это нашло отражение и в политических плакатах того времени: на них женский день назывался днем солидарности «женщин-тружениц» и «пролетарок».

Однако, как замечает О. Кись, на самом деле в основании была скрыта интенция на уравнивание женщин с мужчинами, на устранение различия между полами, но не путем настоящего освобождения женщины при сохранении гендерной идентичности, а путем «дотягивания» ее до идеального человека — мужчины-работника¹.

Государство мобилизовало женщин, вовлекало в строительство нового строя и новой экономики, что, возможно, повлияло на несколько идеализированный характер советской историографии в отношении понимания эмансипации женского населения [11]. С одной стороны, нельзя не признать небывалый рост грамотности и образованности среди женщин, освобождение от вековой патриархальной зависимости, но с другой стороны, женщина-мать превращалась в трудовую единицу, что закреплялось неоспоримым гендерным контрактом со стороны государства.

С конца 1920-х до середины 1950-х гг. складывалась концепция, под эгидой которой предпринималась попытка создания бесполого «советского человека». Как доказывают Е. А. Здравомыслова и А. А. Темкина в исследовании [12], в этот период почти безраздельно господствовал установленный государством этакратический контракт «работающая мать» [12, с. 303]. Он заставлял женщину нести «тройную нагрузку»: в семье, в быту и на производстве [13]. Эта жесткая экономическая мобилизация женщин отражена в понятии «тоталитарная андрогиния»: клише «советский человек» в скрытой форме предполагало сексизм [14].

Выполнение первых пятилетних планов индустриализации страны предполагало вовлечение всего населения в общественное производство, и по решению партии женщины стали овладевать мужскими профессиями. Появились трактористки, летчицы, женщины — водители трамваев и грузовиков, машинисты подъемных кранов — новые профессии требовали новых качеств. Так происходило вовлечение прекрасного

¹ Кись О. Украденный праздник: исторические трансформации смысла 8 марта // Зеркало недели. Украина: [электронный ресурс]. 2013. № 9: 6—15 марта. URL: http://gazeta.zn.ua/socium/ukradennyy-prazdnik-istoricheskie-transformacii-smysla-8-marta-_.html (дата обращения: 20.08.2019).

пола в сферу неженского труда [15, с. 258]. Типичные лозунги на плакатах и открытках тех лет: «Женщина-пролетарка! Овладевай авиационной техникой. Иди в школы, техникумы, втузы гражданского воздушного флота!», «Хлеб — Родине!»; на плакате с лозунгом «Убрать урожай до единого зерна!» изображены женщины трех возрастов — от пионерки до пенсионерки.

На службу советской пропаганды нового гендерного порядка был поставлен абстрактный язык авангарда. В качестве иллюстративного средства использовались возможности фотомонтажа, основанного на применении ярко выраженного «геометрического рисунка» (все элементы изображения образуют геометрические фигуры). Сильный эмоциональный пропагандистский эффект создавался властью цветов на открытках и плакатах.

Под влиянием А. Родченко в практику многих фотографов вошли острые и неприличные ракурсы съемки; композиции часто строились диагонально, в них совмещались разные проекции одного объекта, показанные сверху вниз или снизу вверх. Результаты подобных изысканий внедрялись в повседневную репортерскую работу, публикации таких фотографий в книгах и журналах приучали читателя к возможности нового, свежего, парадоксального взгляда на мир. На плакатах и открытках панорамы перебивались крупными планами, камера выхватывала из общей картины выразительные детали. Изображения чередовались с текстом в шахматном порядке, что усиливало динамику изображения. Фотографии на плакатах и открытках приобретали символический, а не буквальный смысл. Новаторы 1920-х гг. использовали прием соединения в одной композиции фрагментов разных снимков. Это позволяло создавать емкие и парадоксальные визуальные метафоры, рождать неожиданные ассоциации. Лидеры конструктивизма в оформительской практике эксплуатировали самые простые и эффектные приемы: многократное повторение одного и того же изображения, гротескное сочетание разномасштабных

объектов. Техника фотомонтажа позволила наглядно материализовать нужную политическую метафору, придать умоглядному образу черты реальности.

Фотокадры включались в образную структуру на равных правах с другими изобразительными элементами: наборными композициями, сатирическими набросками, фрагментами чертежей. Некоторые кадры тонировались красным цветом, что позволяло расставлять дополнительные смысловые и эмоциональные акценты. Фотографии активно взаимодействовали со шрифтом. Такое виртуозное полиграфическое воплощение сложного замысла роднит его с искусством декламации: буквы чутко реагировали на малейшие колебания поэтической интонации изменением размера и окраски. При необходимости отдельные строки располагались диагонально и даже приобретали волнообразную форму.

В результате этих манипуляций изображение наполнялось подлинной патетикой, становилось одним из самых ярких художественных документов своего времени. Использование фотоиллюстраций было полностью оправдано собирательным характером героя: социальный типаж был намного важнее индивидуального характера. Демонстрация, а не декларация (показ, а не рассказ) того, как женщина преобразуется из темного и забитого существа в сознательную, социально активную личность, создавала сильный пропагандистский эффект. Помимо этого, воздействие фотографий усиливалось общим полиграфическим решением: на плакатах рушились серые прямоугольники текста, их пересекали стрелки, призывавшие: «Смотри сюда! Сравни эти цифры!» Главную, ключевую формулу увеличивали до гигантских размеров, печатали яркой красной краской. Кроме того, широко применялись типографские линейки, подчеркивавшие ключевые фразы, отделявшие текст от изображения. Все это придавало фотоизображениям дополнительную остроту и динамику.

1930-е гг. ознаменованы возвращением традиционных семейных норм.

Коммунальные квартиры стали символами повседневного контроля частной сферы, повлияли на модели брачных отношений. Потребовалось восстановление традиционных семейных ценностей и разделение гендерных ролей, и началось прославление статуса жены как верной помощницы мужа, опоры семьи и государства [8]. За этим немедленно последовала смена лозунгов на одобряющие гендерное различие. Изображения женщин на открытках, журнальных фотографиях, плакатах стали более женственными: это образы заботливой, верной и любящей жены и матери. За мужчиной, напротив, закрепился образ мужественного защитника Отечества. Эта тенденция к поляризации гендерных ролей «настоящего мужчины» и «настоящей женщины» сохранялась в государственной гендерной идеологии до последних лет существования СССР.

На плакатах и открытках этого времени авангардистские эксперименты уступили место натуралистической описательной реальности фотографии. Иллюстрации стали более традиционными по форме и однозначными по содержанию. От композиций, построенных на сложных ассоциативных связях и сюрреалистических принципах сочетания несоединимых вещей, художники постепенно перешли к буквальному иллюстрированию политических метафор. На рубеже 1920—1930-х гг. они увлеклись созданием выразительных снимков, проблемой их размещения в журнале. Анализируя сегодня эти документы, можно увидеть, с какой легкостью жизнь реального человека приносилась в жертву пропагандистским мифам, и сделать вывод: к «документальным», в том числе и фотографическим, свидетельствам тоталитарной эпохи следует относиться с осторожностью.

Период с середины 1950-х гг. до начала перестройки характеризуется политической либерализацией в отношении гендерной политики. Несмотря на регулярный контроль над женской занятостью, государство смягчило социальную политику в отношении семьи и женщин. Однако именно с приходом

политической «оттепели» окончательно оформился гендерный режим, при котором сложился образ «идеальной советской женщины» [16; 17]. Это женщина, ориентированная прежде всего на семью и материнство, но вместе с тем работающая на советских предприятиях и в учреждениях. В советской пропаганде использовался образ «свободной советской женщины». На поздравительных открытках по случаю 8 Марта и плакатах начала 1960-х гг. изображены улыбающиеся женщины и рядом с ними счастливые дети. На плакатах и журнальных фотографиях мы видим представительниц разных рас и национальностей, демонстрирующих свою солидарность в борьбе за мир во всем мире и пропагандирующих преимущество социалистического порядка. Распространенный лозунг тех лет: «Советские женщины — самые счастливые женщины в мире!» — отражал еще и политическую ситуацию периода холодной войны. Культивировалась традиция в день 8 Марта дарить женщинам цветы и подарки, в прессе и по телевидению рассказывать о матерях-героинях. Существенно изменились дизайн и стиль поздравительных открыток и плакатов. Исчезли изображения суровых женщин-тружениц и заботливых матерей-героинь, на первый план выступил образ беззаботной девушки. Этот образ задал новую модель представлений о моде, косметике, поведении для советских представительниц прекрасной половины человечества.

Однако возникла проблема построения соответствующего образа идеального советского мужчины. Наряду с критикой процесса феминизации мужчин [18; 19] был выдвинут либеральный лозунг «Берегите мужчин!»². Симптоматично, что в это время к мужчине начали относиться как к жертве социальной модернизации. Утверждалось, что мужчин нужно жалеть и что сделать это может только женщина, взяв на себя всю ответственность за здоровый образ жизни, правильное воспитание детей и создание комфортных условий для мужа и семьи.

² Урланис Б. Ц. Берегите мужчин! // Литературная газета. 1968. 24 июля.

На визуальном уровне с поздравительных открыток, приуроченных ко дню 8 Марта, исчезли какие-либо упоминания о женщинах — и в изображениях, и в тексте. Взамен появились сказочные персонажи, игрушки и животные, весенние цветы, пейзажи пробуждающейся природы. Этот изобразительный ряд лишь отдаленно, слабо намекал на юность, нежность и женственность³.

В это время кинематограф принял на себя функцию основного поставщика образов героев и героинь, не только отражавших сложившийся гендерный порядок (в этих образах люди узнавали себя), но и задававших новые желаемые гендерные роли, которые можно принять за образец и следовать им.

Образ советской женщины заметно эволюционировал еще в послевоенном кинематографе. Был снят ряд мелодраматических кинолент: «Женщины», «Старые стены», «Сладкая женщина», «Странная женщина», «Москва слезам не верит» — и один из первых телесериалов, «Ольга Сергеевна». Далее приводятся фрагменты анонсов этих фильмов в популярном журнале того времени «Советский экран» и на виртуальном информационном портале «КиноПоиск»⁴.

«В сюжете фильма судьбы трех русских женщин, которые прошли тяжелый жизненный путь. Еще в юном возрасте, в военное время, они попадают на фабрику, где начинают тяжелую трудовую деятельность. У каждой случаются и горести, и радости, появляются надежды и разочарования» («Женщины», 1965, реж. П. Любимов).

«Директор подмосковной ткацкой фабрики Анна Смирнова, бескорыстно посвятившая себя организации производства, встречает на склоне лет мужчину и безуспешно пытается уйти от неожиданной любви...» («Старые стены», 1973, реж. В. Трегубович).

«Женя мечтала не столько о любви, сколько о сильных и открытых чувствах. Адвокат по профессии, она оставила семью, сына и, приехав в провинциальный городок, посвятила себя работе и людям,

которые нуждались в ее защите. Потом появился человек, который не мог без нее жить» («Странная женщина», 1977, реж. Ю. Райзман).

«Молоденькой девчонкой приехала героиня фильма в Москву — учиться, работать и, конечно, искать свое счастье. Прошло двадцать лет. Катерина многого добилась в жизни: она директор крупного предприятия, депутат Моссовета, уважаемый человек, мать восемнадцатилетней дочери. И все же по-настоящему счастливой она себя почувствовала, только когда в ее жизнь вошел Гоша — любящий и любимый ею человек...» («Москва слезам не верит», 1979, реж. В. Меньшов).

«Телесериал рассказывает историю удивительно талантливой женщины — океанолога Ольги Сергеевны. Всю свою сознательную жизнь Ольга была влюблена в человека, который так и не смог ответить ей взаимностью. Несмотря на карьерный успех, красоту и духовное богатство, главная героиня фильма так и не смогла найти свое счастье. <...> Упорство, терпение и труд позволили Ольге стать крупным ученым-океанологом и получить признание общественности. А ведь она ждала от жизни несколько другого — устроить семейную жизнь с любимым человеком» («Ольга Сергеевна», 1975 (1 сезон), реж. А. Прошкин).

Все эти анонсы объединяет общая черта: утверждение, что несмотря на профессиональный успех, карьерный рост и общественное признание, настоящее женское счастье можно обрести только в семье, с любимым мужчиной, которому женщина готова подчиниться. Даже если женщина добивается выдающихся результатов в науке, ее деятельность оценивает мужчина, роль лидера остается за ним. В подтверждение приведем примеры диалогов из упомянутого сериала.

Реплика заведующего лабораторией: «Как хорошо физикам. У них совсем нет женщин. У нас — проклятая “бабская” наука: обязательно найдется нечто, что женщина предпочтет истине. <...> Вам хочется

³ Кись О. Украденный праздник.

⁴ <http://www.kinopoisk.ru/top/lists/>

любить? — Перестаньте быть руководителем!»

Реплика директора института: «...Никогда не имейте дела с дамами! Женщины, как дети. <...> В самый важный момент они вам заявляют: “Я с вами больше не играю!”».

Реплика коллеги-ученого, который, используя научное открытие Ольги Сергеевны, опередил ее в апробации результатов: «Вы красивы. <...> Как вы с такой внешностью существуете в науке? Старейте! Старейте как можно скорее, и вы много добьетесь!»

В новом веке в России сохраняется господствующее положение андроцентричного образа науки и ученого, философа. Определение самой науки носит фаллоцентричный характер, использует атрибуты, которые считаются маскулинными. Традиционно к ним относят критерии объективности, рациональности, строгости, свободы от ценностного влияния. Главное — маскулинным остается сам характер производства знания, внедрение в структуру знаний о мире системы господства и подчинения, воспроизводящей гендерную асимметрию, воздействующей на содержание, смысл и применение знания.

Трансформации гендерных отношений в России в перестроечный и постперестроечный периоды совпадают с политическими и экономическими реформами (начиная с середины 1980-х гг.). Старый гендерный порядок сосуществует с новым традиционализмом в публичной и официальной сферах. Гендерные роли дополняют друг друга. В эпоху Интернета тотальный контроль над жизнью граждан приобретает новые формы. Возникают новые практики повседневности. Среди них есть как модели, ориентированные на неотрадиционализм, так и феминистские проекты реформирования прежней гендерной композиции [8, с. 22]. Действующий гендерный порядок наследует некоторые черты позднесоветского периода, при этом часть процессов являются общими и для России, и для всей Европы.

В постперестроечной России сохраняется традиция отмечать два гендерных праздника: 23 Февраля и 8 Марта (эти дни

официально объявлены нерабочими). Через ритуал празднования «мужского» — Дня защитника Отечества — и «женского» — праздника «весны, вечной женственности и любви» — закрепляются и воспроизводятся гендерные стереотипы. На одной из открыток последних лет, разосланной потенциальным избирателям накануне праздника, совмещены два изображения: на лицевой стороне традиционный рисунок первых нежных весенних цветов с надписью «8 Марта», а на обороте — фотография семьи депутата областной Думы Томской области. На ней на первом плане запечатлен мужчина в свитере — простой демократичной одежде, подчеркивающей социальный статус выходца из народа. Из-за его широкой спины (он — надежда и опора) выглядывает улыбающаяся женщина с младенцем (образ счастливого материнства под покровительством уверенного, статного мужа). Этот визуальный ряд корреспондирует с идеологией возврата к традиционным семейным ценностям, где женщинам отводится подчиненная роль, которую они, впрочем, добровольно принимают.

Кроме того, до последнего времени в общественном сознании продолжает бытовать миф о женщине, рожденный в Советском Союзе. На наш взгляд, подтверждаемый приведенными выше фактами, под прикрытием этого мифа власть использовала женщину как национализированный продукт и объект насилия. При этом, привлекая визуальные технологии, власть формировала определенный гендерный порядок, лишь декларируя всеобщую любовь и уважение женских прав. По справедливому замечанию Л. Бредихиной, до сих пор «равноправие» с мужчиной имеет привкус отождествления с ним, а также с насильником следующего порядка — государством [20].

Возможно, этим объясняется культурная гибридность современного российского телевидения [21]. Формируется комплекс новых мифологий, связанных с версией «позитивной» идентичности россиян. Успешность телевизионных программ связывается с их способностью адресоваться как можно

более широкой аудитории, отвечать на запрос об «общих ценностях». Стали актуальными гибридные формы, отсылающие аудиторию к советскому прошлому. В современных телевизионных проектах (в том числе женских), таких как «Дом-2», «Едим дома», «Модный приговор», «Я сама», «Женский взгляд», «Жена. История любви», зрителям предоставляется возможность совершить экскурс в изобретенное и желанное «вчера». Через доверительный рассказ и соответствующий визуальный ряд представляются «живые картины» советской истории. Сегодня есть спрос на «советский позитив». Российским телезрителям предлагают вспомнить о счастливой, хотя и трудной жизни в СССР, когда деньги не имели определяющего значения. К такому выводу приходит В. В. Зверева: «...Коды советской культуры <...> призваны транслировать не столько ностальгию, но аутентичность (“верность себе”) <...> как ресурс символов, которые могли бы объединить людей на основе общей памяти» [21, с. 178].

На самом деле проблема лежит глубже гендерных различий, а именно в том, что существующие сегодня теоретические конструкты непригодны для объяснения усложняющейся реальности и неадекватны при обращении к различным регистрам и уровням жизненного опыта. Современное искусство (фотография, кино, телевидение, реклама) не запрашивает аксиом и теорем, ибо не может существовать без личной вовлеченности и экзистенциально пережитого опыта как мужчин, так и женщин. Именно поэтому оно может выступать мощным ресурсом для будущих исследований: анализа производства и формирования гендерных порядков (через механизм и технологии «мягкого» насилия) и добровольного усвоения гендерных образцов (через практики мимесиса).

Литература

1. **Захарова Н. Ю.** Визуальная социология: фотография как объект социологического анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. 11 № 1. С. 147—161.
2. **Lapidus G. W.** Women in Soviet Society: Equality, Development and Social Change. Berkeley: University of California Press, 1978. X, 381 p.
3. **Blekher F.** The Soviet Woman in the Family and in Society. N. Y.; Toronto: John Wiley & Sons, 1979. IX, 234 p.
4. **Buckley M.** Women and Ideology in the Soviet Union. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1989. 266 p.
5. **Attwood L.** The New Soviet Man and Woman: Sex-Role Socialization in the USSR. Bloomington: Indiana University Press, 1990. 263 p.
6. Российский гендерный порядок: социологический подход / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2007. 305 с.: ил., табл.
7. **Connell R. W.** Gender and Power. Society, the Person, and Sexual Politics. N. Y.: Stanford University Press, 1987. 352 p.
8. **Пушкарева Н. Л.** Гендерная система Советской России и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. 2012. № 5 (117). С. 8—23.
9. **Смидович С.** Очередные задачи женотделов // Коммунистка. 1922. № 2. С. 32—37.
10. **Градскова Ю.** «Обычная» советская женщина — обзор описаний идентичности. М.: Компания Спутник+, 1999. 158 с.
11. Women in the Stalin Era / M. Ilić (Ed.). London: Palgrave Macmillan UK, 2001. XIII, 256 p. (Studies in Russian and East European History and Society). <https://doi.org/10.1057/9780230523425>
12. **Здравомыслова Е. А., Темкина А. А.** Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1 № 3-4. С. 299—321.
13. **Goldman W. Z.** Women, the State and Revolution. Soviet Family Policy and Social Life, 1917—1936. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 368 p.
14. **Кон И. С.** Сексуальная культура в России: «клубничка» на березке. М.: Объед. гуманит. о-во, 1997. 459 с.: ил.
15. Всесоюзное совещание жен хозяйственников и инженерно-технических работников тяжелой промышленности. Стенографический отчет. 10—12 мая 1936 г. М.: Партиздат, 1936. 271 с., 11 л. ил., портр.
16. **Харчев А. Г., Голод С. И.** Профессиональная работа женщин и семья (Социол. исследование). Л.: Наука, 1971. 176 с.
17. О женщинах — забота особая: Сб. статей. М.: Московский рабочий, 1981. 144 с.
18. Семья и социальная структура: [сб. ст.] / Отв. ред. М. С. Мацковский. М.: ИСИ АН СССР, 1987. 179 с.
19. **Гурко Т.** Социология пола и гендерных отношений // Социология в России / Под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998. С. 173—195.
20. **Бредихина Л. М.** О некоторых причинах идеологических напряжений. Предисловие // Гендерная теория и искусство: антология: 1970—2000 / Пер. с англ.; под ред. Л. М. Бредихиной, К. Дипуэлл. М.: РОССПЭН, 2005. С. 9.

21. Зверева В. В. «Новые русские» сериалы // Медиакультура новой России: методология, технологии, практики / Отв. ред. Н. Б. Кириллова и др. Т. 2. Екатеринбург; М.: Академический проект, 2007. С. 166—181.

Поступила после доработки 20.08.2019

Кнэхт Наталья Петровна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, социологии и политологии Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), nataeknekt@gmail.com

References

1. Zakharova N. Yu. Vizual'naya sotsiologiya: fotografiya kak ob'ekt sotsiologicheskogo analiza (Visual Sociology: Photography as an Object of Sociological Analysis), *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, 2008, T. 11 No. 1, pp. 147—161.
2. Lapidus G. W. *Women in Soviet Society: Equality, Development and Social Change*. Berkeley, University of California Press, 1978, x, 381 p.
3. Blekher F. *The Soviet Woman in the Family and in Society*. N. Y., Toronto, John Wiley & Sons, 1979, ix, 234 p.
4. Buckley M. *Women and Ideology in the Soviet Union*. Ann Arbor, University of Michigan Press, 1989, 266 p.
5. Attwood L. *The New Soviet Man and Woman: Sex-Role Socialization in the USSR*. Bloomington, Indiana University Press, 1990, 263 p.
6. Rossiiskii gendernyi poryadok: sotsiologicheskii podkhod (Russian Gender Order: Sociological Approach), Pod red. E. Zdravomyslovoi, A. Temkinoi, SPb., Evropeiskii un-t v Sankt-Peterburge, 2007, 305 p., il., tabl.
7. Connell R. W. *Gender and Power. Society, the Person, and Sexual Politics*. N. Y., Stanford University Press, 1987, 352 p.
8. Pushkareva N. L. Gendernaya sistema Sovetskoi Rossii i sud'by rossiyanok (Gender System of Soviet Russia and Russian Women Destinies), *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2012, No. 5 (117), pp. 8—23.
9. Smidovich S. Ocherednye zadachi zhenotdelov (Immediate Tasks of Women's Sections), *Kommunistka*, 1922, No. 2, pp. 32—37.
10. Gradska Yu. "Obychnaya" sovetskaya zhenshchina — obzor opisaniy identichnosti ("Ordinary" Soviet Woman — a Review of Identity Descriptions), M., Kompaniya Sputnik+, 1999, 158 p.
11. Ilić M. (ed.). *Women in the Stalin Era*. London, Palgrave Macmillan UK, 2001, xiii, 256 p., Studies in Russian and East European History and Society, <https://doi.org/10.1057/9780230523425>
12. Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. Gosudarstvennoe konstruirovaniye gendera v sovetskom obshchestve (The Public Construction of Gender in Soviet Society), *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*, 2003, T. 1 No. 3-4, pp. 299—321.
13. Goldman W. Z. *Women, the State and Revolution. Soviet Family Policy and Social Life, 1917—1936*. Cambridge, Cambridge University Press, 1993, 368 p.

14. Kon I. S. Seksual'naya kul'tura v Rossii: "klub-nichka" na berezke (Sex Culture in Russia: "Cheesecake" on a Little Birch), M., Ob"ed. gumanit. o-vo, 1997, 459 p., il.

15. Vsesoyuznoe soveshchanie zhen khozyaistvennikov i inzhenerno-tekhnicheskikh rabotnikov tyazheloi promyshlennosti. Stenograficheskiy otchet. 10—12 maya 1936 g. (All-Soviet Union Meeting of Wives of Economic Persons and Engineering Staff Workers of Heavy Industry. Verbatim Report. May 10-12, 1936), M., Partizdat, 1936, 271 p., 11 l. il., portr.

16. Kharchev A. G., Golod S. I. Professional'naya rabota zhenshchin i sem'ya (Sotsiol. issledovanie) (Women's Professional Work and Family (Social Research)), L., Nauka, 1971, 176 p.

17. O zhenshchinakh — zabota osobaya, Sb. Statei (For Women There is Special Care, a Collection of Papers), M., Moskovskii rabochii, 1981, 144 p.

18. Sem'ya i sotsial'naya struktura, sb. st. (Family and Social Culture, a Collection of Papers), Otв. red. M. S. Matskovskii, M., ISI AN SSSR, 1987, 179 p.

19. Gurko T. Sotsiologiya pola i gendernykh otnoshenii (Sociology of Sex and Gender Relations), *Sotsiologiya v Rossii*, Pod red. V. A. Yadova, 2-e izd., pererab. i dop., M., Izd-vo In-ta sotsiologii RAN, 1998, pp. 173—195.

20. Bredikhina L. M. O nekotorykh prichinakh ideologicheskikh napryazhenii. Predislovie (On Some Causes of Ideological Tensions. Foreword), *The Gender, Theory and Art Anthology: 1970—2000*, Per. s angl., pod red. L. M. Bredikhinoi, K. Deepwell, M., ROSSPEN, 2005, p. 9.

21. Zvereva V. V. "Novye russkie" seriyaly ("New Russian" TV Series), *Mediakul'tura novoi Rossii: metodologiya, tekhnologii, praktiki*, Otв. red. N. B. Kirillova i dr., T. 2, Ekaterinburg, M., Akademicheskii proekt, 2007, pp. 166—181.

Submitted after updating 20.08.2019

Knekht Natalia P., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, associate professor of Philosophy, Sociology and Politology Department, National Research University of Electronic Technology (1, Shokin sq., Zelenograd, Moscow. 124498, Russia), nataeknekt@gmail.com

Дизайн в образовательных технологиях философского знания

Design in educational technologies of philosophical knowledge

С. А. Михайлина, А. Д. Ханина

S. A. Mikhailina, A.D. Khanina

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

mikhaylina_s@mail.ru

Выявляются особенности коммуникативного дизайна как способа интеграции знания в акте художественного представления существенных связей и закономерностей. Утверждается, что использование визуальных форм в философии фиксирует внимание студентов на диалектической взаимосвязи, системности идеальных объектов. Выявляются особенности коммуникативного дизайна и инфографике, которые влияют на вовлеченность в процесс познания. Указывается, что визуально-семантическое кодирование знания влияет на формирование творческого воображения. Утверждается, что коммуникативный дизайн востребован в технологиях преподавания философии, поскольку развитие эмоциональной культуры человека остается актуальной проблемой воспитания и самореализации студентов. Методология исследования опирается на диалектическую взаимосвязь образно-символических форм внешних объектов и внутренних переживаний реципиента, синтез которых формирует глубинное внепонятийное постижение объекта визуализации.

Ключевые слова: коммуникативный дизайн; эмоциональная инфографика; дизайн-визуализация; образовательные технологии; схематизация в философии.

The features of communicative design are revealed as a way of integrating knowledge in the act of artistic representation of significant relationships and patterns. It is argued that the use of visual forms in philosophy captures students' attention to the dialectical relationship, the consistency of ideal objects. It is indicated that visual-semantic coding of knowledge affects the formation of creative imagination. It is argued that the communicative design is in demand in the technologies of teaching philosophy, since the development of the emotional culture of a person remains an urgent problem of education and self-realization of students. The research methodology is based on the dialectical relationship of the figurative and symbolic forms of external objects and the internal experiences of the recipient, the synthesis of which forms a deep non-conceptual comprehension of the visualization object.

Keywords: communicative design; emotional infographics; design visualization; educational technology; schematization in philosophy.

Дизайн, сочетая в себе прагматически-технологическое и эстетическое начала, обладает возможностью интегрировать знания в акте проектно-художественного моделирования существенных

связей и закономерностей окружающего мира. Возникая вместе с обществом массового потребления, постиндустриальной цивилизацией, дизайн становится феноменом, в котором эстетически выражается новая

среда обитания человека. Этот феномен, опираясь на образное миропонимание и антропологическую соразмерность, со-маштабность, способен сглаживать, демпфировать возникающие здесь новые формы отчуждения «омассовленного человека» и дегуманизации социальных отношений. «Отделившись по качествам серийности и функциональности от декоративно-прикладного искусства и художественной деятельности, дизайн сумел выразить и реализовать в условиях современной культуры гуманистическую ориентацию искусства и раскрыть свою человекотворческую миссию, вписываясь в новую ситуацию человеческого существования» [2, с. 3].

Этимологически термин «дизайн» (*от lat. design*) восходит к значениям «очерчивать», «набрасывать», «различать», «маркировать», что указывает на его формотворческую сущность или рационалистическую ориентированность деятельности. Это создание такой формы, которая на пути структурно-функционального конструирования выявляет, подчеркивает требуемые аспекты, смыслы содержания. Основоположник европейского рационализма Рене Декарт утверждал в своих сочинениях и переписке, что, искусство, по сути, нужно подчинить строгой регламентации со стороны разума: композиция произведения должна строиться по установленным правилам, а художник способен убеждать прежде всего логикой, силой мысли. Все, что туманно, неопределенно, неточно объявляется в рационалистической эстетике Нового времени уродливым [12, с. 72].

Наука и философия Нового времени начинает использовать графические способы изложения своих теоретических положений. По своей сути, инфографика: схемы, диаграммы, таблицы, разного рода пирамиды и деревья классификаций; - это уже не только способы организации эмпирических данных, а наглядные формы, подкрепляющие и дополняющие умозаключения мыслителей [11, с. 65].

Одной из первых известных визуальных схематизаций в философии является таблица категорий и суждений И. Канта,

опубликованная в «Критике чистого разума». Впрочем, уже в сочинении Николая Кузанского «Об ученом незнании» диалектические категории «конечное — бесконечное», учение о «совпадении противоположностей» (*coincidentia oppositorum*) излагаются с помощью математических образов и аналогий: «бесконечная кривизна есть бесконечная прямизна», треугольник по мере уменьшения угла, противолежащего основанию, превращается в прямую линию и так далее.

Парные категории субъективной диалектики И. Канта (например, «реальность — отрицание») представлены в его таблице как триада, синтез двух первых («реальность - отрицание => ограничение») [7, с. 176]. В данной графической форме уже наглядно проступает будущая гегелевская триада.

Отношения противоположностей в диалектике Г.В.Ф. Гегеля могут быть поняты в процессе абстрагирования от линейных характеристик, используемых в формальной логике. Парные категории (сущность-явление, случайность-необходимость, форма-содержание, единичное-общее и другие) предполагают друг друга, их невозможно мыслить отдельно друг от друга. Они рожают синтез как результат движения от «представления», «наличного образа» к мыслимой, «внеобразной» истине. Например, категория «особенное» или «индивидуальное» (индивидуальность) может быть выстроена из внешне противоположных понятий: «единичное» и «общее» (или «универсальное»). Индивидуальность — неповторимое переплетение отношений универсального и единичного, что можно представить графически (см. рисунок 1).

Дизайн-визуализация философских идей и положений дает возможность расставить необходимые акценты для фиксирования внимания обучающегося, подчеркнуть логическую взаимосвязь, системность тех или иных идеальных объектов. Инфографика является частным случаем дизайн-визуализации. Основными признаками инфографики, с помощью которых ее можно отличить от иллюстрации или

научно-технического изображения, являясь схематичность, условность и эстетичность. Условность — есть трансформация умопостигаемых смыслов, идей в чувственно воспринимаемые иноформы: «выставление абстрактного под фирмой конкретного есть не что иное как метафоризация, актуализация приема *als ob*» [3, с. 72]. Условность может стать решающим методом вовлечения реципиента в процесс познавательной деятельности. В инфографике с помощью знаков, символов, парадоксальных иллюзий информация часто предстает как бы в зашифрованном, метафорическом виде

и требует усилий по декодированию, то есть становится задачей, «решение которой повышает самооценку, а символично-графическая композиция подсознательно воспринимается дополнительным положительным импульсом» [5]. Примером графических иллюзий, ассоциирующихся с парадоксальными диалектическими высказываниями, в частности, с положением о единстве конечного и бесконечного у Николая Кузанского, является творчество Маурица Эшера (картины и гравюры «Относительность», «Порядок и хаос», «Цикл», «Метаморфозы и другие).

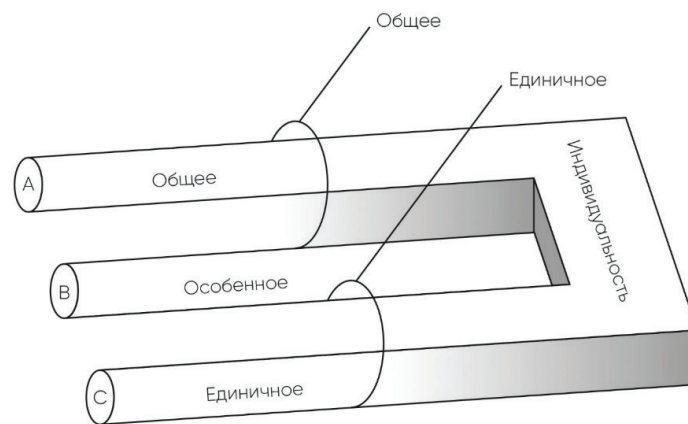

Рис. 1. Категория Гегеля «особенное» (индивидуальное) [см.: 13, с. 85]:

А: Общее = сходство. В: Единичное = несходство, различие. С: Особенное = неповторимое переплетение взаимных отношений. Таким образом, Особенное, Индивидуальное — это синтез саморегулирующихся отношений, сравнения и различия

Цифровые технологии придают дизайн-визуализации особую актуальность и востребованность; визуальные формы становятся конструктивным актом познания и мышления. По цели представления философских данных компьютерный, цифровой этап визуализации философии можно назвать «презентационно-исследовательским, т. к. в последнем случае субъекту предоставляется возможность исследовать визуализированный набор данных с помощью интерактивных элементов, например, выбирая критерии для оперирования данными» [11, с. 70]. Наглядно-интерактивный метод преподавания элементов философского знания, его визуально-семантическое кодирование и декодирование влияют на формирование проектного мышления, творческого

воображения. «Старое убеждение, что существует разрыв между зрительными образами и рафинированными концептами, с каждым успехом современных наук посрамляется все в большей степени» [6, с. 328].

В основе дизайн-концепции лежит образная трактовка будущего объекта, понимание его содержания в проектном суждении, выражающем представления дизайнера о смыслах более масштабных, чем конкретное явление. Это дает возможность создать целостную идеальную модель объекта, описать его качественные и количественные характеристики» [2].

Эстетическим же достоинством визуальной репрезентации являются «целность, мгновенность, симультанность» [3, с. 65]. Последнее означает единовременное

«схватывание», синтезирование в восприятии множества признаков объекта, установление целостных оптимальных характеристик изучаемого явления. Данная в эстетике, а не логосе-лексисе, перцептивно выражаемая сущность осваивается не в логически развертываемой реконструкции, а иначе: сенситивным способом «наглядной регистрации проступания в предметном латентных форм смыслозначимого», по выражению В.В. Ильина [3, с. 75—76]. Дизайнер, интегрируя рациональные смыслы и образное художественное мышление, создает новую предметно-вещную форму. В этот момент творения она наполняется эмоциями, чувствами, благодаря которым продукты дизайна возможно обретают эстетические качества.

Эстетичность коммуникативного дизайна позволяет отнести его к отдельной группе познавательной инфографики, отличающейся художественной декоративностью изображения: к *эмоциональной инфографике*.

Перцептивные средства воздействия изобразительного искусства на зрителя не раз исследовались в философии. И. Кант, например, считал признаком прекрасного то, что оно непонятно: то есть без всякого логического рассуждения, а как внутреннее чувство «гармонии в игре душевных сил»; - обладает всеобщим характером. Красота постигается субъектом восприятия в соответствии с неутилитарным суждением вкуса на основе чувства любования (удовольствия) спонтанно и необходимо. В качестве примера «чистой красоты» Кант приводил арабески и им подобное, что затем привело к обвинениям философа в формализме.

Представитель иррационалистической философской традиции Анри Бергсон объявляет искусство важнейшим средством жизнепонимания, противопоставляя его интеллектуальному познанию, научной методологии. Основанное на интуиции творчество представляется философом актом непосредственного постижения сущности жизненных процессов. Эстетическая или

художественная интуиция является согласно Бергсону высшей формой интуиции, в которой исчезает различие между объектом и субъектом познания. Искусство способно преодолеть эту разорванность, восстановить исходную целостность мира [8, с. 44, 46].

Идеи А. Шопенгауэра, А. Бергсона повлияли на субъективистский характер искусства модернизма, которое выработало, в свою очередь, богатый опыт создания визуально-внепонятийных или «чистых» способов воздействия на зрительское восприятие.

Первые шаги в создании новых визуальных приемов воздействия на зрителей: «цветовой подборкой», выражения средствами света и цвета эмоций, противоречивых чувств; — предприняли молодые французские художники-фовисты (задача впервые высказана Андре Дерэном в 1903 г. в письме к Морису Вламинку). Эмоциональная суггестивность и декоративность, то есть внутренняя организация средствами композиции и цветовой палитры, становятся не только практикой, но и предметом изучения. Художник-абстракционист Василий Кандинский попытался обобщить основные идеи и опыт визуального воздействия искусства модернизма. В книгах («О духовном в искусстве», «Точка и линия на плоскости», «Текст художника. Ступени»), иллюстрированных собственными изображениями, Кандинский систематизирует свою концепцию нового искусства, основанного на принципе «внутренней необходимости», а не на следовании реалиям природы. Задача творца — неустанный поиск этого принципа, согласуясь с которым и используя эмоционально-выразительные средства, он достигает главной цели - «вибраций человеческой души». Внутренний духовный опыт оказывается источником творчества, его живым нервом. Кандинский неоднократно пишет, что «способность внутренне переживать» делает душу более восприимчивой, «способной к вибрированию». От этого она становится богаче, возрастает ее готовность к восприятию и переживанию абстрактных идей. В свою очередь работа

зрителя заключается в обнаружении внутри себя чистоты восприятия, способности узреть красоту чистого цвета и чистой формы, которая на этом уровне уже не соотносится с красотой природы [4].

Кандинский сосредоточил свое внимание в первую очередь на функции цвета в живописи. Он не отрицал физического воздействия цвета, хотя считал его слишком кратковременным и поверхностным. Но только на уровне психического воздействия цвет может «внутренне звучать», что и вызывает искомую «душевную вибрацию». Возможно также воздействие красок путем ассоциации, – например, красный цвет, ассоциируясь с огнем, может оказывать возбуждающее действие. Разделение тонов на холодные и теплые Кандинский связывал с определенным «осознательным ощущением» (неровного, колющего либо гладкого, бархатистого). Ассоциацию цвета с музыкальным звучанием (например, желтой краски – с высокими нотами) художник принимал как общеизвестную данность. Но всего этого недостаточно для целостного понятийного объяснения влияния цвета как на физическое, так и на психическое состояние организма, духовные вибрации. Кандинский полагал, что «вообще цвет является средством, которым можно непосредственно влиять на душу. Цвет — это клавиш; глаз — молоток; душа — многострунный рояль» [5, с. 45]. Художник, как поясняет автор «О духовном в искусстве», есть рука, которая посредством определенного клавиша целесообразно приводит в вибрацию человеческую душу. Эстетический язык В.В. Кандинского до сих пор не утратил своей важности и актуальности для эмоциональной инфографики в том числе.

Коммуникативный, в том числе образовательный дизайн представляется востребованным, поскольку развитие эмоциональной культуры человека остается актуальной проблемой. В связи с ускорением темпа жизни, влияния цифровых технологий меняются способы восприятия информации, особенности концентрации реципиентов.

Скорость, объем и поверхностность коммуникаций становятся факторами стресса, при этом возрастает конкуренция и ответственность индивида при отсутствии навыков и нередко возможностей для релаксации. Недооценка важности развития эмоциональной сферы учащихся ведут к возрастанию числа аффективных расстройств, тяжелых душевных состояний, к трудностям установления теплых, доверительных личных контактов и получения социальной поддержки.

Способность понять и принять себя и других, которая лежит в основе гармоничных отношений с окружающими, основывается на эмоциональном переживании и его осмыслении. Самопонимание, которое рассматривается как предпосылка личностного роста, носит чувственный, эмпатический, а не только рациональный характер. Развитая эмоциональность способствует более эффективным взаимодействиям, адаптации в социуме и творческой самореализации [1].

В современных образовательных технологиях часто упускается из виду воспитательная функция, понимание важнейшего положения дидактики о том, что не может быть образования без воспитания, а развитие эмоциональных способностей необходимо для становления нравственности. Еще Аристотель, указывая на познавательную и гедонистическую функции искусства, посчитал главной его ценностью воспитательное назначение в практике приближения человека к калокагатийному идеалу. Добродетели характера по Аристотелю порождаются единством чувственно-эмоционального (аффектов) и рационального (разумного), утверждаясь в поступке. Этическое совершенствование возможно благодаря развитию эмоциональной сферы, благодаря «науке чувств» в том числе. И незаменимым источником, способом эмоционального развития является искусство [12, с. 34–35]. В искусстве, в акте эстетического восприятия человек «заглядывает в то свое содержание, которое мало-выразимо на языке логики, которое кажется

интимно-божественным <...>, дает ощущение непосредственной связи с глубинным бытийным содержанием» [10, с. 54].

Эстетическое отношение выполняет уникальную функцию в жизни человека: созерцание совершается через чувственное впечатление, происходит синтез воображения и абстрактного мышления, синтез внутреннего, сокровенного и внешнего увиденного. Эмоциональный акт удивления форме, ритму, цвету того, что уже как бы известно, то есть эстетический опыт, становится одним из путей непонятийного постижения объекта визуализации.

Дизайн-проект Анастасии Ханиной «Визуальный алфавит “Чувства и эмоции”»¹ ориентирован на дополнение содержания текста чувственно окрашенной, метафорической составляющей информации. Цель данной работы: напомнить о многообразии человеческих чувств языком графики (импрессионных цветовых текстур и символов). Цветовые текстуры алфавита — мазки краской, покрывающие холст, символы — буквы из геометрических фигур, которые «вырезаются» из холста. Анализ взаимосвязи внутренних переживаний и символических форм внешней действительности (в данном случае алфавита) может способствовать глубинному пониманию объекта, а также важности невербальной коммуникации.

Литература

1. Андреева И. Н. Эмоциональный интеллект как феномен современной психологии. Новополюцк: ПГУ, 2011. 388 с.
2. Горюнова Ю. А. Феномен дизайна в культуре социума: автореф. дис.: канд. филос. наук / Морд. гос. ун-т им. Н. П. Огарева. Саранск, 2003. 14 с.
3. Ильин В. В. Гносеологическая природа визуальной репрезентации // Четвертые Декартовские чтения «Рационализм и универсалии культуры»: Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (16–17 нояб. 2017, Москва, Зеленоград). Ч.1. М.: МИЭТ, 2017. С. 64–78.
4. Кабанова Л. И. Философия творчества художника В. В. Кандинского // Вестник МГТУ. Т. 11. 2008. № 4. С. 631–737.
5. Кандинский Василий. О духовном в искусстве. М.: Архимед, 1992. 108 с.
6. Канке В. А. История, философия и методология техники и информатики: учебник для магистров.

¹ См.: <http://esgi-miet.ru/images/KhaninaAlphabet01.jpg>

М.: Юрайт, 2014. 409 с.

7. Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. / под общ. ред. А. В. Гулыги. Том 3: Критика чистого разума. Академия наук СССР. Институт философии. М.: ЧОРО, 1994. 740 с. (Мировая философская мысль).
8. Куликова И. С. Философия и искусство модернизма. М.: Политиздат, 1980. 272 с.
9. Лаптев В. В. Инфографика: основные понятия и определения [Электронный ресурс] // Киберленинка: науч. электр. библиот. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/infografika-osnovnye-ponyatiya-i-opredeleniya> (дата обращения: 15.09.2019).
10. Лобастов Г. В. Интуиция как проявленная тотальность субъективности // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2017. № 1(13). С. 51–59.
11. Макулин А. В. Визуализация философии и цифровая визиософия // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2016. № 3. С. 62–72. (Гуманитарные и социальные науки).
12. Овсянников М. Ф. История эстетической мысли. М.: Высшая школа, 1984. 336 с.
13. Спенсер Л., Краузе А. Гегель для начинающих. Р. н/Д.: Феникс, 1998. 176 с.

Поступила 21.10.2019

Михайлина Светлана Анатольевна — кандидат философских наук, доцент. Доцент кафедры философии, социологии и политологии Национального исследовательского университета «МИЭТ» (124498, г. Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1) mikhaylina_s@mail.ru

Ханина Анастасия Дмитриевна — студентка Национального исследовательского университета «МИЭТ», (124498, г. Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1) khaninaanastasia@ya.ru

References

1. Andreeva I. N. Jemocional'nyj intellekt kak fenomen sovremennoj psihologii. Novopolock: PGU, 2011. 388 s.
2. Gorjunova Ju. A. Fenomen dizajna v kul'ture sociuma: avtoref. dis.: kand. filos. nauk / Mord. gos. un-t im. N. P. Ogareva. Saransk, 2003. 14 s.
3. Il'in V. V. Gnoseologicheskaja priroda vizual'noj reprezentacii // Chetvertye Dekartovskie chtenija «Racionalizm i universalii kul'tury»: Mat-ly mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (16–17 nojab. 2017, Moskva, Zelenograd). Ch.1. M.: MIET, 2017. S. 64–78.
4. Kabanova L. I. Filosofija tvorчества художника V. V. Kandinskogo // Vestnik MGTU. T. 11. 2008. No. 4. S. 631–737.
5. Kandinskij Vasilij. O duhovnom v iskusstve. M.: Arhimed, 1992. 108 s.
6. Kanke V. A. Istorija, filosofija i metodologija tehniki i informatiki: uchebnik dlja magistrrov. M.: Jurajt, 2014. 409 s.
7. Kant I. Sbranie sochinenij: v 8 t. / pod obshh. red. A. V. Gulygi. Tom 3: Kritika chistogo razuma.

Akademija nauk SSSR. Institut filosofii. M.: ChORO, 1994. 740 s. (Mirovaja filosofskaja mysl').

8. **Kulikova I.S.** Filosofija i iskusstvo modernizma. M.: Politizdat, 1980. 272 s.

9. **Laptev V. V.** Infografika: osnovnye ponjatija i opredelenija [Elektronnyj resurs] // Kiberleninka: nauch. jelektr. bibl. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/infografika-osnovnye-ponyatiya-i-opredeleniya> (data obrashhenija: 15.09.2019).

10. **Lobastov G. V.** Intuicija kak projavlennaja total'nost' sub#ektivnosti // Jekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovanija. 2017. № 1(13). S. 51—59.

11. **Makulin A. V.** Vizualizacija filosofii i cifrovaja viziosofija // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. 2016. № 3. S. 62—72. (Gumanitarnye i social'nye nauki).

12. **Ovsjannikov M. F.** Istorija jesteticheskoy mysli. M.: Vysshaja shkola, 1984. 336 s.

13. **Spenser L., Krauze A.** Gegel' dlja nachinajushhih. R. n/D.: Feniks, 1998. 176 s.

Submitted 21.10.2019

Mikhaylina Svetlana A., Candidate of Philosophy, Associate Professor. Associate Professor philosophy, sociology and political science National Research University "MIET" (124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), mikhaylina_s@mail.ru

Khanina Anastasia D., Student of the D-41 group, National Research University of Electronic Technology (124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), khaninaanastasia@ya.ru

Либерализация и демократизация института инженерного образования в 90-е годы XX века: тенденции и противоречия

Liberalization and democratization of the institute of engineering education in the 90s of the twentieth century: trends and contradictions

М. В. Добрынина¹, Ф. С. Антонов²

M. V. Dobrynina¹, F. S. Antonov²

¹ *Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия*

² *Московский государственный областной университет, Москва, Россия*

¹ *National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia*

² *Moscow Region State University, Moscow, Russia*

marin709@rambler.ru

Анализируется идеология и некоторые направления реформы высшего образования в 90-е гг. XX века; отмечается особая значимость сложившегося общественного консенсуса по поводу необходимости и основных направлений ее проведения. Подчеркивается, что сложившиеся в ходе реформирования новые взаимоотношения между государством и институтами гражданского общества, с одной стороны, во многом приблизили образовательную политику к либеральной модели образования, с другой стороны, нивелировали доверие той социальной прослойки, которая служила надежной опорой самой реформы.

Ключевые слова: демократия, либерализация, образование, реформа, консенсус.

The ideology and some directions of the reform of higher education in the 90s are analyzed. Twentieth century. The special significance of the existing public consensus regarding the need and main directions of its implementation is noted. It is emphasized that the new relations between the state and civil society institutions that have developed during the reform, on the one hand, have brought educational policy closer to the liberal model of education, and on the other hand, leveled the trust of the social stratum that served as a reliable pillar of the reform itself.

Keywords: democracy, liberalization, education, reform, consensus.

Предпринятую в начале 90-х годов реформу образования от всех предшествующих реформ отличали две особенности:

1) она в значительной степени носила корректирующий характер по отношению к

текущему на тот момент времени состоянию системы образования и адаптационный по отношению к новым политическим и экономическим условиям.

2) при традиционно форсированном

характере, она проводилась не в режиме «сверху», а опиралась на модернизационный запрос общества и сформированный на его основе альянс промышленности и бизнеса, академии и администрации. Смысл и содержание реформы впервые в российской истории были концептуально осмыслены командой реформаторов от академического сообщества в сотрудничестве с представителями промышленности и бизнеса. Рабочая группа, в состав которой входили ректоры ведущих технических вузов, представители бизнеса и промышленности¹, в 1992 году разработала Концепцию развития высшего технического образования в РФ [1, с. 5], идейный смысл и содержание которой кодифицировали наличие консенсуса гражданского общества и государства по поводу идеологии проводимой реформы.

К числу основных направлений реформирования относились либерализация системы финансирования образования и гуманизация и гуманитаризация образования. Себя обнаружило противоречие, к началу 2000-х годов трансформировавшееся в парадокс: результат реформы был противоположен искомому: к концу 90-х годов фактически прекратила свое существование социальная прослойка так называемой «технической интеллигенции». Та особая политическая роль, которую она играла в формулировке модернизационного запроса начала 90-х, была исчерпана.

Либерализация и диверсификация системы финансирования высшего инженерного образования в России была начата в 1990-м году, когда был принят Закон РСФСР «О собственности в РСФСР» (Собрание законов РСФСР. 1991. № 12. С. 483), затем в 1992 году Закон Российской Федерации «Об образовании». Именно Закон «Об образовании» определил возможные организационно-правовые формы образовательных учреждений:

- государственные;
- муниципальные;
- негосударственные (частные);
- учреждения общественных и религиозных организаций и объединений.

¹ В рабочую группу по написанию Концепции входили профессорско-преподавательский состав ведущих инженерных вузов страны; ее руководителями были Президент Ассоциации инженерного образования, ректор МАТИ — РГТУ им. К. Э. Циолковского Б.С. Митин и проректор МАТИ В.Ф. Мануйлов.

Таким образом, с 1992 года объем понятия «сеть образовательных учреждений» не ограничивается государственными учебными заведениями. Эта сеть с начала 90-х годов прошлого века непрерывно росла и развивалась, при этом удельный вес негосударственного образования также увеличивался.

Становление системы негосударственных вузов являлось важнейшей победой демократии в России и одним из главных положительных итогов реформ системы образования 1990-х годов, поскольку негосударственный вуз — это организация, *самостоятельно определяющаяся относительно содержания образовательного процесса, его форм и методов, научно-исследовательской работы, а также методов и способов контроля над успеваемостью студентов*. Сами вузы в лице своих ректоров этот принцип декларируют как абсолютный. Так, в Хартии Национального союза негосударственных вузов было заявлено: «Чтобы в своих исследованиях и образовательных программах отвечать на вызовы эпохи, российские негосударственные вузы изучают и осмысливают общество и его меняющиеся нужды, признавая непреложным правило: их научные исследования должны быть морально и интеллектуально независимыми от любой политической власти и экономической силы» [2].

В настоящее время политика государства в отношении негосударственных вузов претерпела существенные изменения. Однако в 1990-е эти вузы стали детищем либеральных реформ и главным итогом государственно-гражданского партнерства в сфере образования в РФ. Уже в 90-е годы негосударственные вузы выпускали квалифицированных специалистов по ряду востребованных специальностей технического и естественнонаучного профиля, таких как физика, математика, информатика, биотехнологии и т. п. Исключение составляли только специальности сельскохозяйственного профиля, а также ракетная техника.

В обществе и среди специалистов, с одной стороны, есть понимание, что государство нуждается в поддержке со стороны гражданского общества в осуществлении кадровой и образовательной политики, причем опыт США и Великобритании свидетельствует о том, что негосударственные вузы при поддержке государства могут готовить блестящих специалистов самого высокого уровня. Именно в них наиболее тесно осуществляется взаимодействие бизнеса, работодателей, местных властей и органов государственной власти, и это взаимодействие оказывается максимально эффективным, с точки зрения качества подготовки специалистов. С другой стороны, российская образовательная политика традиционно имеет патерналистский характер. Поэтому многие представители и бизнеса, и академии, придерживаются спорной позиции, что только государство может обеспечить полноценное обучение инженеров.

Эта дискуссия продолжается в плоскости политики финансирования образования. Либерализация многих сфер жизни, преследовавшая цель частичной депатернализации управления этими сферами, в том числе, образованием, уже в первые годы либеральных реформ вызвала ряд негативных социальных, экономических и политических последствий. Экономическая либерализация, осуществлялась, по сути, в режиме «шоковой терапии»: масштабнейшие политические реформы сопровождались форсированной ломкой командно-административной плановой экономики и построением неолиберальной модели экономической системы [3, с. 27]. Все административно-хозяйственные связи предприятий, регионов, государств, вся суть экономических и социальных отношений перестраивались. Разрушение экономических связей и отношений, инфраструктуры, приватизация через процедуры залоговых аукционов (все эти и многие другие болезненные процессы производились форсировано, «сверху», без какой-либо опоры на общественный консенсус), неизбежным следствием имели спад и даже полную остановку производств, предприятий, промышленных комплексов.

В свою очередь, росла безработица, на фоне роста цен беспрецедентно снизился уровень доходов и качество жизни фактически всего населения. В России «возникли целые группы бедных семей, у которых шансов вырваться из бедности практически не было» [3, с. 28]. Согласно официальным данным, в 1992-1993 гг. треть населения имела денежные доходы ниже величины прожиточного минимума². Постсоветским социально-экономическим парадоксом стало наличие бедного, даже нищего работающего населения, уровень доходов которого критически отставал от прожиточного минимума, наименее защищенными оказались нетрудоспособные слои населения. Значительную часть работающей бедноты составили профессора и преподаватели высших учебных заведений страны. Экономические ограничения привели к снижению финансирования всей системы образования, причем инженерное образование пострадало наиболее остро. В этих условиях академическая общественность настаивала, что «система высшего образования в рыночной экономике не может выжить сама. Она не только не может, она не должна этим заниматься, потому что в рыночной экономике государство берет на себя основные функции защиты системы образования, в том числе, и высшего. От тех несправедливостей, которые присущи рыночной организации труда» [4].

Мировое сообщество в лице экспертных комиссий выражало озабоченность возможным нарастанием негативных последствий недофинансирования системы образования в России, рекомендуя в условиях экономического кризиса рассматривать систему образования как государственный приоритет: «Инвестиции в человеческий капитал исключительно важны для преобразования Российской Федерации в демократическое общество с рыночной экономикой. Хотя в соответствии с Законом РФ «Об образовании», Российская Федерация стремится к 10-ти процентной доле расходов на образование в ВВП, более реалистичной была бы цель поднять к 2005 году уровень расходов

² Исследователи доходов населения ставили под сомнение официальные данные о численности лиц, имеющих доходы ниже величины прожиточного минимума, и считают их сильно заниженными.

на образование до среднего числа стран — членов ОЭСР <...> Не подлежит сомнению, что трудности финансирования желаемых образовательных реформ являются одной из главных проблем, стоящих перед российским Правительством» [5, с. 124, 134]. Однако несмотря на рекомендации усилить государственную поддержку образования и мировой опыт, свидетельствующий в пользу такой меры, в 1994 году Постановлением Правительства от 28 апреля № 407 «О первоочередных мерах по поддержке образования в России» органам управления образованием поручалось в двухмесячный срок разработать план приватизации образовательных учреждений. Это решение вызвало широкий общественный резонанс и протест со стороны академической общественности: свое возмущение выражали политики, ученые и ректоры вузов [6]. Немаловажно отметить, что государственное и общественное партнерство, ослабленное негативными социальными последствиями реформ и пораженное внутренним конфликтом между либерализацией и ее экономическими ограничениями, тем не менее, выразилось в том, что государство в лице Правительства, отменило эту часть Постановления [7].

Альтернативным решением части проблем, вызванных недофинансированием инженерного образования, стало внедрение многоканальной системы финансирования инженерных вузов. В рамках этой системы государственный бюджет обеспечивает нормативное финансирование реализации государственных образовательных стандартов, а вузы получили возможность привлекать внебюджетные источники финансирования. Инженерные вузы активно включились в реализацию внебюджетных научных проектов, в том числе, с международным участием. В составе высших учебных заведений появились новые факультеты: лингвистические, экономические, юридические, что позволило вузам привлекать студентов на платные формы обучения. Ряд учебных заведений поступательно расширял прием студентов на места с оплатой обучения, что стало источником дополнительного

внебюджетного финансирования науки и образования.

В сочетании с мерами по предоставлению высшим учебным заведениям автономии в управлении и академической свободы (большинство специалистов сходится во мнении, что к середине 1990-х годов «в основном была создана нормативная база, обеспечивающая реальную автономию образовательных учреждений» [8]), меры по верификации системы финансирования привели к формированию новых взаимоотношений между государством и системой инженерного образования. Патерналистская модель полностью не трансформировалась в континентальную (либеральную) модель взаимоотношений академии и государства, однако «по отношению к образовательным учреждениям государство из непосредственного руководителя превратилось в заказчика и потребителя услуг» [9, с. 40].

Другим направлением реформ стала *гуманизация и гуманитаризация высшего технического образования*.

Это направление реформирования, с нашей точки зрения, можно считать одним из наиболее политически и стратегически значимых. В начале 90-х годов российское общество, особенно крупные города, было общественно активным. На волне победы демократии в ходе событий конца августа 1991 года, формирования новой российской государственности, демократического транзита, институционального оформления демократических процедур, оформлялось гражданское самосознание новой нации, которой первый президент России — Б. Н. Ельцин дал исторически новое наименование — россияне. Новая генерация людей, которая, с одной стороны, несла в себе подданнические стереотипы, с другой стороны, была готова к избавлению от них и формированию основ политической культуры гражданского участия, в те годы пришла к осознанию, что «только инженер, получивший подлинно гуманистическое воспитание, способен ясно осознать последствия влияния на социальный климат общества и окружающую среду своих

конструктивно-технологических решений» [10, с. 8]. На волне общественной активизации впервые в истории нашей страны в идеологию реформы образования была заложена идея, что человек, гражданин, в данном случае — инженер, является субъектом принятия социально и политически важных решений, а не их инструментом. Концептуально, идеологически в начале 90-х годов представитель инженерной профессии впервые был наделен самостоятельной политической и социальной субъектностью, отдельной по отношению к субъектности государства. Более того, он был объявлен носителем социальной и гражданской ответственности, которая, по логике реформаторов, является элементом его профессиональной компетентности, оформляется в ходе получения образования, причем за счет освоения именно гуманитарной составляющей.

В отношении проблемы необходимости гуманизации и гуманитаризации высшего образования существовал консенсус государства и институтов гражданского общества. Проблемы гуманизации высшего образования в технических вузах обсуждались на Всероссийской конференции «Гуманитарная подготовка студентов негуманитарных вузов и специалистов гуманитарного профиля» (апрель 1992 г.). В целях реализации этого направления реформ при Правительстве РФ был создан Координационный Совет по гуманитарному образованию, в который вошли представители науки, образования, общественные деятели. Для осуществления адресной государственной поддержки возрождения «русского метода» в университетском образовании, лучших традиций отечественного гуманитарного образования и гуманитарной науки был создан Российский Гуманитарный научный фонд.

Вместе с тем, поставленные задачи удалось решить лишь отчасти и только на формальном уровне. Координационный Совет прекратил свое существование уже после первого заседания. После введения ГОС ВПО первого поколения объем цикла общегуманитарных, социальных и

экономических дисциплин был увеличен до 20%. Цикл включал такие дисциплины, как философия, социология, политология, культурология, история, экономика, психология и педагогика; в соответствии с ГОС ВПО, его объем составлял 1800 часов в одном учебном плане подготовки инженеров — специалистов. Их содержание, согласно идеологии реформы, носило общемировоззренческий характер и способствовало формированию мировоззрения будущих инженеров, в том числе, его политического компонента. Однако статус обязательных дисциплин был присвоен только курсам философии, отечественной истории, физической культуры и иностранных языков. В отношении других дисциплин цикла был допущен выбор дисциплин вузами и факультетами, что позднее привело к ремиссии произвольно-технократического подхода к формированию учебного плана в ряде вузов.

Вместе с тем, положительно оценивая реализацию большей части направлений реформы инженерного образования, следует отметить, что политика государства в отношении кадрового, в первую очередь, профессорско-преподавательского состава технических вузов, имела разрушительные последствия. Профессорско-преподавательский состав вузов оказался заложником шоковой либерализации экономики, а при введении системы оплаты труда через Единую тарифную сетку — «бюрократической системы и политических манипуляций» [11, с. 27, 32]. Заработная плата преподавателей высших учебных заведений на протяжении 90-х годов снижалась, затем, в 1998 году достигла своего критического минимума. Если в 1955 году заработная плата профессора составляла 409 % от средней зарплаты по промышленности, а доцента — 257%, то к 1996 году это соотношение было 98% для профессора и 78% для доцента. В абсолютных цифрах падение еще более значительное [11, с. 32]. Политической ошибкой Правительства РФ стало принятие Постановления № 600 «Об утверждении программы экономии государственных расходов» [12]. Экономический релятивизм этого постановления,

как и многих других решений органов власти периода экономического кризиса, вызвали волну социального недовольства, стачек и забастовок, даже в ведущих вузах страны. По сути, это Постановление окончательно разрушило к этому времени пошатнувшийся альянс гражданского общества и государства по поводу целей и содержания либеральных реформ в образовании. Молодые специалисты (зарплата которых в 1996 году составляла только 28% от средней по промышленности), уходили из системы образования, которая фактически лишилась кадрового резерва. Наиболее талантливые и перспективные специалисты и ученые уезжали за рубеж. Проблема «утечки умов» приобрела к середине 90-х годов катастрофический характер. По оценке Комиссии по образованию Совета Европы, ущерб России от выезда специалистов к концу 90-х годов составил около 50 млрд. долларов. Специалисты среднего возраста, составлявшие кадровый костяк инженерных вузов, искали дополнительные источники заработка, чаще всего вне системы образования.

В результате недальновидной кадровой политики государства, к концу 1090-х годов фактически прекратила свое существование социальная прослойка так называемой «технической интеллигенции». Та особая политическая роль, которую она играла в формулировке модернизационного запроса начала 90-х, была исчерпана. Наиболее талантливые представители науки уехали за рубеж, незначительная часть преподавателей смогла приспособиться к новым реалиям, большая же часть к концу 1990-х годов были «настолько задерганные, заспешенные, униженные люди, да еще и в бытовой нужде, что не оставлено им времени, простора и свободы формулировать собственное мнение о чем бы то ни было, даже находить и поглощать неповрежденную духовную пищу. И не от природы и не от слабости образования вся эта бедствующая провинциальная масса так проигрывала в «одушевленности»

по сравнению с привилегированной столично-научной, а именно от нужды и бесправия» [13, с. 40]. Эта оценка кадровых итогов образовательной политики 1990-х годов исключительно эмоциональна, вместе с тем, автор не может не согласиться, что истончение технически-интеллигентского слоя российского общества имело в дальнейшем такие негативные последствия, как ремиссия политического патернализма и абсентеизма в политической культуре российского общества.

Литература

1. Концепция развития высшего технического образования в РФ // Текущий архив Ассоциации инженерных вузов России. 1992 год. М., 1992. С. 5.
2. Хартия Национального союза негосударственных вузов [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение: информац. гуманит. портал. Режим доступа: <http://nsnv.mosgu.ru/NSNV/khartija.php> (дата обращения 23.12.2019).
3. **Зубова Л. Г.** Социальное расслоение в России // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. М.: ВЦИОМ. 1995. № 3. С. 27—30.
4. Материалы Всероссийского совещания руководителей государственных органов управления высшим и средним профессиональным образованием субъектов федерации // Регионология. 1995. № 1. С. 77.
5. Экономические обзоры ОЭСР: Российская Федерация 1996—1997. М.: Изд-во ЦИСН; [Париж]: Орг. экон. сотрудничества и развития, Б. г. [1998]. 340 с.
6. **Рожкова Л. П.** Выживет ли российское образование? // Регионология. 1995. №1. С. 115.
7. О проекте Федерального закона «О сохранении статуса государственных и муниципальных образовательных учреждений и моратории на их разгосударствление и приватизацию»: Постановление ГД ФС РФ от 09.12.1994 N 382-1 ГД [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: электр. портал. Режим доступа: <https://base.garant.ru/6311181/> (дата обращения 23.12.2019).
8. Решение коллегии «Об итогах работы ГК РФ по высшему образованию в 1994 году и основных направлениях деятельности на 1995 год» от 22 февраля 1995 года // Текущий архив ГК РФ по высшему образованию за 1995 год.
9. Управление современным образованием: Социал. и экон. аспекты / А. Н. Тихонов, А. Е. Абрамешин, Т. П. Воронина и др.; под ред. проф. А. Н. Тихонова. М.: Вита-Пресс, 1998. 255 с.
10. Инженерное образование как ключевой фактор социально-экономического развития: мат-лы

³ Миграционные процессы и российский научно-технический потенциал: Научный доклад. М., 1996. С. 119—120; «Утечка умов» из России: проблемы, перспективы и пути регулирования: Доклад Министерства науки и технической политики РФ. М., 1994. С. 27—28.

конф. // Высшее образование в России. 1993. № 2. С. 8.

11. Современное состояние инженерного образования в Российской Федерации / [В. М. Журавковский и др.]; Международное о-во по инженерной педагогике, Российский мониторинговый ком. М.: [б. н.], 1997. 81 с.

12. Об утверждении Программы экономии государственных расходов: Постановление Правительства РФ от 17 июня 1998 г. № 600 [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информац.-правов. портал. Режим доступа: <https://base.garant.ru/178931/> (дата обращения 23.12.2019).

13. Солженицын А. И. Образованщина // Новый мир. 1991. № 5. С. 28—46.

Поступила 25.10.2019

Добрынина Мария Владимировна — кандидат политических наук, доцент кафедры экономической теории и финансов Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Российская Федерация, 124498, г. Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), marin709@rambler.ru

Антонов Федор Сергеевич — аспирант Московского государственного областного университета (Россия, 105005, Москва, ул. Радио, д. 10а), aspirantura@mgou.ru

References

1. Konceptcija razvitija vysshego tehničeskogo obrazovanija v RF // Tekushhij arhiv Associacii inženernykh vuzov Rossii. 1992 god. M., 1992. S. 5.

2. Hartija Nacional'nogo sojuza negosudarstvennykh vuzov [Elektronnyj resurs] // Znanie. Po-nimanie. Umenie: informac. gumanit. portal. Rezhim dostupa: <http://nsnv.mosgu.ru/NSNV/khartija.php> (data obrashhenija 23.12.2019).

3. Zubova L. G. Social'noe rassloenie v Rossii // Jekonomicheskie i social'nye peremeny: monito-ring obshchestvennogo mneniya. M.: VCIOM. 1995. № 3. S. 27—30.

4. Materialy Vserossijskogo soveshhanija ru-kovoditelej gosudarstvennykh organov upravlenija vysshim i srednim professional'nym obrazovaniem sub#ektov federacii // Regionologija. 1995. № 1. S. 77.

5. Jekonomicheskie obzory OJeSR: Rossijskaja Federacija 1996—1997. M.: Izd-vo CISN; [Parizh]: Org. jekon. sotrudničestva i razvitija, B. g. [1998]. 340 s.

6. Rozhkova L. P. Vyzhivet li rossijskoe obra-zovanie? // Regionologija. 1995. № 1. S. 115.

7. O proekte Federal'nogo zakona «O sohraneni statusa gosudarstvennykh i municipal'nykh obra-zovatel'nykh uchrezhdenij i moratorii na ih razgosudarstvlenie i privatizaciju»: Postanovlenie GD FS RF ot 09.12.1994 N 382-1 GD [Elektronnyj resurs] // GARANT.RU: jelektr. portal. Rezhim dostupa: <https://base.garant.ru/6311181/> (data obrashhenija 23.12.2019).

8. Reshenie kollegii «Ob itogah raboty GK RF po vysshemu obrazovaniju v 1994 godu i osnovnykh na-pravlenijah dejatel'nosti na 1995 god» ot 22 fevralja 1995

goda // Tekushhij arhiv GK RF po vysshemu obra-zovaniju za 1995 god.

9. Upravlenie sovremennym obrazovaniem: Social. i jekon. aspekty / A. N. Tihonov, A. E. Abra-meshin, T. P. Voronina i dr.; pod red. prof. A. N. Ti-honova. M.: Vita-Press, 1998. 255 s.

10. Inženernoe obrazovanie kak ključevoj faktor social'no-jekonomičeskogo razvitija: mat-ly konf. // Vysshее образование в России. 1993. № 2. S. 8.

11. Sovremennoe sostojanie inženernogo ob-ra-zovanija v Rossijskoj Federacii / [V. M. Zhura-kovskij i dr.]; Mezhdunarodnoe o-vo po inženernoj pedagogike, Rossijskij monitoringovyj kom. M.: [b. n.], 1997. 81 s.

12. Ob utverzhdenii Programmy jekonomii gosudarstvennykh rashodov: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 17 ijunja 1998 g. № 600 [Elektronnyj resurs] // GARANT.RU: informac.-pravov. portal. Rezhim do-stupa: <https://base.garant.ru/178931/> (data obrashhenija 23.12.2019).

13. Solzhenicyn A. I. Obrazovanshhina // Novyj mir. 1991. № 5. S. 28—46.

Submitted 25.10.2019

Dobrynina Maria V., Candidate of Political Science, associate professor at Economics, Management and Finance Department, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), marin709@rambler.ru

Antonov Fedor S., PhD Candidate, Moscow Region State University (105005 Russia, Moscow, Radiostr., 10A), aspirantura@mgou.ru

Э. В. Ильенков: личность и творчество**E. V. Ilyenkov: Personality and Creative Work***Г.В.Лобастов**G. V. Lobastov*

ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)», Москва, Россия

Moscow Aviation Institute (National Research University)

lobastov.g.v@yandex.ru

Статья посвящена 95-летию со дня рождения выдающегося отечественного философа Э. В. Ильенкова (1924—1979). Раскрываются основные проблемы его философии, штрихи личной судьбы философа сопряжены с понятиями личности и свободы, входящими в круг его исследовательского внимания, и вписаны в контекст объективных и субъективных условий бытия. Раскрывается смысловая сторона всей творческой деятельности Ильенкова, обосновывается внутренняя связь всего диапазона им исследуемых проблем — от общемировоззренческих до конкретно-психологических и педагогических.

Ключевые слова: Ильенков; объективные условия личностной позиции; субъективные условия личностной позиции; идеальное; идеал; истина; логика мышления; диалектика; свобода; личность; культура.

The paper is devoted to 95th anniversary of birth of E. V. Ilyenkov (1924—1979), prominent Russian philosopher. The author reveals main problems of Ilyenkov's philosophy, the traits of his personal destiny connected to the notions of personality and freedom included in the circle of his research attention and inscribed into context of objective and subjective conditions of existence. The author expands sense bearing side of entire creative activity of Ilyenkov and substantiates the inner connection of the whole diapason of problems Ilyenkov had studied, ranging from general worldview to specific psychological and pedagogical.

Keywords: Ilyenkov; personal position's objective conditions; personal position's subjective conditions; Ideal; ideality; truth; logic of thinking; dialectics; freedom; personality; culture.

Разумеется, в одной статье осветить личность и творчество такой фигуры, какую представляет собой Э. В. Ильенков, дело немислимое, однако некоторыми штрихами суть его творчества высветить можно. За сорок лет после его ухода из жизни (1924—1979) о нем уже немало написано — в разных жанрах и на разном уровне. В настоящее время издается полное собрание

его сочинений в 10 томах (четыре тома уже вышли из печати), что дает возможность более глубоко войти в пространство мысли этого философа.

В 2008 г. вышла книга «Эвальд Васильевич Ильенков» в серии «Философия России второй половины XX века» [1]. В этой книге приведена полная библиография работ Э. В. Ильенкова и список публикаций о его

творчестве, на тот момент насчитывающий 154 названия. Издано более 30 томов материалов ежегодной Международной научной конференции «Ильенковские чтения». Двадцать лет как создано Российское философское общество «Диалектика и культура», деятельность которого направлена на исследование творческого наследия Э. В. Ильенкова. В Лондоне существует Общество международных друзей Ильенкова (International Friends of Ilyenkov).

В отечественной философии советского периода было много имен, творчество которых вошло в сознание не только отечественной культуры. Это были люди разного умонастроения, различных мировоззренческих ориентаций и даже идейно-политических идеалов. Сближала, и даже объединяла, их личностная установка, их личностная позиция, восходящая к бессознательному мотиву понять то, что есть, и это многообразное существование осмыслить через единый принцип. Найти единое начало всего сущего.

В такой позиции нет ничего необычного, имплицитно она присутствует в каждом сознании, но экспликация ее у каждого происходит по-разному. Выражая это дело простым языком, речь идет о мировоззренческой позиции, содержательно растянутой в эмпирической действительности от факта самосознания до «звездного неба над головой». Выразить это обстоятельство в теоретическом мышлении, и тем самым определенность этой позиции мышления сделать общезначимой, выпадает на долю тех, кто находит в себе силы удержать себя в *личностных определениях* и свое отношение к миру выразить как отношение к самому себе.

Такой момент мы легко находим в составе любого самосознания. А мышление, которое выводит это самосознание на общетеоретическую позицию, есть философия: «философия есть теоретическая форма самосознания», говорит Гегель. Потому понять себя вне исторической философии невозможно. Все, что мы имеем в составе самосознания эмпирических индивидов, всегда соразмерно их взглядам на мир. А потому

соразмерно и способности понимания, постижения сути вещей. Факт внутренней связи самосознания и сознания, не столь легко наблюдаемый, но отчетливо понимаемый в философии, еще более обостряет проблему истины. Здесь истина ставится в зависимость не только от познающей способности, но и от форм бытия самой действительности: сама объективная действительность обнаруживает себя в ее собственных конечных и бесконечных определениях, связь которых в вещах всегда конкретна, - и истинность вещи отражается не только сознанием, но и высвечивается через бесконечные, т. е. абсолютные, определения самой мировой действительности.

Так что нет ничего особенного в позиции и способностях тех людей, которые как бы волей судьбы творят культуру и открывают эту культуру нашему уму.

Серьезное исследование содержания и смысла идейно-политических ориентиров, собственно философской проблематики в движении и развитии отечественной философской мысли еще ждет своего часа. Все, что сегодня делается в этом отношении, еще слишком отягощено сиюминутными оценками, вырастающими из переломной эпохи 90-х годов прошлого века. А сегодняшнее катастрофическое падение образования на всех его уровнях не дает надежды, что скоро появятся исследователи, способные к масштабному охвату и глубокому анализу смысловых тенденций философии советского времени.

Содержание культуры советского периода истории столь многообразно, настолько разветвлено, что подвести его под единую мерку и в самом деле затруднительно. Реализм — в любых его измерениях: и как социализм, и как неореализм, и как сюрреализм и т. д., и даже там, где этот термин не упоминается (модернизм, постмодернизм и т. д.) — реализм во всех своих определениях обращен к объективной реальности. Конечно, и фантазии, и мифы вырастают из реальности и к ней же обращены, но в субъективных представлениях они кажутся с реальностью не связанными. И истина

зависит от того, насколько во всех этих движениях духа, в каких бы сферах дух себя ни обнаруживал, — во всех проявлениях истина его зависит от меры погружения в самое реальность. Мера истины и мера заблуждения, конечно, соотносимы, но разум знает, что их относительность снимается только там, где свое собственное измерение истина находит в абсолютном содержании бытия.

И здесь без *ума философии* провисают все суждения. А ум философии заключен в ее собственной истории, истории ее поисков всеобщих определений бытия и их, этих определений, рефлексии в логических формах мышления. Но если ум пророс конечными формами эмпирического содержания и через призму этих форм рассматривает действительность, то кроме случайно-поверхностного содержания он, конечно, ничего и не найдет, и не увидит. И активностью своей формы будет комбинировать это содержание под свои интересы. Этот субъективизм порождает симуляции и симулякры, и постмодернизм хорошо отражает эту ситуацию. Слова и фразы приобретают самостоятельность, которая, утверждая себя, разлагает субъективность, и в этом разложении ее цементирует. К истине это отношения не имеет, но это реальный объективный факт культурно-исторической действительности, — и его, конечно же, отражает стихийно-некритичное сознание и, естественно, принимает за истинное.

Но суждения своими предикатами должны иметь не случайные (т. е. конечные, преходящие) определения, лишь кажущиеся всеобщими и необходимыми, а определения, обоснованно восходящие к абсолютным формам. Тут-то как раз и нужна глубокая философия, выражающая реальность в ее предельных основаниях, философия с ее устойчивой интенцией различения субъективного и объективного, истины и заблуждения. В мире господствуют интересы, говорил Маркс, а Ленин заметил, что теоремы геометрии изменялись бы, если бы они затрагивали интересы людей.

Но идеологию, защищающую те или другие интересы, конечно же, нельзя

смешивать с философией. И оценивать то и другое с позиции обыденного сознания, замкнутого банальными жизненными условиями. Тем более с позиции политических обстоятельств. Короля делает свита, культ личности — продукт неразвитых обстоятельств, порождающих соответствующее сознание. Исторический процесс сознательного преобразования человека не начинается с чистой доски, не начинается он и с готовности каждого изменить себя. Каждый желает изменить лишь обстоятельства — и в том направлении, где его наличные потребности и интересы будут якобы осуществлены.

Разумеется, вне этих обстоятельств, вне всего содержания социально-экономического и культурно-исторического бытия рассудить *смыслы творчества* творческих людей нельзя и невозможно. Человеческая проституция, представляющая собой всеобщую форму буржуазно-общественного бытия (Маркс), родилась задолго до капитализма, Бог и Дьявол скалили зубы друг на друга с незапамятных времен, и борьба социалистического принципа с этим явлением приводила к различным формам государственного и общественного действия. Индивидуальная психология, отягощенная «идиотизмом деревенской жизни» (Маркс) и мещанством городского быта, пропитанная мелкобуржуазной идеологией, далекая от понимания происходящих социально-политических процессов, — эта психология делала свое дело, удовлетворяя свое нутро любым ей доступным образом. Что «головы летели» не без ее участия, пожалуй, понятно.

Сегодняшняя действительность явно свидетельствует о слабости социалистического принципа, который мог утвердиться в действительность только преодолевая эту психологию. Понимание сущности человека как тотальности общественных отношений логично вело дело к преобразованию этих отношений — чтобы преобразовать психологию. А более глубоко — человека. Личность. Здесь и был завязан узел всех проблем, внутри пространства которых по необходимости оказывался каждый активный

индивид. Исследовать эти процессы психологическая наука не может, не может и так называемая социология, заквашенная на эмпиризме. Это дело философии — проникнуть в предельные основания человеческой действительности и из единого принципа развернуть зависимости внутри устойчивых форм общественно-исторического развития, исследовать взаимосвязи этих реально-объективных форм с содержанием общественного сознания, исследовать природу человеческой субъективности внутри всей этой действительности объективных взаимосвязей.

Думать, однако, что истину в советский период развития культуры (в том числе философской) шельмовали коммунистические идеи, это не просто ошибаться, это обнаруживать свой мелкий взгляд на действительность. Пристально-умный взгляд в действительность всегда отягощен задачей обоснования самой истины, потому как именно в ней, в истине, человек ищет основание любого своего конкретного суждения. Культура во всех ее формах исторического существования объективно направлена на формирование субъективной позиции человека, приближающей его к объективно-всеобщей точке зрения на бытие.

Вот эта истина и есть центральный вопрос философии: что это такое и как она возможна? Она *ищет и опирается* на абсолютное содержание бытия. Легко понять, что истина внутренне связана со свободой, и свобода возможна только как движение, только как действие, определенное истиной. Потому и в советской действительности, там, где была философия как философия, там любые внешние условия оставались внешними. Там, где дело связано с сутью дела, там это дело ведет только суть.

Разумеется, в истории были случаи, когда мыслитель оказывался в политической власти, были случаи, когда мышление и власть совпадали, но только социалистическое (коммунистическое) движение ставит своей целью превратить эту случайность в необходимую связь, сделать мышление всеобщей формой осуществления человеком

своей жизни. Потому Ильенков и говорит, что «коммунизм — это общество умных людей». Общество, где деятельность людей организована умом. Где ум — это атрибутивная принадлежность каждого. Где руководствуются этой всеобщей способностью, а не способностью особого органа. Государство может «отмереть» только при этом условии. Потому школа, которая учит мыслить, явно входит в противоречие с капиталистической организацией общественных отношений.

Но капитализм жаждет умных, со времен своего возникновения он знает, что «знание — сила». И потому держит под контролем его формирование: формирует, развивает только такое знание, которое как элемент входит в рабочую силу. Его не интересуется индивид как *личность*, но только как *носитель* рабочей силы, — силы каждый раз особой квалификации.

Разделение труда формирует «профессионального кретина». Однажды на реплику, обращенную к нему, Ильенков сказал, что и философия в этом отношении ничем не отличается от прочих форм разделения труда. И что философ по профессии столь же ограничен, как и любой другой профессионал. Хотя, казалось бы, по предметному содержанию она, философия, представляет собой всеобщую форму, и неслучайно в человеческих представлениях она с давних времен почиталась как наука наук. Но как форма сознания, выражающая собой всеобщие принципы отношения человека к миру и в движении этих принципов выражая всеобщую форму человеческой предметно-практической деятельности, она бессознательно имеет место в составе любого и каждого индивидуального сознания. И если «школа должна учить мыслить» [2, с. 18—30; 3, с. 30—43], то это только и означает, что ее, школы, деятельность должна быть выражением и воплощением всеобщих универсальных идеальных форм человеческой деятельности, форм, которые и представлены в каждом деле человека и во всех сферах человеческой общественно-исторической действительности. Культура

становящегося человеческого существа здесь должна обрести свою душу.

И культура становится действительной культурой только там и тогда, где и когда она впитала в себя культуру мышления. Окультуренное мышление — это мышление, выработанное и отшлифованное исторической философией. Без чего эта культура остается той самой общественной психологией, переполненной представлениями самого различного рода, но во всех своих различиях тем не менее отражающей поверхностный слой бытия, перелопачивающий его содержание сообразно меняющимся «ценностям».

Дойти до определяющих причин этих обстоятельств нельзя без мышления. Без мышления — только дорога к Богу. И тропинка туда тем утоптанней, чем меньше свободы ума, чем больше безумия, чем меньше субъектности, чем больше убогого послушания. Туда, где безликость надеется обрести свое лицо и свое бессмертие в фантастическом историческом мифе, — мифе, который давно воплотил себя в мире и выстроил свои цели и способы их воплощения в действительности. Безумие и заблуждение — далеко не просто невинные вещи, своей реальностью они определяют бытие. В этом стихийном материализме идеализма гораздо больше, чем в рафинированных формах идеализма философского.

Философский материализм гораздо более сложная проблема, нежели как она видится через призму науки и обыденного сознания. Даже наоборот — и наука, и обыденное сознание очень легко из себя порождают стихийный идеализм, который при отсутствии культуры мышления оборачивается религией, мифологией и различными суевериями.

Вот, я бы сказал, некоторый контур обстоятельств и проблем, внутри которых существует любое мыслящее существо и любой индивид с его обыденным сознанием своего обыденного бытия. И для любого мыслителя это очевидно, и любому мыслителю надо *понять*, как это *можно* понять.

«Поэтому мыслитель не просто «принадлежит своему времени» — и в основаниях, и в следствиях он далеко выходит за рамки его» [4, с. 174].

Можно сказать, что судьба Ильенкова была трагичной, можно сказать наоборот — счастливой. Сын писателя, в юные годы прошедший войну, привезший из поверженного Берлина пластинки с музыкой Вагнера, слушать которого он навязчиво и нежно предлагал близким ему людям; после войны закончив философский факультет МГУ и там же защитивший диссертацию, выступил против засилия на факультете догматизма и ложного понимания предмета философии; потому с факультета он был уволен и до конца жизни, которую он оборвал сам, он проработал в Институте философии АН СССР. В науке уже сто лет существует так называемый биографический метод, к сути философских проблем он отношения не имеет, но как много мы видим попыток объяснить некие идеи мыслителя его жизненной судьбой! Однако это много лучше, чем объяснять их, идеи, физиологическими особенностями тела человека. Все, что я выше пытался сказать, как раз относится к демонстрации того, что личность, внутренняя судьба личности и ее дело, не зависит от внешних обстоятельств, внутри которых по необходимости осуществляется судьба любого человека. Внешние обстоятельства человек должен уметь превратить в условия собственного бытия. И именно в этом *преобразовании обстоятельств в условия* осуществить свое человеческое дело, дело, которое положено его человеческой идеей. Но что личность сама выстраивает свою «биографию» в конкретных объективных общественно-исторических условиях как раз путем их преобразования, путем выявления в них всеобщих форм как действительных условий своего движения, — это настолько прозрачное положение, что, кажется, даже объяснять не надо.

А что значит самоубийство мыслителя? Судьба Сократа показала, из каких корней может прорасти самоубийство, как здесь переплетаются объективные линии

развития общественного бытия и собственная личностная позиция, как акт смерти сделать актом своей жизни. Неглубокое сознание к этому акту испытывает полумистический интерес. «В этом стремлении самостоятельно пересечь границу между жизнью и смертью всегда кроется неслыханная тайна, и всегда те, кто остается, помимо боли и отчаяния, испытывают странное, необъяснимое любопытство. «Для меня, сыночек [пишет из ада в сюрреалистическом романе Януша Леона Вишневого «На фейсбуке с сыном» его мать — примеч. автора], самоубийство несогласие с жизнью означает. Ведь мир каждому из нас несчастий щедро насыпает: старость, болезни, безнадежную любовь, нестерпимые боли, позор, стыд, смерть близких, публичные унижения, оскорбленную честь, творческую ничтожность, человеческую подлость — да мало ли их, все не перечислишь! Некоторые не имеют желания бороться с этими несчастьями и в какой-то момент выбирают для себя Большой Побег на ту сторону — может, по причине хрупкости психики, может потому, что у них болевой порог низкий, а может, просто потому, что в ежедневном вставании, чистке зубов, еде, пищеварении, туалете и, прежде всего, в мышлении больше не видят смысла» [5, с. 56]. Счастливая сторона жизни Ильенкова как раз и состояла в том, что она, эта жизнь, была *осмысленна* и прошла *не бессмысленно*. Но думать, что вместе с жизнью оборвались и натянутые струны жизненных смыслов, вряд ли стоит. Осмысленность и свобода личности Ильенкова как раз заключалась в том, что он видел более широкие и глубокие обстоятельства жизни общечеловеческой, а потому и своей собственной, и мировая культура, в первую очередь философская, как истинно *человеческое обстоятельство* было превращено им в его собственное условие жизни и перешло в ее основание. С. Н. Мареев, один из учеников Ильенкова, книгу о нем назвал «Жить философией» [6].

С присущей ему скромностью Ильенков говорил, что он лишь популярно изложил те проблемы, которые наиболее актуальны *во*

все времена и которые давно представлены в философии. Читайте Гегеля, откликнулся он на вопросы по его работам.

Но, конечно, это не так. Анализ его работ далеко не закончен, но уже сегодня видно — как было видно и в момент вхождения его в философию, — что перед нами действительный философ, философ с той самообытностью ума, которая определялась всем контекстом диалектической линии в истории философии. Определяясь в этой культуре, он делал эту культуру основанием своего творческого бытия.

Так происходит с каждым, но не каждый, определяясь социально-культурными обстоятельствами, постигает их и преобразует в собственные условия. Осуществляя тем самым, этим преобразованием, свою свободу, которая без познанной истины просто произвол. Потому каждый строит себя в активном обуславливании себя обстоятельствами, которые, к счастью, можно выбирать. «Обстоятельства не выбирают» — это утверждение безликого существования.

Но свобода не сводится к этому выбору. Ибо истину не выбирают, ее *постигают*, ее утверждают, тем самым утверждая себя как личность. Безликость, утверждая свою свободу в выборе, выбирает из состава наличного. И не только не постигает суть дела, но наоборот, бессознательно для себя идет в этом выборе туда, куда толкают ее за ее спиной стоящие силы.

Ильенков показал тождество единичного и всеобщего, диалектическое единство исторического и логического в составе личностного бытия, и выразил это не только в логике категорий, но и в столь затасканном обыденной философской общественностью «понятии» личности. Его философия развернула себя от «Космологии духа» [7, с. 415—437] до ясного диалектически определенного понятия личностной формы [8]. Ильенков глубоко понимал, что личность — это смысл, «самоцель» истории, и воспитана личность может быть только при создании соответствующих социально-исторических условий, внутри которых «не личностью быть нельзя». И сама личность

определялась им совершенно по Марксу — как тотальность общественных отношений. Поймите это те, кто умеет думать. А не как в тех примитивных определениях, которых кто-то насчитал более двухсот, где она, личность, определяется как все более расширяющаяся совокупность признаков естественно-антропологического и социального характера. Все определения при такой методе и выступают как различные комбинации известных и «вдруг» найденных свойств в случайностях эмпирического бытия. Опираясь на такую научную пошлость, конечно, нельзя всерьез думать о деле формирования и воспитания личности.

Ильенков ставит вопрос, каким образом всеобщие формы представления людей, вырабатываемые в культуре, соотносятся с объективной действительностью. Понятно, что в составе этих человеческих представлений мы можем найти различные позиции, ибо мы можем опираться на разные фрагменты этой действительности, на различные культурно-исторические образования и, естественно, если опираемся, то возводим их в форму всеобщности. И тем самым, конечно, заблуждаемся. Плюрализм для философии ничего не значит. Говорить и спорить о различии позиций и даже кичиться своим отличием от чего угодно можно сколько угодно. Особенно льстят себе, если пытаются себя отличить и противопоставить великому и серьезному в культуре. Объяснять природу этих явлений дело скучное, ибо если постигнута суть человеческого бытия, то становится само собой разумеющимся, откуда и зачем является эта мимикрия под свободно-личностную форму.

Но если мы не ставим и не разрешаем проблему человеческого основания бытия, то мы никогда не выйдем из тупиков поверхностного экзистенциального слоя. Плутание в них и есть постмодерн. Но если я признаю, что отличительной характеристикой человека является *идеальное*, я и должен в полном объеме — и хорошо понимая, что делаю, — поставить проблему идеально-го вообще. Ильенков эту проблему ставит и классически решает.

Более того — и это в его концепции естественно, ибо логично, — он показывает, что без разрешения этой проблемы невозможно понять и проблему идеала. Идеалы — это не то, чего нет. Сказать так — слишком мало. И слишком не точно, ибо простое противопоставление бытия небытию никогда не достигало истины, хотя видимость таковой в рамках здравого смысла всегда имело. Диалектическая традиция от Гераклита до Гегеля (я уж тут не говорю о Марксе) хорошо понимала необходимость углубления понятия в их, бытия и ничто, единство и, следовательно, видела их в форме диалектически связанных моментов самой действительности.

Идеал поэтому есть вполне определенный момент в составе человеческого бытия, имеющий своим основанием именно это бытие. И содержание, и определенность его, идеала, коренится именно здесь, в бытии. Человеческое бытие, человеческая действительность никогда не может быть полной не только вне идеальной формы, но и вне идеала. Человек — существо, живущее во времени и, домысливая вслед за Аристотелем, господствующее над временем. Идеал связан с *временным* определением бытия и не просто с удержанием самотождественности этого бытия в его временном определении, в его изменении, а с такой его, изменения, формой, как развитие. Поэтому человеческая действительность опирается на идеал.

А идеал может быть противопоставлен действительности только в абстрактном мышлении. И именно здесь он теряет истинность. Ибо *идеал — не то, чего нет, но то, что есть*. И есть не только в качестве сознательного (рационально выражаемого или только предчувствуемого) образа, но в качестве объективной формы действительного бытия, различаемой мышлением и чувством и превращаемой в исходный принцип самоопределения бытия. Конкретное мышление обязано его, идеала, абстрактную противоположность бытию снять. Снять, потому что и в самой действительности он постоянно снимается бытием, становится объективным моментом этого бытия. Идеальным объективным моментом. Снятое в

объективном процессе (объективным процессом) в деятельности человека удерживается в формах его культуры и в сознании.

Человеческое сознание своей мыслительной формой разворачивает любую вещь в ее временное, процессуальное бытие. Снятые, идеальные формы поэтому и удерживаются сознанием как актуально значащие. И эти формы, не обладающие чувственно-непосредственным бытием, через деятельность мышления представлены в бытии в их *актуализируемой практической деятельностью* форме — во всем развороте их смыслового пространства и времени.

И идея вещи и ее идеал необходимо представлены в понятии, в мышлении, а значит — и в актуальной действительности самого человека. Без идеала человеческая жизнь принципиально неосуществима.

Идеал представлен не только в историческом времени, но и во времени моего индивидуального субъективного бытия, коль скоро я масштаб истории делаю измерением моего собственного индивидуального личностного существования. А идола, в чем бы они ни представляли, всегда будут идолами — ложными представлениями, порождающими и ложные действия. И эти идола будут культивироваться самой действительностью — той, которая заинтересована не только в подмене понятий, но и в подмене самих реальных форм [9]. Неподлинность этого интереса объясняется исторически ограниченными формами практического бытия, внутри которого истинная всеобщность объективно подменяется ее собственными превращенными формами. Форма мышления, способная с этим составом исторической человеческой действительности разобратся и ориентировать человеческую деятельность на истину, есть диалектика. Она-то и интересует Ильенкова и исследуется им не только в качестве объективно-идеальной формы, вырабатываемой исторически, но и как внутренний способ разумного бытия личности, бытия, осуществляемого по логике объективно определенного идеала [10, с. 203—275]. И здесь Ильенковым прочерчивается исследовательская линия

от «Античной диалектики как формы мысли» [11, с. 56—101] до логики «Капитала» К. Маркса [12]. Поэтому-то Ильенков и ставит проблему отношения общественных представлений людей к объективной реальности.

Гегель в своей философии развернул и показал всеобщность мыслительной формы, достигающей истины бытия. Здесь, в философии Гегеля, Ильенков находил решающую позицию в понимании логической формы, ибо только такая всеобщая диалектическая мыслительная форма и способна извлечь из состава действительности ее идеальное содержание и сделать его идеалом. Идеалом — значит принципом моего человеческого существования.

Возникающее человеческое бытие уже самым этим фактом возникновения перед самосознающим человеком ставит проблему: как возникает идеальное в составе развивающейся человеческой субъективности. И каково отношение этого идеального содержания к самой действительности, с одной стороны, и к человеческой субъективности — с другой.

Представление об идеальном как форме вещи вне вещи, развернутой в деятельности общественного человека, для всех знакомых с творчеством Э. В. Ильенкова уже давно стало известным положением. Но все «известное», кажущееся легко понятным, столь же легко превращается в догму. Но понятие его, идеального, заключается в превращении этой всеобще-универсальной формы деятельности общественного человека в собственную способность каждого индивида, и наоборот. На основе понимания этого обстоятельства только и возможна действительно научная педагогика, педагогика формирования свободной творческой личности.

Те напряженные линии исторической взаимосвязи культурного процесса, которые определяют логику понимающей мысли, в философии высвечиваются через анализ сугубо специфического разворота всего лишь одной, по сути дела, проблемы — проблемы становления человеческой

субъективности. Как и всякий предмет исследования, человеческая субъективность требует анализа своих собственных предпосылок, четкой формулировки самой проблемы, исторических ее модификаций и ее решений в пространстве культуры, определения ее теоретического и практического статуса сегодняшним ученым сознанием и т. д. Исследуя этот процесс, Ильенков требует предельного внимания к логике, в рамках которой может быть открыта истина, истинное понимание предмета.

Поэтому естественно, что тут неминуема рефлексия этой логической способности, выявление той всеобщей формы, в рамках которой сам предмет определяется первоначально как логически возможный и в рамках которой сама эта логическая возможность переходит в действительность. Осознанность этой логической задачи оборачивается проблемой развития, перехода в противоположное (перехода тела немыслящего в тело мыслящее), без которой увидеть, как дело обстоит на самом деле, невозможно. Логика, теоретическое мышление, есть единственное средство приведения многоразличия эмпирической действительности к единству, к выявлению их, этих фактов, единой природы.

А проблема развития в самой логике ставит — и весьма остро — проблему единства самих логических определений. Потому как всякое изменение вообще без противоречия понято быть не может. Факт, который уже обнаружила Элейская школа, задав будущему загадку противоречия в мышлении, каких бы всеобщих определений то мышление ни касалось. Везде, где мышление пытается воспроизвести суть вещи, оно наталкивается на противоречие, а противоречие это возникает из факта изменчивости этого мира. Потому понять изменение — это снять противоречие. Но снятие есть сохранение, потому в найденной форме тождества противоречащих противоположностей противоречие сохраняется, но уходит из сферы непосредственности, сохраняя себя как внутреннюю форму и как потенциальную силу. Потому если форма,

разрешающая противоречие, не находит в себе условий сохранять себя, она тем же самым противоречием может быть разрушена. Потому вещь в своей сути оказывается несущей противоречие, и понять ее означает обнаружить эти ее внутренние определения, определения, через которые она бытует, через которые она есть. Ее подвижное бытие и означает, что вещь и равна самой себе (момент покоя) и не равна (момент изменения) одновременно. Это, как понятно, есть логическое требование, в принципе не доступное формально-обыденному представлению о логике. Но не выполнив этого требования, нельзя вещь *понять, т. е. выразить ее в логическом мышлении*.

Первая крупная работа Э. В. Ильенкова «Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении» [13] детально проясняет диалектику логической формы — с прочной опорой на философскую классику и логику Маркса.

Именно в этой логике Ильенков исследует мышление в его онтогенетической форме и ставит вопрос о нижнем пределе этой логической способности, о границе, за которой мышления нет и быть не может. Проблема начала мышления в индивидуальном развитии индивида разворачивается *наукой* в многообразном содержании и по необходимости актуализирует проблему объективного анализа мышления в его чистой всеобщей форме. Что и делает философия в историческом процессе. Онтогенез здесь выступает как форма проявления объективных мыслительных форм. Увидеть субстанцию мышления в Боге или биологической природе — ходы достаточно известные, но они либо уводят мысль в другое пространство, определяя духовное духовным (религия), либо редуцируют проблему человеческой субъективности к определениям животного рода, к биологической природе тела. В такой «логике» вполне естественны представления человеческой души через физические поля, «тонкие материи» и т. д.

Именно в это обстоятельство и упиралась мысль любой философской позиции. Речь сводилась к тому, каким образом тело

может функционировать в согласии с идеальными формами, вырабатываемыми в культуре, а не по своему естественно-биологическому закону. Без Гегеля и Ильенкова, более того, без Демокрита и Гераклита, без Декарта и Спинозы и т. д., как оказалось, эта проблема и поставлена быть не может.

Любопытно, что, казалось бы, столь отвлеченный характер философской категории идеального (мышления) у Ильенкова с самого начала опрокинулся на реальный процесс воспитания ребенка, процесс превращения человеческой телесности, ее движения, в мыслящее тело, в мыслящее движение. Но это неудивительно, ибо разворот понятия мышления с самого начала удерживает в себе противоположности движения от объективных форм к субъективным и, наоборот, от субъективного к объективному. Процесс этого перехода не может быть понят в актах наблюдения, более того, само наблюдение оказывается зависимым от исповедуемых логических принципов — эти известные в истории философские сюжеты, естественно, повторились и в обсуждении этой узловой проблемы и в психологии, и в педагогике, и в физиологии высшей нервной деятельности.

Идеальное не менее загадочно, чем человеческая телесность, на неизведанность возможностей которой ссылался Спиноза. Эта древняя как мир проблема и по сей день определяет мировоззренческую позицию человека — даже психолога и философа. Ибо феноменальное ее обнаружение столь многообразно и столь сложно (сложено из широчайшего диапазона ее составляющих процессов, в той или иной мере уже известных науке), что мысль не способна удержать ее сложное единство, преисполненное противоположностями и противоречиями. Отсюда и отказ от самой мысли, уход в мистические и религиозные сюжеты, а по факту, поскольку практически эта проблема всегда актуальна, все дело оборачивается «ползучим эмпиризмом» тех научных исследований, которые, по идее, призваны поставить дело воспитания и обучения на серьезную научную основу.

В деле воспитания личности в условиях сенсорной недостаточности (слепоглухоты) Э. В. Ильенков получил самое серьезное подтверждение и позиции Спинозы и своей собственной, заключающейся в том, что телесная функция и функция мышления — это одна и та же функция, одна и та же форма, одно и то же движение.

Вот здесь и возникает вопрос: как возможна ситуация, в которой мышление существует объективно в формах (как форма) реальной материальной деятельности и, одновременно, субъективно — в форме способности субъекта. Для всякого знающего диалектическую форму разрешения противоречия тут проблемы нет: в составе действительности необходимо обнаружить такую реальную форму, которая могла бы удержать в своем содержательном составе развитые и всеобщие-необходимые моменты обоих противоположностей. Говоря языком диалектики, их снять. И потому ответ прост: эта ситуация, удерживающая одновременно существование обоих вступивших в логическое противоречие форм, есть реальное движение субъекта в объективно-реальных обстоятельствах его деятельности.

Действующий человек действует со знанием формы своей деятельности. Поэтому противоположные моменты разрешаемого противоречия не просто сосуществуют в снимающей их форме, но существуют в том их единстве, которое логически выражается как тождество. Тождество противоположностей.

Всеобщая форма культурно-исторической предметно-преобразовательной деятельности и есть то, что Ильенков, повторю, называет идеальной формой, которая дана и задана любому именно в форме всеобщей, значащей для всех и для каждого, но заданной через сознание и потому могущей быть «принятой» только сознанием. Именно она и представляет собой, своей идеальностью, объективную всеобщую форму деятельности общественно-исторического человека.

И потому же она должна быть способной разворачиваться внутри индивидуального сознания — *как форма деятельности.*

Как идеальная форма. Как мыслящая способность. Как мышление. Понятие есть свернутая теория, а теория — развернутое понятие. Гегель, а за ним и Маркс, великолепно обосновали и показали процесс «сворачивания» определений (характеристик) действительности в понятие, переход реального в идеальное. И, наоборот, идеального в материальное. Если нет формы понятия, если нет способности развернуть мысль в той последовательности и из того основания, в какой и из чего возникает и разворачивается сам предмет, то как его можно ввести в субъективность (в сознание, в душу) человека?

В противоречии всеобщего культурно-исторического содержания и способа его единично-индивидуального осуществления проявляется противоречие самой формы личностного бытия. Разрешение этого противоречия может происходить самым различным образом. Целое человеческого бытия, однако, исторически связывается различными синтезами. Но это всегда синтез противоположностей. Тожества противоположностей этот синтез достигает в такой организации общественного производства человека, в которой любая часть целого выражает и представляет собой все целое.

Личность снимает в своих личностных способностях историческую диалектику становления себя как личности, как личностной формы, категориально задаваемой каждому отдельному индивиду. Поэтому общественная целостность должна быть таковой, каковая представляет собой всеобщее условие развития каждого индивида. Именно здесь никакой другой индивид не выступает средством своего дела. Здесь имеет место всеобщая опосредованность каждого составом исторически выработанного идеального содержания действительности, представленного в субъективности каждого. Это общество умных людей, как говорит, повторю, Э. В. Ильенков. Умных, то есть способных к универсальному удержанию любой формы бытия и воспроизведению ее в своей свободной деятельности, более того

— к творению и развитию своего человеческого культурного мира.

Философия Э. В. Ильенкова захватывает все пространство человеческой действительности. Те истины, которые добываются им, всегда представлены им как естественно (диалектически) прорастающие в развивающемся содержании бытия. В этом проявляется гегелевская мысль, что истина не есть голый результат, но всегда дается вместе со своим становлением. Для Ильенкова такой путь — настолько важный момент, что рефлексия способа мышления, осуществляемая масштабом всей мировой классической философии, становится неотъемлемым моментом всего процесса рассуждения. Оттого, как мы мыслим, прямо зависит и результат мышления, зависит тот образ предмета, который мы познаем.

Исследования Ильенковым мышления — это целая глава в истории философии. Исследуя способность мышления как всеобщую культурно-историческую идеальную форму деятельности общественного человека, Ильенков и исследует эту деятельность в ее исходной, практически-преобразовательной форме. В той форме, в которой формируется человек и исторически развивается его сущность. Но для обыденного сознания, схематизмы которого господствуют и в науке, — это самый сложный пункт для понимания: оно толкует мышление как только субъективно-психическую деятельность, противопоставленную действительности и завязанную на структуру и физиологию высшей нервной деятельности.

Такая трактовка мышления, конечно, далека от истины. Форма добывающего истину мышления, т. е. истинного мышления, — этот вопрос всегда был в центре внимания философии. Он имеет место и в любой науке, ищущей истину. Потому у Ильенкова философия имплицитно присутствует в обсуждении всех проблем, а все эти проблемы для него носят сугубо человеческий, гуманистический характер.

И хотя Ильенков выделяет в качестве имеющих принципиальное значение для сознательного общественного развития как

бы только две науки, политэкономия и педагогика [14, с. 5—16], что, казалось бы, легко представимо, ибо они в первую очередь относятся к действительности общественного и индивидуально-личностного бытия, — на самом деле центральным вопросом для него всегда был вопрос истинной формы мышления.

С другой стороны, в центре интересов Ильенкова находится именно и только человеческая личность. Личность как идеал общественного развития, как самоцель истории и как действительность реального содержания общественных отношений. Она содержит в себе синтез всеобщих определенных культурно-исторической действительности и в их форме осуществляет себя. Поэтому идеал, говорит он, есть не отдаленное будущее, а принцип сегодняшнего дня. Как принцип он всегда утверждается здесь и теперь. И если целью деятельности образования не является личность, то такая позиция объективно направлена на разрушение истории, общественного целого. В такой ситуации неявно подменяется человеческий идеал.

Но начиная непосредственно анализировать вопрос «что же такое личность» [15, с. 387—415], Ильенков начинает с анализа логики, проблемы мышления, ибо «две логики — два подхода». Две логики — диалектическая и формальная — дают два образа личности. И полагаемые как цель, как идеал педагогической деятельности, эти образы определяют и различные способы самой образовательной деятельности. Здесь легко заметить, сколь внимателен Ильенков к логике мысли в любой проблеме, к той форме, которая позволяет понять суть вещи, о чем бы речь ни шла.

Да, две науки значимы в первую очередь для сознательного решения человеческих проблем, но всеми своими анализами Ильенков показывает, что без философии ни в этих науках, ни в человеческих делах, базирующихся на этих, и всех прочих, науках, делать нечего без философии. В одном из интервью [16] Ильенков обсуждает вопросы педагогики самой философии, и этим как

бы замыкает круг, движение идет не только от философии к педагогике, но и от педагогики, от личности к философии. К началам ума.

Присвоить всеобщую форму развития культурно-исторического бытия в качестве собственной меры отношения к этому бытию есть принципиальная позиция личностного бытия в мире, и одновременно — мера своего собственного самосознания, его критической позиции к самому себе. Что, по Ильенкову, и совпадает с принципом коммунизма. Здесь не поможет рассудочный прагматизм.

Лишь проникший в существо всего Ильенковского творчества увидит, сколь последовательно выстраиваются проблемы, ведущие его исследовательский поиск. При первом чтении умный читатель, не ищущий золотого ключика, столкнувшись с Ильенковым, конечно, не может не столкнуться и с самим собой. Не может не усомниться в привычных схематизмах своих суждений, уложенных в свою субъективность всем складом общественного сознания, культивируемым от семьи и детского сада до вуза и академических ученых степеней.

Вошедший в пространство Ильенковских размышлений не может не почувствовать себя в той самой атмосфере, которую хочется назвать глубочайшим синтезом культуры ума и чувств, в той философии, которая и есть мыслящая форма самосознания человечества. «Э. В. Ильенков — это далеко не только классическая определенность философских проблем. От него идут глубокие линии в различные пласты культуры — в науку, искусство, экономику, психологию, педагогику, эстетику, этику. Даже в политику. Там, где знание, культурно-творческая деятельность сталкивается с классикой, там действительность сталкивается с Ильенковым» [4, с. 175].

Литература

1. Эвальд Васильевич Ильенков / Под ред. В. И. Толстых. М.: РОССПЭН, 2008. 431 с.
2. Ильенков Э. В. Откуда берется ум? // Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. 464 с.

(Мыслители XX века).

3. **Ильенков Э. В.** Учиться мыслить! // Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. 464 с. (Мыслители XX века).

4. **Лобастов Г. В.** Философия Э. В. Ильенкова: к семидесятипятилетию со дня рождения // Вопросы философии. М.: Институт философии РАН. 2000. № 2. С. 169—175.

5. **Вишневский Януш Леон.** На фейсбуке с сыном: сюрреалистическая история. М.: АСТ, 2013. 384 с.

6. **Мареев С. Н.** Э. В. Ильенков: жизнь философией. М.: Академический проект; Трикта, 2015. 327 с.

7. **Ильенков Э. В.** Космология духа // Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. 464 с. (Мыслители XX века).

8. **Лобастов Г. В.** От космологии духа до психологии сознания (начала и концы философии Э. В. Ильенкова) // Вопросы философии. М.: Институт философии РАН. 2019. № 10. С. 142—153.

9. **Ильенков Э. В.** Об идолах и идеалах. 2-е изд. К.: Час-Крок, 2006. 312 с.

10. **Ильенков Э. В.** Идеальное и идеал // Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. 464 с. (Мыслители XX века).

11. **Ильенков Э. В.** Античная диалектика как форма мысли // Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. 464 с. (Мыслители XX века).

12. **Ильенков Э. В.** Собрание сочинений: в 10 т. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация». Т. 1: Абстрактное и конкретное. 2019. 463 с.

13. **Ильенков Э. В.** Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М.: РОССПЭН, 1997. 464 с.

14. **Новохатько А. Г.** Феномен Ильенкова // Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. 464 с. (Мыслители XX века).

15. **Ильенков Э. В.** Так что же такое личность? // Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. 464 с. (Мыслители XX века).

16. **Ильенков Э. В.** Клуб философов и философия в клубе // От философии до педагогики / Ред., сост. Г. В. Лобастов. М.: СГУ, 2015. С. 506—518.

sjurrealistischeskaja istorija. M.: AST, 2013. 384 s.

6. Mareev S. N. Je. V. Il'enkova: zhit' filoso-fiej. M.: Akademicheskij proekt; Triksa, 2015. 327 s.

7. Il'enkova Je. V. Kosmologija duha // Filoso-fija i kul'tura. M.: Politizdat, 1991. 464 s. (Mysli-teli XX veka).

8. Lobastov G. V. Ot kosmologii duha do psi-hologii soznaniya (nachala i koncy filosofii Je. V. Il'enkova) // Voprosy filosofii. M.: Insti-tut filosofii RAN. 2019. № 10. S. 142—153.

9. Il'enkova Je. V. Ob idolah i idealah. 2-e izd. K.: Chas-Krok, 2006. 312 s.

10. Il'enkova Je. V. Ideal'noe i ideal // Filoso-fija i kul'tura. M.: Politizdat, 1991. 464 s. (Mysli-teli XX veka).

11. Il'enkova Je. V. Antichnaja dialektika kak for-ma mysli // Filosofija i kul'tura. M.: Politizdat, 1991. 464 s. (Mysliteli XX veka).

12. Il'enkova Je. V. Sbranie sochinenij: v 10 t. M.: Kanon+ ROOI «Reabilitacija». T. 1: Abstraktnoe i konkretnoe. 2019. 463 s.

13. Il'enkova Je. V. Dialektika abstraktnogo i konkretnogo v nauchno-teoreticheskom myshlenii. M.: ROSSPJeN, 1997. 464 s.

14. Novohat'ko A. G. Fenomen Il'enkova // Filosofija i kul'tura. M.: Politizdat, 1991. 464 s. (Mysliteli XX veka).

15. Il'enkova Je. V. Tak chto zhe takoe lichnost'? // Filosofija i kul'tura. M.: Politizdat, 1991. 464 s. (Mysliteli XX veka).

16. Il'enkova Je. V. Klub filosofov i filosofija v klube // Ot filosofii do pedagogiki / Red., sost. G. V. Lobastov. M.: SGU, 2015. S. 506—518.

Submitted 05.11.2019

Lobastov Gennadiy V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor; professor of Philosophy Department, Moscow Aviation Institute (National Research University) — MAI (4, Volokolamskoe shosse, Moscow, 125993, Russia), lobastov.g.v@yandex.ru

Поступила 05.11.2019

Лобастов Геннадий Васильевич — д.ф.н., профессор, профессор кафедры философии Московского авиационного института (национальный исследовательский университет) — МАИ, Президент Российского философского общества «Диалектика и культура», lobastov.g.v@yandex.ru

References

1. Jeval'd Vasil'evich Il'enkova / Pod red. V. I. Tolstyh. M.: ROSSPJeN, 2008. 431 s.

2. Il'enkova Je. V. Otkuda beretsja um? // Filoso-fija i kul'tura. M.: Politizdat, 1991. 464 s. (Mysli-teli XX veka).

3. Il'enkova Je. V. Uchit'sja myslit'! // Filoso-fija i kul'tura. M.: Politizdat, 1991. 464 s. (Mysli-teli XX veka).

4. Lobastov G. V. Filosofija Je. V. Il'enkova: k semi-desjatiptjatiletiju so dnja rozhdenija // Vopro-sy filosofii. M.: Institut filosofii RAN. 2000. № 2. S. 169—175.

5. Vishnevskij Janush Leon. Na fejsbuke s synom:

Эссенциальная, экзистенциальная и синергийная антропология VS трансгуманизм и искусственный интеллект

Essential, existential and synergistic anthropology VS transhumanism and artificial intelligence

И. Ю. Привалова

I. Yu. Privalova

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

privalova911@rambler.ru

Исследуется содержание текущих философских тенденций трансгуманизма сквозь призму эссенциальной, экзистенциальной и синергийной антропологии. Показывается несовместимость идей трансгуманизма, воплощенных в практике создания так называемого «сильного искусственного интеллекта», с вышеприведенными разновидностями антропологии. Анализируются содержательные аспекты исихастской практики, как основы синергийной антропологии.

Ключевые слова: антропология; синергия; божественные энергии; Бог; исихазм; эссенциальная антропология; экзистенциальная антропология; синергийная антропология, трансгуманизм, «сильный искусственный интеллект»; деантропологизация.

This article explores the current philosophical trends of transhumanism through the prism of essential, existential and synergistic anthropology. The incompatibility of transhumanism ideas embodied in the practice of creating so-called strong artificial intelligence with the above varieties of anthropology is shown. The pithy aspects of ishihast practice as the basis of synergistic anthropology are analyzed.

Keywords: Anthropology; Synergy; Divine energies; God; ishihast practice; Essential Anthropology; existential anthropology; synergistic anthropology, transhumanism, strong artificial intelligence; deanthropization.

Сегодня, в условиях многократного увеличения темпов технического прогресса и активного развития сферы технологий искусственного интеллекта, как никогда раньше актуализируется проблема трансгуманизма. В этой связи на передний план выдвигается потребность в философском осмыслении данного феномена, которое невозможно без обращения к философской антропологии. Попробуем

рассмотреть эволюцию различных антропологических концепций в историко-философском процессе, что в свою очередь позволит нам подойти к проблеме трансгуманизма, вооружившись знанием природы человека.

Классическая философская антропология, начиная с Аристотеля, двигаясь затем к Декарту, олицетворяла собой так называемый сущностный (или эссенциальный)

подход к изучению человека, основным посылом которого было выделение стабильных субъектных оснований личности человека, как бы составляющих его сущность (эссенцию). Однако сегодня существует еще и так называемая экзистенциальная антропология (Хайдеггер, Фуко и др.), утверждающая некорректность рассмотрения человека, как эссенции, в связи с его принципиальной изменчивостью и незавершенностью. Здесь человек — это «человек становящийся», перманентно конструирующий и конституирующий себя во времени и пространстве.

Долгое время в христианском богословии существовало некое сущностно-ипостасийное понимание Бога, но в XIV веке при помощи Григория Паламы произошло окончательное утверждение такого содержания тринитарного богословия, согласно которому в Боге есть различие между сущностью, ипостасью и энергией. Чтобы подойти к еще одному виду антропологии, необходимо отметить, что православное христианство в свое время породило духовную практику особого рода, именуемую исихазмом, в которой одним из центральных понятий является понятие «синергия», понимаемое как объединение тварных человеческих энергий и нетварных энергий Бога.

С этой точки зрения исихастская практика является по сути новой антропологической моделью, в рамках которой раскрывается специфический способ организации энергий в человеке. Механизм, выводящий человека к предельным горизонтам его сознания посредством управления этими энергиями, работает в направлении отыскания новых форм общения с Богом, подключения к каналу энергий божественных. Обретение человеком состояния синергетического взаимодействия с нетварными божественными энергиями происходит посредством вхождения человека в так называемое «умное делание», под которым в христианской аскетике понимается особая форма творения Иисусовой молитвы. Важнейшим атрибутом этой молитвы является ее непрестанный характер. А непрестанность,

в свою очередь, достигается путем сопряжения молитвенного акта со вниманием. Исихастский феномен внимания представляет собой внутренне многообразный объект, в коем различаются, например, такие его формы, как: внимание сердца, стража сердца, внимание ума, стража ума, бдительность и трезвение. Подобное многообразие форм внимания выделяется исихастами с целью максимального ограждения молитвенного акта человека от внешних помех. Если предельная концентрация всех форм внимания достигнута человеком, то происходит многократное увеличение интенсивности молитвы, посредством которого осуществляется выход человека на границу своего сознания. Весьма показательной в рамках нашего дискурса является синонимичность понятий «граница» и «предел», так как выходя на границу своего сознания и бытия, человек тем самым определяет то, чем он по сути и является, то есть происходит некое самоопределение человека. Человек, не предпринимающий подобных попыток, не в состоянии, таким образом, приблизиться к пониманию самого себя или, иными словами, не занимается самопознанием, вследствие которого только и возможно саморазвитие.

Попав на границу собственного сознания, человек сталкивается с возможностью соприкоснуться с неким инобытием, коим в нашем случае очевидно выступает Бог. Приближение к границе своего сознания и последующий выход на нее знаменуют собой процесс самооткрытия системы (человека), что делает возможным соприкосновение с энергиями иного вида (божественными энергиями), которые, в свою очередь, вступают в синергетическое взаимодействие с внутренними энергиями человека. Результатом этого процесса может стать более высокий уровень сложности и организованности открытой системы (человека), его совершенствование.

Следует полагать, что в сравнении с предыдущими эпохами новейшее время характеризуется большей неопределенностью и непредсказуемостью окружающей среды, все возрастающим потоком информации

и, как следствие, неспособностью человека контролировать все жизненные процессы посредством сугубо рациональных инструментов. В этой связи человек вынужден прибегать к иррациональным аспектам собственного бытия, обращаться к трансперсональным, медитативным и духовным практикам разного рода. Находясь на этой стадии развития сознания, он открывает для себя инобытийный духовный мир. Такого человека, очевидно, можно рассмотреть с точки зрения синергийной антропологии, основанной С. С. Хоружим, который также критикует классическую европейскую антропологию, воспринимающую человека в качестве сущности, эссенции [6].

В классической антропологии человек понимается устойчивым, инвариантным субъектом познания, которому в познавательном процессе необходимо лишь правильно избрать метод познания. Однако же синергийная антропология базируется на понимании человека в качестве набора разнонаправленных энергий, понимаемых широко. Согласно синергийной антропологии, в определенных условиях человек способен как бы «разомкнуть» себя, с целью открыться навстречу действию Божественной энергии (благодати). В процессе синергетического смыкания божественной энергии с энергией самого человека, совершается высший акт самопознания человека, означающего перемену ума (покаяние). Чтобы познать Истину человек должен открыться (разомкнуться) навстречу Божественной энергии, соработничать с ней и, как следствие, качественно измениться [3]. Данная концепция базируется на опыте православного исихазма, достаточно подробно описанного выше.

Из всего сказанного очевидно, что в настоящее время имеет место тенденция смены типов антропологии с сущностного (эссенциального) в пользу экзистенциального и синергийного.

Понимание эволюционных особенностей антропологического дискурса в историко-философском процессе позволяет нам сформировать определенное отношение

к трансгуманистическим тенденциям, активно проявляющим себя в настоящий исторический момент. Согласно идеям трансгуманизма, человек все дальше удаляется от собственной материально-биологической природы, постепенно трансформируя ее и заменяя на искусственно-технологическую. Формально-теоретически трансгуманисты будто бы апеллируют к экзистенциальной антропологии, упоминая о некой незавершенности человека, о том, что человек продолжает развиваться и т. п. [1]. Однако, по сути, это лишь иллюзорная принадлежность трансгуманистов к экзистенциальной и синергийной антропологии, так как лишая живого человека его естественно-биологической природы в той или иной степени, они разрушают и тот многообразный, живой, энергийный пласт, который ею (природой) продуцируется. Таким образом, идеи трансгуманизма фактически не согласуются не только с экзистенциальной и синергийной антропологией, но даже и с эссенциальной, так как разрушают природную инвариантную компоненту сущности человека. Искусственный интеллект в своей «сильной» форме, понимаемый как создание искусственной личности посредством переноса информации мозга на компьютерный носитель, выступая потенциальным апогеем развития трансгуманистических тенденций, имеет перспективы полного вытеснения настоящего человека из социума будущего, как неконкурентоспособного. Постчеловек, как объект смешения двух природ (естественной и искусственной), стирает границу между человеком и машиной. Встает вопрос о субъектности человека-киборга. В современных условиях наблюдается процесс постепенной утраты человеком статуса индивидуума в силу аутовиртуализации, проявляющейся, в частности, разделением целостной личности на отдельные ситуативно-обусловленные роли-личины (аватарки, ники в соцсетях etc). Идет процесс превращения индивидуума в дивидуума [2], а у трансгуманистского человека-киборга этот процесс и вовсе рискует выйти из-под контроля, тем самым, возможно, положив

начало тотального расчеловечивания или деантропологизации.

С точки зрения христианского богословия, конечной целью эволюции человека является его обожение. Достижение состояния обожения невозможно без возвращения человеком своей первоначальной цельности, которая была утрачена вследствие первородного греха. Обретение цельности человека через выстраивание собственной правильной иерархической структуры «тело-душа-дух», где дух является вершиной иерархии, возможно только посредством соприкосновения человеческих энергий с энергиями божественными в процессе их синергетического взаимодействия. Эта функциональная схема описывается в рамках концепции синергийной антропологии. Идеи трансгуманизма вступают в очевидное противоречие с данной концепцией, что делает их абсолютными оппонентами на антропологическом поле.

Принимая в рассмотрение все вышесказанное, мы с необходимостью приходим к выводу о существенной угрозе человечеству со стороны трансгуманистической апологетики. Философская антропология во всех своих концептуальных разновидностях настаивает на необходимости признания опасности феномена трансгуманизма, способного привести к расчеловечению человека.

Литература

1. **Бостром Н.** Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / Пер. с англ. С. Филина. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 496 с.
2. **Делез Жиль.** Переговоры. СПб.: Наука, 2004. 234 с.
3. **Привалова И. Ю.** «Новый» человек и организации будущего в свете синергийной антропологии // Пятые Декартовские чтения «Декартовский дуализм и современная картина мира»: Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (15–16 ноября 2018, Москва, Зеленоград) / Под общ. ред. А. И. Пирогова и Т. В. Растимешин. Ч. 1. М.: МИЭТ, 2018. С. 151–155.
4. **Фуко М.** Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1977. 489 с.
5. **Хайдеггер М.** Время и бытие: Статьи и выступления / Сост., пер. с нем. и комм. В. В. Библина. М.: Республика, 1993. 447 с.
6. **Хоружий С. С.** Фонарь Диогена: критическая ретроспектива европейской антропологии. М.: Ин-т

философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. 688 с. (Bibliotheca Ignatiana. Богословие. Духовность. Наука).

Поступила 15.11.2019

Привалова Ирина Юрьевна, кандидат философских наук, Доцент кафедры философии, социологии и политологии Национального исследовательского университета «Московский институт электронной техники» (Россия, 124498, г. Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, 1), privalova911@rambler.ru

References

1. Bostrom N. Iskusstvennyj intellekt. Jetapy. Ugrozy. Strategii / Per. s angl. S. Filina. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2016. 496 s.
2. Delez Zhi'. Peregovory. SPb.: Nauka, 2004. 234 s.
3. Privalova I. Ju. «Novyj» chelovek i organizacii budushhego v svete sinergijnoj antropologii // Pjatyje Dekartovskie chtenija «Dekartovskij dualizm i sovremennaja kartina mira»: Mat-ly mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (15–16nojabrja 2018, Moskva, Zelenograd) / Pod obshh. red. A. I. Pirogova i T. V. Rastimeshinoj. Ch. 1. M.: MIJeT, 2018. S. 151–155.
4. Fuko M. Slova i veshhi. Arheologija gumani-tarnyh nauk. M.: Progress, 1977. 489 s.
5. Hajdegger M. Vremja i bytie: Stat'i i vystuplenija / Sost., per. s nem. i komm. V. V. Bibihina. M.: Respublika, 1993. 447 s.
6. Horuzhij S. S. Fonar' Diogena: kriticheskaja ret-rosppektiva evropejskoj antropologii. M.: In-t filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2010. 688 s. (Bibliotheca Ignatiana. Bogoslovie. Duhovnost'. Nauka).

Submitted 15.11.2019

Privalova Irina Yu., Ph.d. (philos.), Associate Professor, Department of philosophy, sociology and political science, National research University "Moscow Institute of electronic technology. Shokin Square, 1, 124498, Moscow, Zelenograd, Russian Federation), privalova911@rambler.ru

**ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КООРДИНАТ:
ОБРАЗОВАНИЕ, ВОСПИТАНИЕ, РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА
PEDAGOGICAL REFERENCE SYSTEM:
EDUCATION, UPBRINGING, PERSONAL GROWTH**

УДК 796.011

DOI: 10.24151/2409-1073-2019-4-143-148

**Уровень и динамика физической подготовленности студентов МИЭТ
при конкурсном отборе на военную кафедру**

**The level and dynamics of physical preparedness of students of MIET
in the competitive selection for military department**

В. Г. Королёв, В. В. Бардушкин

V. G. Korolev, V. V. Bardushkin

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва

National Research University of Electronic Technology, Moscow

gkoroleva@list.ru

В статье проведен анализ физической подготовленности студентов второго, третьего курсов и магистрантов, желающих обучаться на военной кафедре, в период с 2012 по 2018 годы. Результаты тестирования, характеризующие скоростные (бег на 100 м), общие физические (бег на 1000 м) и силовые (подтягивание из виса на высокой перекладине) качества конкурсантов, позволили оценить уровень их физической подготовленности. Исследования выявили низкие показатели развития физических качеств, в первую очередь выносливости, как у студентов второго, третьего курсов, так и магистрантов. Во всех видах испытаний отмечена отрицательная динамика в значениях показателей физической подготовленности конкурсантов, проявляющаяся в снижении процента отличных оценок и увеличении процента неудовлетворительных. Даны рекомендации по улучшению сложившейся ситуации.

Ключевые слова: физическая подготовленность; студенты; магистранты; физические качества; тестирование; нормативы; здоровье.

The article analyzes the physical preparedness of second and third year students and first-year graduate students of MIET who wish to study at the military department, from 2012 to 2018. The test results, characterizing the speed (running 100 m), general physical (running 1000 m) and power (pulling up from a hang on a high crossbar) qualities of the contestants, allowed us to assess the level of their physical preparedness. Studies have revealed low level of the development of physical qualities, primarily endurance, both in second and third year students, and graduate students. In all types of tests, there was a negative dynamics in the values of the physical preparedness of the contestants, manifested in a decrease in the percentage of excellent marks and an increase in the percentage of unsatisfactory. Recommendations are given to improve the current situation.

Keywords: physical preparedness; students; graduate students; contest selection; physical qualities; tests; normatives; health.

Профессиональная деятельность инженерно-технического состава Вооруженных сил Российской Федерации в современных условиях предъявляет повышенные требования к состоянию здоровья военнослужащих. Только здоровые люди в состоянии эффективно усваивать полученные знания. Однако за последние десятилетия заметно ухудшилось состояние здоровья и снизился уровень физической подготовленности населения России. Так, по данным Министерства здравоохранения России только 14 % обучающихся старших классов считаются практически здоровыми. Свыше 40 % допризывной молодежи не соответствует требованиям, предъявляемым армейской службой, в том числе в части выполнения минимальных нормативов физической подготовки [1].

В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации № 152 от 6 марта 2008 года в Национальном исследовательском университете «МИЭТ», начиная с 2012 года, проводится конкурсный отбор студентов второго курса бакалавриата, желающих пройти обучение на военной кафедре по программам подготовки офицеров запаса. Кроме того, по программам подготовки прапорщиков в конкурсном отборе принимают участие также магистранты первого курса (с 2017 года) и студенты третьего курса бакалавриата (с 2018 года).

Методы и организация исследования. Целью исследования является изучение уровня и динамики физической подготовленности студентов Национального исследовательского университета «МИЭТ», изъявивших желание пройти подготовку на военной кафедре, в период с 2012 по 2018 годы.

Методы исследования: педагогические наблюдения, анализ учебного процесса обучения студентов, статистическая обработка данных методом наименьших квадратов (применялась при исследовании динамики физической подготовленности).

Все студенты, участвующие в отборе, проходят медицинское освидетельствование для определения годности к военной службе. Для оценки физической подготовленности конкурсанты выполняют три теста, которые характеризуют их скоростные (бег на 100 м), общие физические (бег на 1000 м) и силовые (подтягивание из виса на высокой перекладине) качества. Тестирование проводится в спортивной одежде на стадионе. Все участники конкурса стремятся показать максимальный результат.

С 2012 по 2018 годы в тестировании студентов второго курса приняли участие: в беге на 100 м — 1570 человек, в беге на 1000 м — 1566, в подтягивании из виса на высокой перекладине — 1572. При этом количество испытуемых, в зависимости от года и вида испытания, варьировалось в пределах от 186 (2014, бег на 1000 м) до 278 человек (2016, все три вида). В период с 2017 по 2018 годы в конкурсном отборе среди магистрантов первого курса приняли участие 53 человека, а в 2018 году в тестировании студентов третьего курса — 60 человек. Таким образом, выборочные данные по студентам второго курса являлись представительными, т.к. их объемы были больше 60 человек в каждом году исследуемого периода (2012—2018). Это позволило при анализе динамики физической подготовленности применять статистическую обработку выборок методом наименьших квадратов.

В Вооруженных силах Российской Федерации физическую подготовленность принято оценивать по таблице оценки физической подготовленности военнослужащих. Все виды испытаний оцениваются по таблице начисления баллов за выполнение упражнений по физической подготовке [2]. Отметим, что в военном многоборье низкие результаты в одних видах испытаний можно компенсировать высокими результатами в других, но при этом в каждом упражнении необходимо преодолеть пороговый

минимум. В современном же Всероссийском физкультурно-спортивном комплексе «Готов к труду и обороне» (ГТО), чтобы стать обладателем какого-либо знака надо успешно выполнить все обязательные виды испытаний, а они порой значительно превышают пороговый минимум для военнослужащих. Например, в военном троеборье можно стать отличником по физической подготовленности с результатом 15,4 сек

в беге на 100 м, а чтобы выполнить норматив на золотой знак ГТО надо эту же дистанцию пробежать за 13,1 сек и быстрее [3, 4].

В данном исследовании оценка уровня физической подготовленности в отдельных видах испытаний проводилась согласно «Наставлению по физической подготовке в Вооруженных силах РФ», составленному по приказу министра обороны № 631 от 31.12.2000 года (табл. 1) [5].

Таблица 1

Оценки результатов в видах испытаний

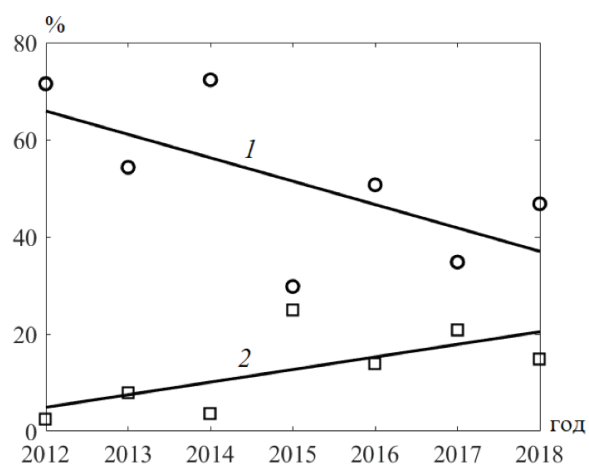
Вид испытания	Оценка (в баллах) физической подготовленности			Пороговый минимум
	5	4	3	
Бег на 100 м (сек)	14,0	14,5	15,2	15,4
Бег на 1000 м (мин.сек)	3.20	3.35	3.55	4.24
Подтягивание (количество раз)	14	12	10	4

Отметим несоизмеримость интервалов между результатами на оценку 3 балла и пороговым минимумом в разных видах испытаний (см. табл. 1). В подтягивании из виса на высокой перекладине отношение этого интервала к результату на 3 балла составляет 60 %, в беге на 1000 м — 12,3 %, а в беге на 100 м — всего 1,3 %.

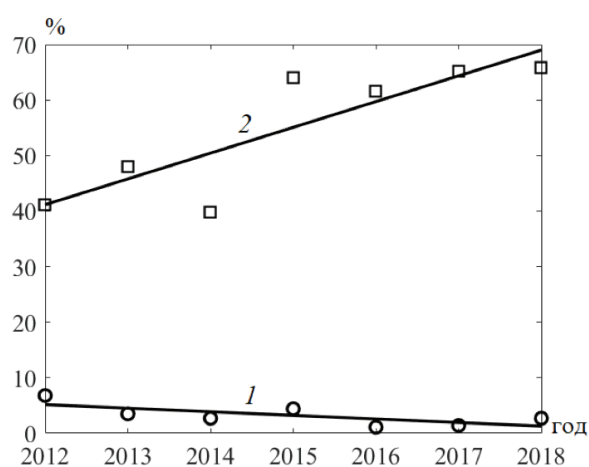
Результаты и их обсуждение. На рис. 1 представлены результаты контрольных испытаний студентов второго курса в беге на 100 и 1000 м, а также в подтягивании из виса на высокой перекладине. Значения, отложенные на осях абсцисс этих графиков, соответствуют году тестирования. Кружочки на всех графиках соответствуют процентным значениям на оценку «5», а квадратики — на оценку «2» (от общего числа тестируемых в соответствующем году студентов). Кроме того, на рис. 1 в треугольники соответствуют процентным значениям студентов, которые не смогли подтянуться ни разу. Для наглядного представления об основных тенденциях изучаемых временных рядов на все диаграммы рассеивания нанесены прямые, полученные методом наименьших квадратов. Прямые 1 соответствуют «осредненным» процентным

показателям на оценку «5», прямые 2 — на оценку «2», а прямая 3 на рис. 1 в — указывает на процентную тенденцию у студентов второго курса, которые не могли подтянуться ни разу.

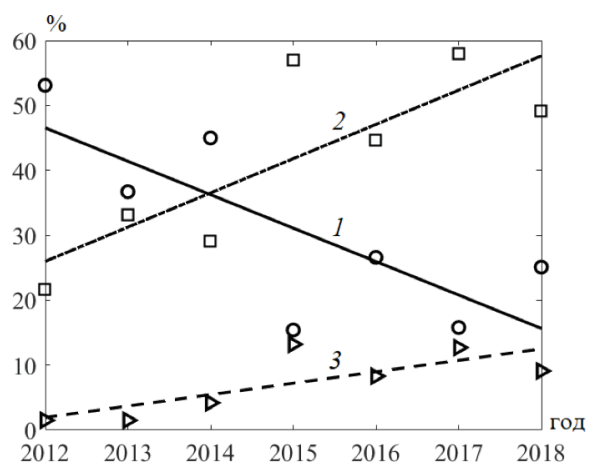
Несмотря на короткий период исследований, во всех видах испытаний наблюдается одинаковая тенденция изменений физической подготовленности студентов второго курса. Из года в год снижается процент отличных результатов и увеличивается процент неудовлетворительных. Наиболее высокие оценки конкурсанты получили в беге на 100 м, что с одной стороны свидетельствует о хорошей скоростной подготовленности, а с другой — о заниженных нормативах. Например, в подтягивании из виса на высокой перекладине нормативы для военнослужащих практически совпадают с нормативами современного комплекса ГТО, а в беге на 100 м значительно им уступают. Для военнослужащих норматив на оценку отлично в беге на 100 м равен 14,0 сек, на оценку удовлетворительно 15,2 сек, а нормативы на золотой и бронзовый знаки ГТО — 13,1 и 14,4 сек соответственно [3, 4, 6].

а

б

в

Рис. 1. Уровень и динамика физической подготовленности студентов второго курса в беге на 100 м (а), 1000 м (б) и подтягивании на перекладине (в)

В подтягивании из виса на высокой перекладине, начиная с 2015 года, около 10 % участников конкурсного отбора были не в состоянии подтянуться даже один раз. Однако наибольшую тревогу вызывает низкий уровень выносливости современных студентов [7–9]: менее 3 % конкурсантов в беге на 1000 м в 2016 – 2018 годах выполнили нормативы на оценку «отлично».

Анализируя значения, представленные на рис. 1, можно отметить, что, как правило, наиболее низкие процентные показатели

для отличных оценок и, наоборот, самые высокие для неудовлетворительных были продемонстрированы студентами второго курса в 2015 году. Это было обусловлено тем, что на результаты испытаний дополнительно отрицательно повлияли погодные условия – температура воздуха была близка к 0 °С, шел слабый дождь.

В табл. 2 приведены результаты студентов второго, третьего курсов и магистрантов, показанные в 2017 и 2018 годах.

Таблица 2

Результаты студентов второго, третьего курсов и магистрантов, %

Вид испытания	Категория испытуемых	Оценка		Подтянулись 0 раз
		5	2	
Бег на 100 м	Студенты 2 курса	41,3	17,6	—
	Магистранты	47,2	11,3	—
	Студенты 3 курса	58,3	16,7	—
Бег на 1000 м	Студенты 2 курса	2,1	65,5	—
	Магистранты	1,9	73,6	—
	Студенты 3 курса	3,3	73,3	—
Подтягивание	Студенты 2 курса	20,9	53,1	10,7
	Магистранты	18,9	52,8	5,7
	Студенты 3 курса	13,3	56,7	15,0

В беге на 100 м результаты магистрантов оказались выше, чем у студентов второго курса. В подтягивании из виса на высокой перекладине отличных оценок у магистрантов на 2 % меньше, неудовлетворительных практически столько же, а тех кто не смог подтянуться хотя бы один раз у студентов второго курса на 5 % больше. В беге на 1000 м студенты второго курса показали очень низкие результаты. Еще хуже дела обстоят у магистрантов, а ведь уровень выносливости является прямым показателем здоровья человека.

Несмотря на возрождение Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса ГТО, состояние здоровья и уровень физической подготовленности выпускников школ и студентов неуклонно снижается.

В исследуемом периоде во всех видах испытаний у конкурсантов наблюдается уменьшение процента отличных оценок и увеличение процента неудовлетворительных. При этом в подтягивании возрастает доля студентов, которые не могут

подтянуться даже один раз. Аналогичная тенденция наблюдалась при тестировании выносливости студентов-юношей младших курсов МИЭТ в 1998 – 2008 годах. В то же время, в беге на 100 м и подтягивании наряду с увеличением процента неудовлетворительных результатов был зафиксирован рост процента отличных [7].

Заметим также, что результаты магистрантов, у которых более одного года отсутствовали обязательные занятия по практической физической культуре, и студентов третьего курса мало чем отличаются от аналогичных показателей студентов второго курса.

В заключение статьи следует отметить, что для улучшения сложившейся ситуации в школах и вузах необходимо проведение более эффективной работы по внедрению комплекса ГТО в программу дисциплины «Физическая культура». Возможно, это потребует от учебных заведений отказа от сдачи нормативов комплекса ГТО на добровольной основе и внедрения обязательной формы подобного тестирования.

Литература

1. Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года. <http://docs.cntd.ru/document/902169994>. Дата обращения: 12.08.2019 г.
2. Приложение № 14 к Наставлению по физической подготовке в Вооруженных силах Российской Федерации. Список изменяющихся документов (в редакции Приказа Министра обороны РФ от 31.07.2013 № 560).
3. **Королёв В. Г., Бардушкин В. В.** Анализ эквивалентности нормативов для оценки уровня физической подготовленности студентов и военнослужащих // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2015. № 3 (7). С. 63–70.
4. **Королёв В. Г., Бардушкин В. В.** Оценка физической подготовленности студентов для прохождения военной подготовки в вузе // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2017. № 2 (14). С. 63–69.
5. «Наставление по физической подготовке в Вооруженных силах РФ», введено приказом Министра обороны № 631 от 31.12.2000 г.
6. **Королёв В. Г., Бардушкин В. В.** Всероссийский физкультурно-спортивный комплекс «Готов к труду и обороне» и физическая подготовленность студентов МИЭТ // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2016. № 1 (9). С. 76–82.
7. **Королев В. Г., Бардушкин В. В.** Физическая подготовленность студентов-юношей младших курсов и ее динамика в процессе обучения в техническом университете // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2011. № 1. С. 58–62.
8. **Кокарев Д. А.** Совершенствование подготовки студентов к сдаче норм ГТО на основе функционального многоборья (кроссфита) // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2017. № 4. С. 36–42.
9. **Шутова Т. Н.** Физкультурно-оздоровительные технологии как средство подготовки студентов индустрии спорта и туризма к выполнению комплекса ГТО // Педагогический опыт: теория, методика, практика. 2016. № 4 (9). С. 361–365.

Поступила 12.08.2019

Королёв Василий Геннадьевич — доцент кафедры физического воспитания Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1). Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, gkoroleva@list.ru

Бардушкин Владимир Валентинович — доктор физико-математических наук, доцент, профессор кафедры «Высшая математика № 2» Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), bardushkin@mail.ru

References

1. Ob utverzhdenii Strategii razvitiya fizicheskoy kul'tury i sporta v Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda. <http://docs.cntd.ru/document/902169994>. Data obrashheniya: 12.08.2019 g.
2. Prilozhenie № 14 k Nastavleniju po fizičeskoj podgotovke v Vooruzhennyh silah Rossijskoj Federacii. Spisok izmenjajushhihsja dokumentov (v re-dakcii Prikaza Ministra oborony RF ot 31.07.2013 № 560).
3. Korol'ov V. G., Bardushkin V. V. Analiz jekvi-valentnosti normativov dlja ocenki urovnja fiziche-skoj podgotovlennosti studentov i voennosluzhashhih // Jekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issle-dovaniya. 2015. № 3 (7). S. 63–70.
4. Korol'ov V. G., Bardushkin V. V. Ocenka fizičeskoj podgotovlennosti studentov dlja prohozhdenija voennoj podgotovki v vuze // Jekonomicheskie i so-cial'no-gumanitarnye issledovaniya. 2017. № 2 (14). S. 63–69.
5. «Nastavlenie po fizicheskoy podgotovke v Vooruzhennyh silah RF», vvedeno prikazom Mini-str oborony № 631 ot 31.12.2000 g.
6. Korol'ov V. G., Bardushkin V. V. Vserossijskij fizkul'turno-sportivnyj kompleks «Gotov k trudu i oborone» i fizicheskaja podgotovlennost' studentov MIJeT // Jekono-micheskie i social'no-gumanitarnye issledovaniya. 2016. № 1 (9). S. 76–82.
7. Korolev V. G., Bardushkin V. V. Fizicheskaja podgotovlennost' studentov-junoshej mladshih kur-sov i ee dinamika v processe obuchenija v tehničeskom uni-versitete // Fizicheskaja kul'tura: vospitanie, obrazovanie, trenirovka. 2011. № 1. S. 58–62.
8. Kokarev D. A. Sovershenstvovanie podgotovki studentov k sdache norm GTO na osnove funkcio-nal'nogo mnogobor'ja (krossfita) // Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Fizicheskaja kul'tura. Sport. 2017. № 4. S. 36–42.
9. Shutova T. N. Fizkul'turno-ozdorovitel'-nye tehnologii kak sredstvo podgotovki studentov industrii sporta i turizma k vypolneniju kompleksa GTO // Pedagogicheskij opyt: teorija, metodika, prak-tika. 2016. № 4 (9). S. 361–365.

Submitted 12.08.2019

Korolev Vasily G., associate Professor of the Department of physical education Of the national research University «MIET» (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokina square, 1). Honorary worker of higher professional education of the Russian Federation, gkoroleva@list.ru

Batushkin Vladimir V., doctor of physical and mathematical Sciences, associate Professor, Professor of the Department «Higher mathematics No. 2» Of the national research University «MIET» (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokina square, 1), bardushkin@mail.ru

Инновационные подходы к структурированию содержания индивидуальных образовательных маршрутов обучения

Innovative approaches to structuring the content of individual educational learning routes

В.Д. Колдаев

V.D. Koldaev

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

koldaev.v@mail.ru

Обобщен опыт реализации личностно-ориентированного подхода при формировании структурно-содержательной модели учебного процесса в вузе. Рассмотрены инновационные технологии построения моделей предметной области, ориентированные на креативный уровень обучения и проектирования систем управления учебным процессом; *сформулированы принципы* организации учебного процесса, используемые при моделировании индивидуальных маршрутов в рамках современной образовательной парадигмы. Определены направления создания инновационных учебных планов для прогнозирования состояния образовательной системы вуза и принятия оптимальных стратегий обучения.

Ключевые слова: субъектно-центрированные модели; учебный процесс; индивидуальный образовательный маршрут; технологии обучения; инновационные методы; образовательная парадигма.

The experience of implementation of personality-oriented approach in the formation of the structural and content model of the educational process at the University is generalized. The technologies of building models of the subject area, focused on the creative level of presentation of the material and design of management systems of the learning process are considered; the principles of organization of the educational process used in the modeling of individual routes within the modern educational paradigm are formulated. The directions of creating innovative curricula to predict the state of the educational system of the University and the adoption of optimal learning strategies.

Keywords: subject-centered models; educational process; individual educational route; learning technologies; innovative methods; educational paradigm.

Переход к многоуровневому образованию, а также развитие инновационных образовательных программ и стандартов предполагает наличие альтернатив и предоставляет обучающемуся выбор, исходя из его индивидуальных возможностей и потребностей

рынка труда. Формирование индивидуальных образовательных маршрутов (ИОМ) обеспечивает развитие самостоятельности и инициативы личности для реализации творческого потенциала и успешной деятельности в профессиональной сфере.

Несмотря на свою актуальность, проблема проектирования ИОМ в вузе пока концептуально не разработана. Существуют некоторые возможные пути индивидуализации обучения, такие как внедрение компетентностно-ориентированного подхода к содержанию обучения, при котором определяется спектр компетенций, необходимых выпускнику с учетом текущих требований работодателей.

Теоретические исследования и изучение практики преподавания в вузах показали, что существующие педагогические технологии обладают единообразием и используют усредненный подход к обучающимся. Использование индивидуальной и дифференцированной концепции на учебных занятиях носит эпизодический характер. Они находят применение в отдельных видах учебной работы, на отдельных этапах процесса усвоения знаний, но без учета индивидуального маршрута развития каждого студента [1, 2].

Переход от коллективной к индивидуальной форме обучения предполагает участие каждого обучающегося в проектировании ИОМ, стимулирование самостоятельной работы, усиление мотивации к освоению учебных программ. Рассматривая личностно-ориентированные концепции проектирования учебного процесса, были обнаружены следующие противоречия между:

- разработанными теоретико-методологическими основами построения процесса обучения студентов и отсутствием вариативных стратегий реализации субъектно-центрированных концепций в условиях вуза;
- накопленным теоретико-практическим опытом формирования структурной модели учебного процесса и отсутствием универсальной концептуальной модели профессионального обучения;
- моделированием прогностической составляющей профессиональной ориентации и отсутствием модели, целеориентированной на развитие самого образовательного учреждения.

- традиционными видами учебно-методического обеспечения и потребностью в инновационных формах представления и обработки информационных материалов.

Гипотеза исследования опиралась на предположение о том, что процесс обучения студентов будет более эффективным, если он осуществляется в рамках модели, использующей конструктивистский подход, реализующий следующий комплекс педагогических условий:

- 1) погружение студентов в информационную деятельность на основе личностно-ориентированной технологии;
- 2) партисипативное управление деятельностью студентов и оптимально-адаптивное формирование их самоуправляющих функций;
- 3) направленность процесса развития компетентности студентов в режим саморазвития с учетом актуализации мотивационной сферы.

Технология личностно-ориентированного обучения включает три концептуальные дефиниции: индивидуальный учебный план (ИУП), индивидуальная образовательная программа (ИОП), индивидуальный образовательный маршрут (ИОМ) [3, 4].

ИОП — вариант освоения учебной программы, разработанный на основе общего учебного плана и соотношения между различными видами учебной работы.

ИОМ — путь освоения различных образовательных программ, самостоятельно разрабатываемый студентом (при осуществлении преподавателем педагогической поддержки) с целью самоопределения и самореализации. На практике выбор ИОМ зависит от административных регулятивов, связанных с технологическими рамками формирования учебных планов в вузе, что приводит к увеличению учебной занятости студента и преподавателя.

Использование ИОМ ориентировано не на приближение студента к общему шаблону, а представляет собой комплекс дидактических принципов, адаптирующих содержание, методы и темпы учебной деятельности обучающегося к его особенностям.

Таким образом, можно утверждать: ИУП определяет деятельность студента, связанную с выбором предметов для изучения; ИОП осуществляет проектирование программы образовательной деятельности; ИОМ конструирует учебную деятельность, т. е. определяет последовательность, средства и сроки реализации образовательной программы.

ИОМ обучения студентов включает следующие компоненты:

- *целевой* (постановка целей и ведущих направлений в области получения образования, основные мотивы и потребности обучающегося);
- *содержательный* (содержание образования, реализуемое в рамках конкретной образовательной программы);
- *технологический* (технологии, методы, методологии, системы обучения и воспитания);
- *диагностический* (система диагностического сопровождения);
- *организационно-педагогический* (режимные условия реализации; характеристика обучающегося; формы аттестации достижений и т. д.);
- *результативный* (ожидаемые результаты реализации).

Реализация целей Болонского процесса связана с системными изменениями высшего профессионального образования (ВПО), что требует диверсификации ВПО (бакалавриат и магистратура) и развития академической мобильности обучающихся. Преимущество в области образования изучалась в различных концепциях: в процессе развития личности (В.И. Байденко, Д.Б. Богоявленская, В.А. Бордовский, А.А. Вербицкий, Б.С. Волков, В.В. Давыдов, И.В. Дубровина, В.А. Козырев, В.А. Лукичева, А.А. Реан, В.В. Рубцов, А.П. Тряпицына, Д.И. Фельдштейн, Г.А. Цукерман, Н.Л. Шубина, Д.Б. Эльконин); в педагогическом процессе (С.И. Архангельский, Ю.К. Бабанский, В.П. Беспалько, М.А. Данилов, Т.А. Ильина, И.Я.Лернер, В.В. Краевский, В.А. Якунин); как характер внутрпредметных и межпредметных связей (А.А. Кыверялг, А.В. Петрова); с учетом образовательных программ (В.А. Гущенко, Р.А. Ильясов, В.Д. Колдаев, О.И. Коломок, Л.Н. Мазаева, А.К. Орешкина, Э.И. Трофимова).

Преобразование количественных инновационных изменений в качественные (системные) изменения требует осмысления методологических основ высшего образования (табл. 1).

Таблица 1

Стили работы преподавателей со студентами

Диагностический опросник	Характеристика
1. Целенаправленность личности	Характеристика побуждений личности по следующим аспектам: на себя, на дело, на общество
2. Оценка творческих способностей	Наличие креативных способностей и их развитие
3. Диагностика Амтхауера	Направленность мышления: математическое, гуманитарное или пространственный образ мышления
4. Опросник Климова	Определение сферы деятельности: человек — человек; человек — природа; человек — техника; человек — знаковая система; человек — искусство
5. Шкала М. Цукермана	Определение частоты смены деятельности и новых эмоциональных ощущений
6. Карта Голмштока	Выявление интересов и прогнозирование будущей деятельности

Диагностический опросник	Характеристика
7. Методика Кейрси	Методика оценки темперамента с использованием четырех биполярных шкал
8. Определение интеллектуальной лабильности	Прогнозирование успешности в профессиональном обучении и в новых видах деятельности
9. Методика Голланда	Определение профессиональной направленности личности с учетом соотношения личностных качеств
10. Тест Шммишека	Выявление типа акцентуации характера и темперамента; определение уровня тревожности в процессе деятельности
11. Тест PROFi	Оценка личности, формируемая на основе профессиональных навыков и способностей

Содержание процесса обучения включает формирование следующих видов знаний: личностные (область самосознания); методологические (способы получения знаний и научной деятельности); теоретические (научные знания об объектах и процессах их развития); базовые (концептуальные законы науки); понятийные; оценочные (нормы отношений, установленные в обществе); фактологические (научные факты повседневной действительности) [5].

Для повышения конкурентоспособности будущих специалистов особое значение, при решении задач современной модернизации образования, имеют инновационные

методы обучения [4, 5].

При обучении студентов используется большое количество **инновационных методов**: 1) интерактивные, ролевые и симуляционные игры; 2) компетентностный анализ; 3) профессиограммы направлений обучения студентов; 4) методы проектов и кейсов; 5) методы изучения практики; 6) онлайн-модули, метаигры и игровые взаимодействия; 7) дискуссии и мастер-классы специалистов; 8) рефлексивный подход и портфолио студентов; 9) методы ТРИЗ (решение изобретательских задач для формирования творческих качеств) (рис. 1).

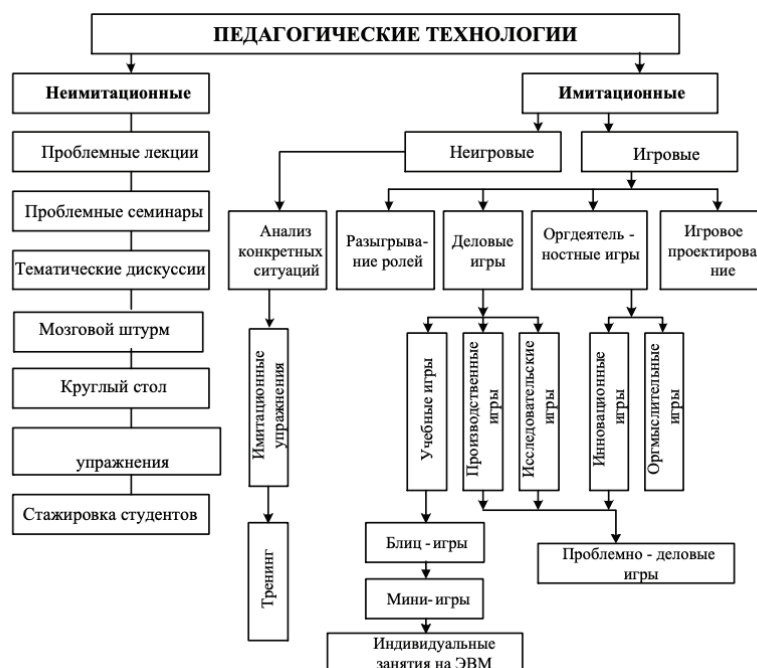

Рис. 1. Активные методы обучения

Учебная программа вуза отличается особенностями структурирования содержания образования: наличием концептуальных идей и выстраиванием относительно них второстепенных компонент; иерархическим

графическим представлением на оси «познания» положения обучающегося; чередованием интеграционных методов; наличием компонентов индивидуального содержания образования (рис. 2).

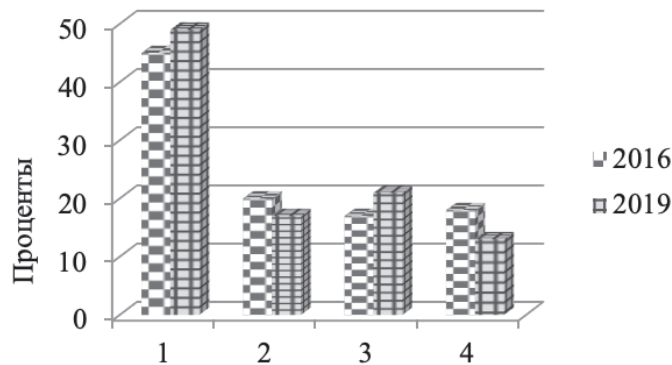

Рис. 2. Динамика выбора профилей обучения: 1 — физико-математический; 2 — социально-гуманитарный; 3 — информационно-технологический; 4 — экономический

Стратегия и технология проектирования учебного процесса опираются на следующие понятия: задачи, цели и ожидаемые результаты проектирования; основания, ценности, принципы и правила проектирования; роль и взаимодействие субъектов проектирования; логическая структура, содержание, методы, технологии и этапы проектирования; ресурсы и формы организации, необходимые для проектирования; требования и условия, предъявляемые к участникам проектирования.

Реализация ИОМ осуществляются определенной последовательностью шагов: 1) *анализ* преподавателем индивидуальных особенностей студента, *проектирование* возможного ИОМ, *прогнозирование* темпа реализации и результатов; 2) *обсуждение* преподавателем совместно со студентом перспектив построения ИОМ; 3) *моделирование* педагогических ситуаций как для отдельного студента, так и в микро- или макро-группах; 4) корректировка этапов и темпа прохождения ИОМ; 5) индивидуальные консультации по самостоятельной реализации пробного ИОМ; 6) оценка характера межличностного общения и динамики продвижения по ИОМ; 7) формирование мотивации и стимулирование активности

студентов; 8) координирование деятельности преподавателей вуза в процессе реализации ИОМ; 9) участие и общение между студентом и преподавателем в процессе обучения; 10) *организация* рефлексии в ходе анализа реализации ИОМ [5, 6, 7].

Образовательные результаты процесса обучения, определяющие способность субъекта непрерывного образования к проектированию и реализации ИОМ позволяют выделить следующую группу компетенций:

- *карьерно-образовательная* (учет места получения образования и дальнейшая профессиональная карьера);
- *организационно-образовательная*;
- *метапредметная* (освоение смежной учебной дисциплины);
- *исследовательская*;
- *командно-образовательная* (групповая работа при изучении профильного предмета (дисциплины)).

Исследование особенностей образовательного процесса, результаты и условия его протекания уточняют педагогические механизмы моделирования ИОМ.

Использование ИОМ в процессе обучения студентов позволяет сформировать профессиональные компетенции на основе следующих принципов: целевого, содержательного

и деятельностного единства; практико-ориентированного подхода; принципов интеграции и прогностичности; логического следования; согласованности [4, 6, 8].

В этом случае педагогическое проектирование разбивается на последовательность этапов:

- 1) анализ предметной области и педагогических ситуаций;
- 2) формулировка проблемы и выдвижение идей, способствующих разрешению противоречий;
- 3) разработка модели исследуемого педагогического объекта;
- 4) разработка алгоритма с вариантами поэтапной деятельности для достижения целей;
- 5) формирование критериев для оценки результатов;
- 6) рефлексия, конкретизация задач и выбор оптимального варианта проектируемой модели;
- 7) анализ, диагностика и корректировка проектной деятельности;
- 8) исследование результатов и формулирование выводов.

Содержание учебных программ образовательной среды вуза [6, 7] осуществляется тремя способами:

— *сверху вниз* (вначале формируется состав разделов дисциплины, связи между ними и характер взаимодействия, а затем функциональные разделы наполняются конкретным материалом);

— *снизу вверх* (вначале разрабатываются наиболее подготовленные функциональные разделы, а затем — по мере наполнения — все остальные разделы);

— *во взаимовстречных направлениях* (вначале формируется контурная структура программы, а затем — по мере содержательного наполнения — она дорабатывается и приобретает реальные очертания).

При лично-ориентированном обучении студенту предлагаются три вида учебных модулей:

- обязательные (входящие в инвариантную часть образования);
- по выбору (входящие в обязательную часть);
- вариативную (табл. 2).

Таблица 2

Компоненты ИОМ студента вуза

Компоненты ИОМ	Процентное соотношение
Проекты в вузе: научно-исследовательские, творческие, социальные и др.	65 %
Проекты вне вуза: научно-исследовательские, творческие, социальные и др.	47 %
Самостоятельные, креативные задания	50 %
Выбор предметов для изучения и формирования ИОМ	44 %
Подбор темпа прохождения ИОМ	28 %
Практики вне вуза: производственные, научно-исследовательские и др.	19 %
Нелинейные последовательности изучения учебных дисциплин	14 %
Участие в предметных олимпиадах	6 %

Опрос студентов вуза (80 человек) позволил определить наиболее актуальные компоненты ИОМ: 1) специальные творческие индивидуальные или групповые проекты

(75 %); 2) индивидуальные учебные и научные консультации (72 %); 3) научно-практические конференции (60 %). Помимо этого выделяются виды работ по освоению

студентами ИОМ: в творческих объединениях (44 %); самостоятельная работа (38 %).

Анализ анкет студентов технических направлений обучения (45 человек) показал, что имеется дефицит профильной подготовки в школе — 60 % студентов; отсутствует преемственность среднего и высшего образования — 45 %; 43 % считают ВПО качественным при подготовке к будущей профессии [7]; выбирают вуз по территориальной близости 70 % студентов; в зависимости от кадрового потенциала преподавателей — 42 %; с учетом материально-технической базы вуза — 29 %. Социальный заказ студенты определяют не только как получение необходимых знаний (75 %), но и как самообразование (45 %).

Процесс управления обучением [8] состоит из следующих компонент:

постановка цели $\Rightarrow$ информационное обеспечение $\Rightarrow$ диагностирование (анкетирование) студентов $\Rightarrow$ проектирование содержания личностно-ориентированного обучения: методы, средства, формы $\Rightarrow$

этапы реализации проекта $\Rightarrow$ рефлексия и контроль выполнения учебных планов $\Rightarrow$ корректировка ИОМ $\Rightarrow$ подведение итогов.

В процессе проектирования содержания образования используются информационные технологии, базирующиеся на методах формализации и моделирования.

Исследовать объекты учебного процесса и предсказывать результаты будущих наблюдений позволяют методы математического моделирования. При этом алгоритм процесса обучения студентов включает следующие этапы:

- 1) математическое моделирование образовательного процесса;
- 2) эксперименты, отладка и тестирование модели;
- 3) интерпретация результатов;
- 4) установление соответствия между моделью и исходной реальной системой.

При проектировании и визуализации содержания учебных программ часто используются графовые, древовидные и сетевые модели (рис. 3).

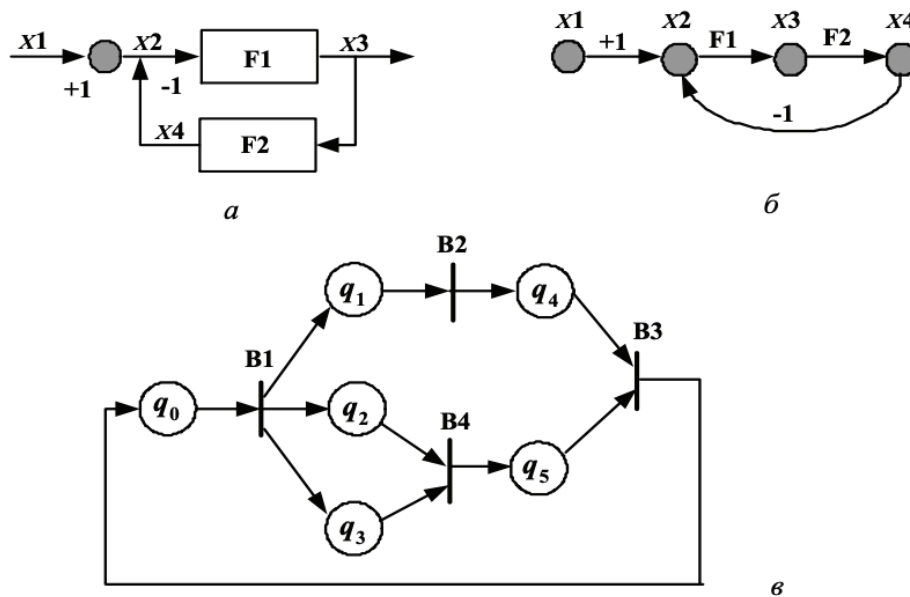

Рис. 3. Структурная схема (а), граф (б), сеть Петри (в)

Вершины графа (рис. 3) представляют собой элементы знаний по выбранному модулю дисциплины, а дуги

устанавливают причинно-следственные (логические) связи между элементами знаний.

На рисунке 4 представлена классификация методов педагогических исследований

в виде граф-схемы со списком учебных элементов.

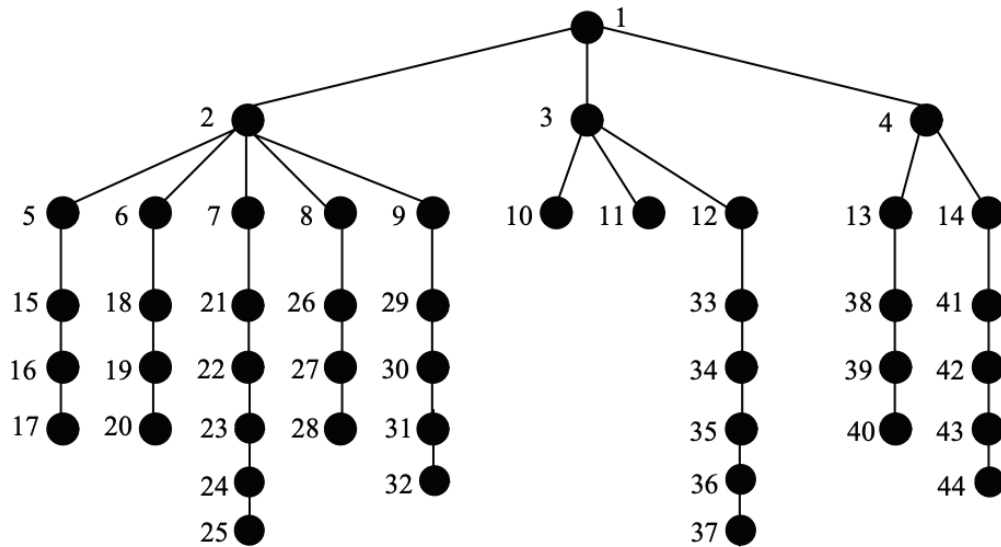

Рис. 4. Граф-схема методов педагогических исследований

Обязательные стандарты обучения требуют усвоения определенных элементов знаний: определения, понятия, аксиомы, методы, алгоритмы, методики, теоремы. Гарантеей уровня и качества образования на основе обязательных требований к реализации учебных программ

и результатов их освоения являются вариативность содержания и возможность формирования образовательных программ различного уровня сложности и направленности с учетом образовательных потребностей и способностей обучающихся (табл. 3).

Таблица 3

Содержание учебных элементов

1. Методы педагогических исследований	12. Работа с литературой	23. Изделия, детали и др.
2. Эмпирические методы	13. Математические	24. Конспекты, рефераты
3. Теоретические методы	14. Статистические	25. Контрольные работы, эссе
4. Методы обработки данных (результатов)	15. Наблюдение «включенное/не включенное»	26. Портфолио студентов
5. Наблюдение	16. Наблюдение «открытое/скрытое»	27. Электронные журналы
6. Опрос	17. Наблюдение «сплошное/выборочное»	28. Дневники, протоколы и др.
7. Анализ продуктов деятельности студентов	18. Беседа	29. Естественный
8. Изучение документации	19. Интервью	30. Лабораторный
9. Эксперимент	20. Анкетирование	31. Констатирующий
10. Анализ-синтез (теоретические)	21. Письменная работа	32. Преобразующий
11. Индуктивно-дедуктивные методы	22. Графическая работа, рисунки	33. Создание библиографии

34. Реферирование	38. Регистрация	42. Медиана
35. Конспектирование	39. Ранжирование	43. Дисперсия
36. Аннотирование	40. Шкалирование	44. Коэффициент вариации и др.
37. Цитирование	41. Среднее арифметическое	

Сформированная учебная программа по дисциплине не исключает дальнейшей креативной работы преподавателя по отбору учебных материалов, изучаемых в модулях (темах). Данный процесс основан на следующих дидактических принципах: 1) генерализации и научной целостности содержания вокруг ведущих концепций и идей науки; 2) внутренней логики науки, являющейся базой учебной дисциплины подготовки студентов вуза.

Исследование опыта использования ИОМ в вузе позволяет сформулировать дидактические условия применения данного инновационного метода обучения студентов: диагностика, рефлексия и контроль профессионального становления обучающихся; использование компьютерных технологий обучения для представления и обмена информацией между вузами, студентами и преподавателями; активизация учебно-познавательной деятельности; подготовка преподавателей и студентов к применению ИОМ; формирование учебно-методической и материальной базы личностно-ориентированного обучения; развитие положительной мотивации у студентов и преподавателей.

Методология данного исследования может быть использована при решении широкого круга педагогических проблем и подтверждает приоритетные направления перехода от объектного воздействия на субъект-субъектные педагогические взаимоотношения, способствующие креативной самореализации студентов.

Литература

1. Колдаев В. Д. Реализация принципа конгруэнтности в процессе формирования индивидуальных образовательных маршрутов студентов // Компетентности и образование: модели, методы, технологии:

монография / Науч. ред. С. П. Акутина. М.: Перо, 2012. С. 40—68.

2. Колдаев В. Д. Моделирование индивидуального образовательного маршрута студента в учебном процессе вуза // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 3. С. 68—72.

3. Колдаев В. Д. Педагогическое проектирование процесса обучения студентов университета // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2012. № 4. С. 86—93.

4. Колдаев В. Д. Компетентностно-деятельностный подход к обучению студентов // Компетентностный подход в образовании: монография / Отв. ред. А.Ю. Нагорнова. Ульяновск: ЗЕБРА, 2016. С. 28—42.

5. Колдаев В. Д. Методологические аспекты проектирования индивидуальных образовательных маршрутов // Психологическая наука и образование. 2013. № 4. С. 15—22.

6. Гагарина Л. Г. Колдаев В. Д. Инновационные образовательные технологии дистанционного обучения // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2018. № 4(20). С. 96—102.

7. Колдаев В. Д. Статистический анализ качества образовательных услуг // Современные проблемы управления и регулирования: монография / Под общ. ред. Г. Ю. Гуляева. Пенза: МЦНС «Наука и просвещение», 2018. С. 179—194.

8. Колдаев В. Д. Методологические основы проектирования образовательных маршрутов: учеб. пособ. Германия, Саарбрюккен: Международный Издательский Дом LAP Lambert Academic Publishing. 2018. 292 с.

Поступила 07.08.2019

Колдаев Виктор Дмитриевич — доктор технических наук, профессор, профессор Института системной и программной инженерии и информационных технологий (Институт СПИН-Тех) Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, г. Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д.1), koldaev.v@mail.ru

References

1. Koldaev V. D. Realizatsiya printsipa kongruentnosti v protsesse formirovaniya individual'nykh obrazovatel'nykh marshrutov studentov // Kompetentsii i obrazovanie: modeli, metody, tekhnologii: monografiya / Nauch. red. S. P. Akutina. M.: Pero, 2012. S. 40—68.

2. Koldaev V. D. Modelirovanie individual'nogo obrazovatel'nogo marshruta studenta v uchebnom protsesse vuza // Sibirskii pedagogicheskii zhurnal. 2012. № 3. S. 68—72.

3. Koldaev V. D. Pedagogicheskoe proektirovanie protsessa obucheniya studentov universiteta // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2012. № 4. S. 86—93.
4. Koldaev V. D. Kompetentnostno-deyatelnostnyi podkhod k obucheniyu studentov // Kompetentnostnyi podkhod v obrazovanii: monografiya / Otv. red. A.Yu. Nagornova. Ul'yanovsk: ZEBRA, 2016. S. 28—42.
5. Koldaev V. D. Metodologicheskie aspekty proektirovaniya individual'nykh obrazovatel'nykh marshrutov // Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie. 2013. № 4. S. 15—22.
6. Gagarina L. G. Koldaev V. D. Innovatsionnye obrazovatel'nye tekhnologii distantsionnogo obucheniya // Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya. 2018. № 4(20). S. 96—102.
7. Koldaev V. D. Statisticheskii analiz kachestva obrazovatel'nykh uslug // Sovremennye problemy upravleniya i regulirovaniya: monografiya / Pod obshch. red. G. Yu. Gulyaeva. Penza: MTsNS «Nauka i prosveshchenie», 2018. S. 179—194.
8. Koldaev V. D. Metodologicheskie osnovy proektirovaniya obrazovatel'nykh marshrutov: ucheb. posob. Germaniya, Saarbrücken: Mezhdunarodnyi Izdatel'skii Dom LAP Lambert Academic Publishing. 2018. 292 s.

Submitted 07.08.2019

Koldaev Victor D. — Doctor of Engineering Sciences, Professor, Professor of the Institute of System and Software Engineering and Information Technologies (Spintech Institute), National Research University of Electronic Technology (Shokin Square 1, 124498, Zelenograd, Moscow, Russia), koldaev.v@mail.ru

Новая холодная война тридцать лет спустя: опыт сравнительного анализа

A New Cold War Thirty Years Later: Preliminary Comparative Analysis

А. Л. Шишов

A. L. Shishov

Государственная корпорация «Ростех»

Rostec State Corporation

shishova_zhanna@bk.ru

Изложены результаты исследования современного состояния российско-американских отношений в контексте новой холодной войны. Дана общая характеристика холодной войны как феномена международных отношений, выявлены общие черты и существенные различия между глобальным противостоянием Советского Союза и Соединенных Штатов Америки в 1950—1980 гг. и кризисом в отношениях между современной Россией и Америкой. Особое внимание уделено причинам возникновения, главным угрозам и возможным путям выхода из тупика новой холодной войны.

Ключевые слова: холодная война; доктрина взаимного гарантированного уничтожения; паритет; экзистенциальная угроза; либеральная гегемония; Украина.

The present study focuses on the current status of Russian-American relations characterized by domestic and foreign media as a new cold war. The article analyzes general trends of a new cold war as a phenomena of current world politics and describes common routs and differences between American-Soviet global rivalry in 50-80 of the XX century and crises in the up to date Russian —US relationship. Author pays special attention to the etiology, main threats and challenges and possible ways out of cold war stalemate.

Key words: cold war, mutually assured destruction doctrine (MAD), power parity, existential threat, liberal hegemony, Ukraine.

В современном дискурсе о состоянии российско-американских отношений широко распространен тезис о том, что взаимоотношения двух стран достигли своей низшей точки и даже находятся на грани «холодной» и «горячей» фаз конфронтации.

В официальных документах, американских и отечественных СМИ, докладах и аналитических записках «мозговых центров» всерьез рассматриваются возможные сценарии и регионы, где мог бы начаться военный конфликт между российскими и американскими

вооруженными силами. Особое внимание уделяется соперничеству в сфере стратегических наступательных вооружений. Так, в недавно опубликованном «Обзоре ядерной политики США 2018 г.» откровенно заявлено, что Соединенные Штаты намерены «укреплять и модернизировать свой ядерный потенциал», что является, по их мнению, прямым ответом на меры, предпринятые в этой сфере в последние годы Россией и Китаем [1]. *Casus belli* совершенно очевиден: недоверие, взаимные обвинения в нарушении международного права, санкции, прямое военное противостояние в «горячих точках», наращивание военных приготовлений и как следствие опасное приближение к точке невозврата широкомасштабного вооруженного конфликта. Как утверждал военный теоретик К. Клаузевиц: «война есть ничто иное, как продолжение политики с привлечением иных средств» [2].

Холодная война в историческом ретроспективе. Термин «новая холодная война» [3] вызывает в памяти множество исторических коннотаций. Обычно под ним понимается достаточно широкий и семантически расплывчатый комплекс глобального противоборства США и СССР в 50—80-х гг. XX века, основной характеристикой которого было наличие так называемого «паритета» между сторонами, который не означал равенства сил стратегических оппонентов. Исторически в его основе лежит доктрина так называемого «взаимного гарантированного уничтожения» или по-английски *mutually assured destruction* (MAD) [4]. Создание в СССР атомной бомбы, а затем и построение «ядерной триады» с упором на межконтинентальные баллистические ракеты, способные в считанные минуты достичь территории США, привело к уникальной ситуации, невиданной ранее в мировой истории. Оба участника холодной войны оказались в опаснейшем положении «стратегического тупика», чреватого полным уничтожением всей человеческой цивилизации.

В 60-е гг. XX века в качестве доктринального и идеологического ответа на этот

глобальный вызов появилась концепция MAD. Ее теоретическое обоснование приписывают американскому военному теоретику А. Уолстеттеру [5]. В Советском Союзе в 1960—1970-е гг. проблематика взаимного ядерного сдерживания в контексте «военно-технической революции» активно разрабатывалась специалистами Генерального Штаба под руководством заместителя министра обороны СССР Н. В. Огаркова [6]. С точки зрения формальной логики, эта концепция крайне проста и даже очевидна: если бы одна из сторон в глобальном противостоянии двух сверхдержав решила нанести превентивный ядерный удар, то вторая сторона была способна ответить гарантированным уничтожением противника. Таким образом, сложилось так называемое «равновесие страха»: Советский Союз и Соединенные Штаты, имея «абсолютное оружие» друг против друга, не могли безнаказанно нанести первый удар или разоружиться в одностороннем порядке под угрозой взаимного тотального уничтожения. В теории игр данная ситуация описывается как частный случай так называемого «равновесия Нэша» [7].

Помимо военной составляющей паритета существовал и негласный набор внешнеполитических принципов, который позволял достаточно эффективно поддерживать хрупкое равновесие между сверхдержавами в течение 30 лет [8]:

1. Стороны соблюдали границы закреплённых за двумя сверхдержавами сфер влияния и не пытались изменить их военным путем.

2. Даже в случае возникновения серьезных кризисов стороны воздерживались от применения силы и разрешали спорные ситуации путем переговоров.

3. Ни одна из сторон не вмешивалась во внутренние дела глобального противника за исключением ведения массированных пропагандистских и информационных войн, а также принятия законодательных торговых ограничений.

4. США и Советский Союз взяли на себя обязательства поддерживать мир и безопасность в Европе. Была создана

система безопасности на Европейском континенте, основные положения которой закреплена в заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Сущностная характеристика холодной войны образца 1950—1970-х гг. состояла в том, что противостояние Советского Союза и Соединенных Штатов представляло собой не просто классическую борьбу за мировое господство [9], но противоборство двух антагонистических идеологий, которые принципиально отказывали друг другу в праве на существование и исторической перспективе [10]. Уже в начале 50-х гг. XX века правящий класс США осознавал, что СССР и мировой социалистический лагерь представляют собой *экзистенциальную угрозу* для «свободного мира». Это понимание нашло отражение в «принципе домино» Президента США Д. Эйзенхауэра, в соответствии с которой попадание даже одной страны под влияние коммунистической идеологии могло вызвать цепную реакцию, чреватую уничтожением всего «свободного мира» [11]. Таким образом, Соединенные Штаты ставили перед собой задачу не просто «сдерживать» Советский Союз, но и «отбрасывать коммунизм».

В свою очередь, в основополагающих документах советской внешней политики в 1930—1950-е гг. и выступлениях руководителей советского государства недвусмысленно заявлялось о скорой победе коммунизма в мировом масштабе. Так, в речи на XIX съезде ВКП(б) в 1952 г. И.В. Сталин заявил, что если раньше только СССР был «ударной бригадой мирового революционного и рабочего движения», то теперь «работа пошла веселее» ввиду появления народно-демократических стран, и что «есть все основания рассчитывать на успехи и победы братских партий в странах господства капитала» [12].

Однако начиная с конца 1950-х и до середины 1970-х, в результате сложных внутриполитических процессов трансформации командно-бюрократической системы, в Советском Союзе были пересмотрены подходы и отношение к перспективам «мировой

революции» и ее заменили, по крайней мере в официальных советских внешнеполитических документах, на концепцию «мирного сосуществования и соревнования двух систем» [13].

С одной стороны, это исключало надежду на какую-либо теоретическую возможность достижения «вечного мира» [14] между двумя глобальными социальными системами в понимании И. Канта, поскольку каждая из сторон отказывала другой в моральном-нравственном праве на существование. С другой стороны, уровень воспринимаемой угрозы предопределял степень ответственности советской и американской элиты за судьбы человечества. В США отношения с СССР всегда рассматривались предельно серьезно, ответственно и даже скрупулезно и, тем более, не были предметом политических спекуляций.

Еще У. Черчилль в своей знаменитой Фултонской речи 5 марта 1946 г., которая в советской историографии считалась отправной точкой холодной войны, отмечал: «... я гоню от себя мысль, что новая война неизбежна, тем более в очень недалеком будущем. И именно потому, что я уверен, что наши судьбы в наших руках, и мы в силах спасти будущее, я считаю своим долгом высказаться по этому вопросу, благо у меня есть случай и возможность это сделать. Я не верю, что Россия хочет войны. Чего она хочет, так это плодов войны и безграничного распространения своей мощи и доктрин» [15].

В условиях осознания исключительной актуальности проблем советско-американских отношений в США в 1960—1970-е гг. сформировалось многочисленное экспертное сообщество советологов, у истоков которого стоял такой общепризнанный авторитет в сфере российской и советской внешней политики, как Дж. Кеннан [16]. Существовал целый ряд влиятельных лоббистских организаций, например, таких как «Американский комитет за согласие между Востоком и Западом» (American Committee for East-West Accord), некоторые из которых в периоды самых острых периодов

разногласий между США и СССР старались снизить уровень противостояния и добиться взаимопонимания по наиболее актуальным вопросам войны и мира. К мнению экспертного сообщества в целом внимательно прислушивались руководители США, а многие советологи, такие как З. Бжезинский, Дж. Кеннан, Р. Перл, Э. Абрамс, Д. Киркпатрик занимали видные посты в администрациях нескольких американских президентов времен холодной войны.

Новая холодная война: предпосылки, причины, последствия. Перейдем к анализу так называемой холодной войны между США и современной Россией, о которой американские СМИ активно говорят с момента свержения режима В. Януковича и начала военной фазы украинского кризиса в 2014 г.

Украинские события стали лишь катализатором общего процесса: резкое ухудшение американско-российских отношений началось гораздо раньше — в начале 2000-х гг. Администрация Дж. Буша младшего сделала ставку на свержение неугодных, «тиранических» [17] режимов по всему миру, насильственную «демократизацию Большого Ближнего Востока», что вылилось в кровопролитные войны в Иране и Афганистане, а также череду «цветных революций» по периметру границ России. Одним из ключевых факторов скатывания к состоянию холодной войны стало расширение НАТО на Восток и приближение вооруженных сил альянса к границам России, предпринятое администрациями Б. Клинтона и Дж. Буша младшего. Стоит отметить, что многие американские политики и эксперты, например, Г. Киссинджер, Дж. Кеннан, неоднократно критиковали необоснованное с точки зрения обеспечения глобальной безопасности увеличение членов альянса [18].

Однако у американских администраций Б. Клинтона и Дж. Буша была своя логика: Россия, несмотря на «крах коммунизма» и проигрыш в холодной войне, все равно будет стремиться к «ревизионизму» и возрождению «империи», восстановлению былых сфер влияния и контролю над ранее зависимыми народами Восточной Европы [19].

Россия своим поведением, по их мнению, не могла нанести серьезный вред внешней политике Соединенных Штатов, но, в силу идеологических причин (защита безопасности «демократического концерта наций»), расширение НАТО было гарантией от возможного «российского империализма».

В свою очередь, Российская Федерация, преодолев социально-экономический кризис 1990-х гг., отказалась признать последствия поражения СССР в холодной войне и согласиться с гегемонией США в мире. Появились новые очаги напряженности в российско-американских отношениях на Балканах, на Кавказе и на Ближнем Востоке.

Ситуация радикально обострилась после присоединения Крыма и начала вооруженного гражданского конфликта на Донбассе. Уже летом 2014 г., после уничтожения малайзийского Боинга и введения первых антироссийских санкций, в американских СМИ прозвучали первые упоминания о новой холодной войне [20]. По мере того, как ситуация на Украине ухудшалась, ужесточалась риторика американских властей и масс-медиа в отношении России.

В январе 2018 г. Совет по Международным отношениям — один из самых авторитетных американских мозговых центров, выпустил доклад под названием «Сдержать Россию», в котором он официально признал, что «Соединенные Штаты находятся в состоянии второй «холодной войны с Россией» [21]. Авторы доклада считают, что «усилия России дестабилизировать США возникли не на пустом месте. Они являются следствием непоколебимой уверенности Президента РФ, которую разделяет большинство россиян, в том, что формирование глобальной и региональной гегемонии Америки, начавшееся с момента окончания холодной войны, угрожает жизненным интересам России и не дает ей занять подобающее место в мире» [22].

Таким образом, можно констатировать, что несмотря на отсутствие фундаментальных, идеологических, мировоззренческих противоречий *per se*, Соединенные Штаты и Российская Федерация имеют

антагонистические подходы к решению основных проблем современности. Неспособность обеих сторон вникнуть в логику соперника уже привела и далее будет приводить к острейшим военно-политическим кризисам, чреватых тяжелыми последствиями.

Уже с конца 2000-х гг. новостной фон в американских масс-медиа в отношении России имеет стабильно негативный оттенок, причем с конца 2016 г. он в большей степени вызван внутривнутриполитическими причинами в Америке, чем реальными действиями нашей страны и изменениями во внешнеполитической ситуации. Двусторонние отношения достигли своего «дна» после активного вмешательства РФ в гражданскую войну в Сирии. Однако американские либеральные СМИ начали настоящую информационную войну против администрации Д. Трампа, в которой Россия и отношение к ней американского президента играют чуть ли не ключевую роль. CNN, Bloomberg, Washington Post, New York Times, International Herald Tribune пристрастно изображают российскую внешнюю политику в виде основной угрозы американским интересам [23], при этом серьезно искажая как намерения Д. Трампа, так и реальные мотивы России. Как правильно в свое время заметил американский сенатор Д. Патрик Монихэн, «каждый имеет право на собственное мнение, но не на собственные факты»¹. Раскол в американском правящем классе относительно политики действующей администрации и личная неприязнь лидеров демократов к Д. Трампу негативно влияют на состояние российско-американских отношений.

Необъективность и пристрастность общественного мнения США в отношении российской внешней политики отмечают даже рационально мыслящие американские эксперты. Так, историк и в прошлом известный советолог С. Коэн даже говорит о пяти глобальных заблуждениях относительно российской внешней политики, которые распространены в американской «либеральной ортодоксии» [24]. Среди них важное

место занимает широко распространенный тезис о том, что США относились к постсоветской России с известным альтруизмом, приложили все усилия, чтобы помочь построить демократическое, процветающее общество. Россия при Президенте В. Путине свернула с пути демократических преобразований и отвергла американскую помощь. По его мнению, очевидно, что Российская Федерация в 1990-е гг. не только не получала обещанной от «большой семерки» экономической помощи, но и в результате политики «западных партнеров» утратила военно-политические позиции в Восточной Европе.

В американских либеральных СМИ распространено мнение о том, что военный конфликт на Востоке Украины вызван не внутривнутриполитическими причинами, а экспансионистской политикой РФ, которая оккупировала Крым и Донбасс. В данном случае, не принимаются во внимание очевидные факты, свидетельствующие о резком неприятии насильственной смены власти в обоих регионах и традиционных симпатиях к России. Логика поведения НАТО и США в течение последних двадцати лет, которые упорно отказывались учитывать национальные интересы и ее традиционные геополитические интересы, вынудили нашу страну к резким и на первый взгляд беспрецедентным шагам. Впрочем, в сходных обстоятельствах, например, при решении косовской проблемы, Америка и ее союзники вели себя подобным образом, не принимая во внимания позицию отдельных государств и отстаивая собственную позицию всеми имеющимися в их распоряжении средствами, в том числе и военными.

И, наконец, С. Коэн опровергает широко распространенное заблуждение о том, что единственный способ положить конец конфликту на Украине состоит в «выводе российских войск из Донбасса» и «деокупация» Крыма. На самом деле, без коренных изменений в политике Киева и наличия политической воли к выполнению Минских

¹ Roberts S., Moynihan D., the Anti-Trump of American Politics // New York Times. (08.11.2018). URL: <https://www.nytimes.com/2018/10/11/opinion/sunday/daniel-patrick-moynihan.html>

соглашений всеобъемлющее урегулирование кризиса невозможно, более того, исполнение украинских предварительных требований чревато эскалацией военных действий, массовыми этническими чистками и перекройкой национальной карты страны. Стоит просто объективно взглянуть как на заявления ведущих украинских политиков, так и на реальные действия украинских вооруженных сил и полувоенных формирований в Донбассе [25].

Естественно, это не все аргументы, выдвигаемые американскими либеральными элитами и средствами массовой информации для обоснования «агрессивности» российской внешней политики. Наиболее принципиальную роль до сих пор играют обвинения российского руководства во вмешательстве в президентскую кампанию 2016 г., в стремлении расколоть Европу и подорвать европейское единство, активном сотрудничестве с Ираном и вмешательством в гражданскую войну в Сирии на стороне режима Б. Асада, «деле Скрипалей». Россия объявлена «врагом номер один США» в мире, а президент Д. Трамп — ее главным пособником. Беспристрастному наблюдателю достаточно очевидно, что информационная война против Д. Трампа в целом носит внутривнутриполитический характер; размеры угрозы со стороны России намеренно преувеличиваются, имеет место «демонизация» российского общества и руководства. В этой кампании четко просматривается конкретная задача части американского правящего класса — недопущение переизбрания на второй срок «несистемного» республиканского президента. Война американской либеральной элиты и медиа против президента Д. Трампа очень напоминает знаменитую «охоту на ведьм» времен сенатора Дж. Маккарти в 50-е гг. XX века.

Однако можно выделить одно ключевое отличие нынешней политической ситуации в США от знаменитой «охоты на ведьм» в разгар первой холодной войны. Тогда Америка ощущала реальную угрозу своему существованию со стороны СССР и социалистической системы. В наши дни

американская элита не считает современную Россию глобальным стратегическим противником номер один, несмотря на многочисленные публичные декларации. Так, экс-президент Б. Обама неоднократно заявлял, что «Россия — региональная держава, и не из-за силы, а из-за своей слабости является угрозой для некоторых своих соседей»². Администрация Д. Трампа гораздо большее внимание уделяет торговой войне с Китаем, чем системному сдерживанию России.

Для понимания генезиса новой холодной войны необходимо коснуться доктринальных основ американской внешней политики после распада СССР. Известный американский ученый-специалист по теории международных отношений Дж. Мирсхаймер определяет основную цель внешней политики США в течение последних 25 лет как стремление к «либеральной гегемонии» [26]. Ее сущность заключается в распространении демократии (насаждение демократических, лояльных Америке режимов) в максимальном количестве стран, формировании открытой, глобальной экономики, создании либеральных международно-правовых институтов.

Несмотря на то, что в исследуемый период в американском и международном научном сообществе существуют различные оценки американского внешнеполитического курса, определение в Мирсхаймера в целом вполне методологически оправдано. Политика Б. Клинтона может считаться «неолиберальной», Дж. Буша — «неоконсервативной», Б. Обамы — «либеральной», но в целом основным ее (политики) мотивом было сохранение господствующего положения в мире, которого США достигли в результате краха СССР. Какой бы ни была гегемония — «либеральной», «благжелательной» (*benevolent*), «миролюбивой» (*peacekeeping*), она остается гегемонией. Пути ее сохранения могли быть различными: «демократическое строительство государств» (*nation building*) было в большей

² Обама: Россия — всего лишь региональная держава // Взгляд: деловая газета. URL: <http://vz.ru/news/2014/3/25/678937.html>

степени присуще администрации Дж. Буша младшего, «гуманитарный интервенционизм» и приверженность либеральным международным институтам — Б. Клинтону, а построение глобальной экономики во главе с США — президенту Б. Обаме с его планами Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП) (Transatlantic Trade and Investment Partnership) и Транстихоокеанского партнерства (ТПП) (Trans-Pacific Partnership, TPP).

В основе политики «либеральной гегемонии» лежит теория «однополярного мира», который управляется Соединенными Штатами в соответствии с универсальными принципами либеральной демократии, базирующихся на неукоснительном соблюдении базовых прав и свобод личности [27]. Тезис о том, что эти принципы являются универсальными и общепризнанными, альтернативная ему коллективистская, коммунистическая идеология потерпела историческое поражение вместе с крахом СССР, дал основание Ф. Фукуяме сделать вывод о «конце истории» и наступлении эры мировой гегемонии США [28]. В 90-х гг. XX века и особенно в начале XXI века этот постулат стал краеугольным камнем американской внешней политики. Практическим следствием реализации политики «либеральной гегемонии» стала целая серия американских интервенций, кровопролитных региональных конфликтов и «цветных» революций.

По мнению Дж. Мирсхаймера, «либеральная гегемония» США не выдержала столкновения с реалиями мировой политики, главенствующую роль в которой играют «национализм» отдельных государств, «*realpolitik*» возрождающейся России и растущего Китая [29]. «Активистский либерализм», вполне уместный и даже желательный во внутренней политике отдельных стран, на международной арене приводит к «головной боли» для самих США, огромным затратам и, что наиболее существенно, к военным конфликтам, которые будет трудно завершить в ближайшей исторической перспективе [30]. Мир не только перестал быть

«однополярным», он превратился в свою противоположность — в «неполярный» мир, по определению другого видного американского теоретика международных отношений Р. Хаасса. Этот мировой порядок менее предсказуем, менее стабилен, чем «мир» холодной войны, поскольку роль международных институтов находится на рекордно низком уровне, глобальная экономическая система подвергается серьезным испытаниям со стороны протекционизма и экономического национализма.

Итак, попытаемся дать формальный ответ на основной вопрос нашего краткого исследования: есть ли разница между холодной войной 50—80-х гг. прошлого столетия и текущим состоянием российско-американских отношений, и в чем она заключается.

Первое. Соперничество СССР и США, прежде всего, было противоборством двух *антагонистических идеологий*. Коммунизм в его советской интерпретации представлял собой крайний эгалитаризм и жесткий централизм в сфере экономики, а также тоталитаризм в сфере политики. При этом советский реальный социализм смог решить целый ряд системных задач и обеспечить достаточно высокий, относительно равномерный уровень благосостояния, который сочетался со значительными темпами экономического роста. Советская идеология оказала огромное влияние как на страны «первого мира», так и на «третий мир». Америка, традиционно защищающая либеральные ценности, такие как рыночная децентрализованная экономика, свободные выборы, подотчетность власти обществу и др., сумела построить самую мощную экономику в мире и стать единственным глобальным финансовым центром. Антагонизм советско-американского противостояния предполагал в качестве конечной цели безоговорочную победу одной из идеологий. 30 лет спустя никакого идеологического антагонизма в отношениях между США и современной Россией мы не наблюдаем. Обе страны с рыночными экономиками, с многопартийной системой, регулярными альтернативными выборами, независимой

судебной властью. По крайней мере, на декларативном уровне. Разногласия между Российской Федерацией и Соединенными Штатами хотя и носят системный характер, но не затрагивают базовых ценностей и экзистенциальных национальных интересов.

Второе. США в своей внешней политике придерживаются концепции «либеральной гегемонии», в основе которой лежат принципы, претендующие на универсальность и всеобщность. В этом нет ничего нового, так как эти принципы были сформулированы еще в известных «14 пунктах» президента В. Вильсона. Каждый президент США считает своим долгом заявить, что его внешняя политика основывается на ценностях и идеалах. Однако именно в первые десятилетия XXI века «ценностный» подход продемонстрировал свою недееспособность, особенно при столкновении с принципами *realpolitik* и национализмом. Более того, подобная политика может привести к весьма сомнительным результатам для страны, которая ее проводит

Напротив, современная внешняя политика России, по мнению директора Московского центра Карнеги Д. Тренина, не имеет под собой серьезной идеологической основы. Она ситуационно ориентирована, ей не достает стратегической глубины³. Российский внешнеполитический курс предполагает, прежде всего, жесткую и бескомпромиссную защиту национальных интересов страны, что в глазах ее соседей выглядит как стремление восстановить российскую империю в границах бывшего СССР.

«Идеалистический глобализм» США в глазах значительной части мирового сообщества (прежде всего стран Восточной Европы) выглядит гораздо привлекательнее «националистического реализма» Российской Федерации, однако оба курса, как мы уже отмечали, не являются антагонистическими по своей природе.

Из подобного рода допущения можно сделать вывод о том, что выход из состояния холодной войны с Западом возможен даже

в случае умеренных изменений в позициях и наличии политической воли обеих сторон. В краткосрочной перспективе (до следующих президентских выборов США) такой вариант развития событий маловероятен. Впрочем, некоторые позитивные шаги в этом направлении президент Д. Трамп лично предпринимал в 2017—2018 гг. Окончательный поворот к «классическому реализму» вряд ли возможен без поддержки большинства американского правящего класса, но он не может появиться без существенных внутри- и внешнеполитических изменений.

Есть и другой вариант развития ситуации: предпринимаются и будут предприняты попытки изменить российскую внешнюю политику путем некоего «верхушечного переворота» или максимального увеличения давления на российский правящий класс и российское общество в целом. Это выражается, в частности, в ведении режима персональных санкций против представителей российской власти, крупного бизнеса, вооруженных сил, спецслужб, а также в резком увеличении финансирования российских НКО из-за рубежа, которое в 2018 г., по словам главы Росфинмониторинга Ю. Чиханчина, достигло 80 млрд руб. В случае возникновения кризисных явлений в социально-экономической сфере можно ожидать ужесточения подобной политики под влиянием наиболее антироссийски настроенной части американской либеральной элиты.

Третье. Новая холодная война между Россией и США во много предопределена американскими внутривнутриполитическими причинами, в частности, расколом и идеологическим кризисом элит, который длится уже второе десятилетие. Одним из ярчайших его проявлений стала неожиданная победа Д. Трампа на президентских выборах 2016 г. и последовавшая за ней война между либеральным истеблишментом и действующим «несистемным» президентом. В этой «войне» Россия является одним из важнейших объектов, если не ее «заложником».

³ См. интервью с историком и политологом, директором Московского центра Карнеги Д. Трениным: Соколов М. После геополитической катастрофы (07 марта 2019) // Радио Свободы: [сайт]. URL: <https://www.svoboda.org/a/29808358.html>

Обвинения во вмешательстве во внутренние дела Америки в настоящий момент звучат как приговор российско-американским отношениям и существенно уменьшают возможность для маневра и деэскалации напряженности.

Нужно учитывать и тот факт, что американский правящий класс прекрасно отдает себе отчет в том, что рост влияния Китая играет гораздо более значительную роль для судеб «либеральной гегемонии» США. Поэтому определенные границы конфронтации все-таки осознаются, однако определяются не столько самой Россией, сколько общим развитием ситуации в Америке и мире.

Четвертое. В силу того, что американские элиты *не считают РФ и ее политический экзистенциальной угрозой интересам США*, холодная война с Россией воспринимается ими как элемент обеспечения глобальной «либеральной гегемонии». Можно сказать, что руководство РФ относится к данной ситуации более серьезно, чем наши западные «партнеры». Восприятие России как «региональной», второстепенной державы, игнорирование ее «исторических сфер влияния», могут иметь очень серьезные последствия для международной системы безопасности в целом.

США считают для себя необязательными обременения систему договоров об ограничении и нераспространении стратегических вооружений, заключенных с Советским Союзом и Россией за последние полвека. Три администрации США (за исключением сравнительно непродолжительного периода во время «перезагрузки» Б. Обамы) последовательно ее демантируют: США уже вышли из Договора по противоракетной обороне (1972), Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (1987). Все это ведет к дестабилизации глобальной системы безопасности, резко увеличивает вероятность вооруженного конфликта между США и Россией, в том числе и с применением ядерного оружия. Так, по мнению Д. Тренина, принятая обеими сторонами концепция ответно-встречного ядерного удара, может быть заменена

на стратегию превентивного нападения, что фактически может означать стремление произвести упреждающий пуск ракет в кризисной ситуации. *Это, в свою очередь, свидетельствует о тенденции к системному пересмотру подходов к обеспечению стратегической безопасности Соединенных Штатов и Российской Федерации.*

Таким образом, мы можем говорить о крупнейшем сдвиге в идеологии внешней и оборонной политики двух государств со времен начала первой холодной войны. Наличие «окна возможностей» в части прекращения холодной войны сочетается с крайне опасным сползанием к «горячей фазе» противостояния, чреватой глобальной катастрофой. В этой обстановке российской и американской элитам, слишком занятым решением своих внутривластных задач, следует реалистически оценивать сложившуюся глобальную опасность.

Литература

1. Обзор ядерной политики. Февраль 2018 г. [Электронный ресурс] / Аппарат Министра Обороны. URL: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872876/-1/-1/1/EXECUTIVE-SUMMARY-TRANSLATION-RUSSIAN.PDF> (дата обращения 27.12.2019).
2. *Clausewitz C.* On War. Карл фон Клаузевиц. О войне. М.: Эксмо, Мидгард. 2007 г.
3. Trump May Revive the Cold War, but China Could Change the Dynamics. By David E. Sanger and Steven Erlanger // New York Times, Oct. 22, 2018.
4. Mutually assured destruction. Подробнее в книге F. Kaplan Daydream Believers: How a Few Grand Ideas Wrecked American Power. Wiley; 1 edition (January 29, 2008). 256 p.
5. *Heilbrunn J.* They knew they right. The rise of the neocons. Doubleday. N.Y., 2008. P. 105.
6. *Kaplan F.* Daydream Believers: How a Few Grand Ideas Wrecked American Power. Wiley; 1 edition. January 29, 2008. P. 15—16.
7. Теория игр и Равновесие Нэша. Власть. 29.05.2017 // Власть: интернет-журнал. URL: <https://vlast.kz/obsshestvo/23192-teoria-igr-i-ravnovesie-nesa.html> (дата обращения 27.12.2019).
8. *Kohen S.* War with Russia. From Putin and Ukraine to Trump and Russiagate. N.Y. Hot Books and imprint of SkyPress Publishing Inc. 2019. P. 27.
9. *Nye J. S., Jr.* Is the American Century Over? Polity Press. 2015. P.7.
10. *Kissinger H.* World order. Penguin Press N.Y. 2014. P. 285.

Поступила 29.08.2019

Шишов Александр Львович, Кандидат политический наук, Заместитель генерального директора АО «В/О «Союзхимэкспорт» Государственная корпорация «Ростех», *shishova_zhanna@bk.ru*

References

11. **Kissinger H.** World order. Penguin Press N.Y. 2014. P. 297.
12. **Сталин. И.В.** Речь на XIX съезде КПСС 14 октября 1952 года // Марксистский интернет-архив Руководящего комитета. URL: https://www.marxists.org/russkij/stalin/t16/t16_37.htm (дата обращения 27.12.2019).
13. XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза: stenograficheskiy otchet. [Elektronnyy resurs]. M.: Gosud. Izd-vo politich. literatury. 1962. URL: http://istmat.info/files/uploads/52747/22_sezd._chast_3._1962_g.pdf (дата обращения 27.12.2019).
14. **Каут И.** К вечному миру // Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1966. С. 298.
15. Фултонская речь Черчилля [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.coldwar.ru/churchill/fulton.php> (дата обращения 27.12.2019).
16. **Kohen S.** War with Russia. From Putin and Ukraine to Trump and Russiagate. N.Y. Hot Books and imprint of Skypress Publishing Inc., 2019. P. 13.
17. **Peleg I.** The Legacy of George W. Bush Foreign Policy. Moving Beyond Neoconservatism. Westview. 2009. P. 38.
18. **Kissinger H.** World order. Penguin Press N.Y., 2014. P. 297. NATO expansion a 'fateful error' Warning: One of the most respected authorities on U.S. foreign policy, George F. Kennan, says going ahead over Russian objections is a grave mistake.
19. **Crowley P.J.** Red Line. American Foreign Policy in a Time of Fractured Politics and Failing States. Rowman and Littlefield. 2017. P. 166.
20. **Kohen S.** War with Russia. From Putin and Ukraine to Trump and Russiagate. N.Y. Hot Books and imprint of Skypress Publishing Inc. 2019. P. 3.
21. **Blackwill Robert D., Gordon Philip H.** Containing Russia [Elektronnyy resurs]. URL: https://cfrd8-files.cfr.org/sites/default/files/report_pdf/CSR80_BlackwillGordon_ContainingRussia.pdf (дата обращения 27.12.2019).
22. Вмещая Россию // COUNCIL on FOREIGN RELATIONS: совет по международн. отношениям: [сайт]. URL: <https://www.cfr.org/report/containing-russia> (дата обращения 27.12.2019).
23. **Kohen S.** War with Russia. From Putin and Ukraine to Trump and Russiagate. N.Y. Hot Books and imprint of Skypress Publishing Inc. 2019. P.158.
24. **Kohen S.** War with Russia. From Putin and Ukraine to Trump and Russiagate. N.Y. Hot Books and imprint of Skypress Publishing Inc. 2019. P. 16.
25. **Kohen S.** War with Russia. From Putin and Ukraine to Trump and Russiagate. N.Y. Hot Books and imprint of Skypress Publishing Inc. 2019. P. 18.
26. **Mearsheimer J. J.** The Great Delusion. Liberal Dreams and International Realities. P. 152.
27. **Mearsheimer J. J.** The Great Delusion. Liberal Dreams and International Realities. P.123.
28. **Фукуяма Ф.** Конец истории и последний человек. М., Издательство АСТ, 2004.
29. **Mearsheimer J. J.** The Great Delusion. Liberal Dreams and International Realities. P.229.
30. **Mearsheimer J. J.** The Great Delusion. Liberal Dreams and International Realities. P. 218.
1. Obzor jadernoj politiki. Fevral' 2018 g. [Elektronnyy resurs] / Apparat Ministra Oborony. URL: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872876/-1/-1/1/EXECUTIVE-SUMMARY-TRANSLATION-RUSSIAN.PDF> (дата обращения 27.12.2019).
2. Clausewitz C. On War. Karl fon Klauzevic. O vojne. M.: Jeksmo, Midgard. 2007 g.
3. Trump May Revive the Cold War, but China Could Change the Dynamics. By David E. Sanger and Steven Erlanger // New York Times, Oct. 22, 2018.
4. Mutually assured destruction. Podrobnее v knige F. Kaplan Daydream Believers: How a Few Grand Ideas Wrecked American Power. Wiley; 1 edition (January 29, 2008). 256 p.
5. Heilbrunn J. They knew they right. The rise of the neocons. Doubleday. N.Y., 2008. P. 105.
6. Kaplan F. Daydream Believers: How a Few Grand Ideas Wrecked American Power. Wiley; 1 edition. January 29, 2008. P. 15—16.
7. Teorija igr i Ravnovesie Njesha. Vlast'. 29.05.2017 // Vlast': internet-zhurnal. URL: <https://vlast.kz/obsshestvo/23192-teoria-igr-i-ravnovesie-nesha.html> (дата обращения 27.12.2019).
8. Kohen S. War with Russia. From Putin and Ukraine to Trump and Russiagate. N.Y. Hot Books and imprint of Skypress Publishing Inc. 2019. P. 27.
9. Nye J. S., Jr. Is the American Century Over? Polity Press. 2015. P.7.
10. Kissinger H. World order. Penguin Press N.Y. 2014. P. 285.
11. Kissinger H. World order. Penguin Press N.Y. 2014. P. 297.
12. Stalin. I.V. Rech' na XIX s#ezde KPSS 14 oktjabrja 1952 goda // Marksistskij internet-arhiv Rukovodjashhego komiteta. URL: https://www.marxists.org/russkij/stalin/t16/t16_37.htm (дата обращения 27.12.2019).
13. XXII s#ezd Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Sojuza: stenograficheskiy otchet. [Elektronnyy resurs]. M.: Gosud. Izd-vo politich. literatury. 1962. URL: http://istmat.info/files/uploads/52747/22_sezd._chast_3._1962_g.pdf (дата обращения 27.12.2019).
14. Kant I. K vechnomu miru // Sochinenija: v 6 t. M.: Mysl', 1966. S. 298.
15. Fultonskaja rech' Cherrhillja [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.coldwar.ru/churchill/fulton.php> (дата обращения 27.12.2019).
16. Kohen S. War with Russia. From Putin and Ukraine to Trump and Russiagate. N.Y. Hot Books and imprint of Skypress Publishing Inc., 2019. P. 13.
17. Peleg I. The Legacy of George W. Bush Foreign Policy. Moving Beyond Neoconservatism. Westview. 2009. P. 38.
18. Kissinger H. World order. Penguin Press N.Y., 2014. P. 297. NATO expansion a 'fateful error' Warning:

One of the most respected authorities on U.S. foreign policy, George F. Kennan, says going ahead over Russian objections is a grave mistake.

19. Crowley P.J. Red Line. American Foreign Policy in a Time of Fractured Politics and Failing States. Rowman and Littlefield. 2017. P. 166.

20. Kohen S. War with Russia. From Putin and Ukraine to Trump and Russiagate. N.Y. Hot Books and imprint of Skypress Publishing Inc. 2019. P. 3.

21. Blackwill Robert D., Gordon Philip H. Containing Russia [Elektronnyj resurs]. URL: https://cfrd8-files.cfr.org/sites/default/files/report_pdf/CSR80_BlackwillGordon_ContainingRussia.pdf (data obrashhenija 27.12.2019).

22. Vmeshhaja Rossiju // COUNCIL on FOREIGN RELATIONS: sovet po mezhdunarodn. otnoshenijam: [sajt]. URL: <https://www.cfr.org/report/containing-russia> (data obrashhenija 27.12.2019).

23. Kohen S. War with Russia. From Putin and Ukraine to Trump and Russiagate. N.Y. Hot Books and imprint of Skypress Publishing Inc. 2019. P.158.

24. Kohen War with Russia. From Putin and Ukraine to Trump and Russiagate. N.Y. Hot Books and imprint of Skypress Publishing Inc. 2019. P. 16.

25. Kohen S. War with Russia. From Putin and Ukraine to Trump and Russiagate. N.Y. Hot Books and imprint of Skypress Publishing Inc. 2019. P. 18.

26. Mearsheimer J. J. The Great Delusion. Liberal Dreams and International Realities. P. 152.

27. Mearsheimer J. J. The Great Delusion. Liberal Dreams and International Realities. P.123.

28. Fukujama F. Konec istorii i poslednij chelovek. M., Izdatel'stvo AST, 2004.

29. Mearsheimer J. J. The Great Delusion. Liberal Dreams and International Realities. P.229.

30. Mearsheimer J. J. The Great Delusion. Liberal Dreams and International Realities. P. 218.

Submitted 29.08.2019

Shishov Alexander, Ph.D., Deputy General Director JSC Sojuzchimexport, State Corporation "Ros-tec".

Политика регулирования содержания инженерного образования: образовательные стандарты нового поколения

Policy of regulation of the content of engineering education: educational standards of the new generation

М. В. Добрынина

M. V. Dobrynina

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

National Research University of Electronic Technology, Moscow

marin709@rambler.ru

В настоящей статье автор анализирует государственную политику в отношении инженерного образования с 2014 года. В этот период инженерное образование рассматривается государством как стратегически значимый инструмент достижения целей новой промышленной политики и импортозамещения. Особенностью политики в отношении инженерного образования является ее патернализм, поэтому одним из приоритетных механизмов влияния на его результаты считается государственное регулирование его содержания. Автор анализирует внедрение компетентностного подхода и переход на государственные образовательные стандарты третьего поколения, нацеленные на усиление практикоориентированности образовательного процесса и его последствий.

Ключевые слова: инженерное образование, образовательная политика, новая индустриализация, импортозамещение, образовательные стандарты третьего поколения, практикоориентированность.

In this article the author analyzes the state policy in relation to engineering education since 2014. During this period, engineering education is considered by the state as a strategically important tool for achieving the goals of the new industrial policy and import substitution. The peculiarity of the policy in relation to engineering education is its paternalism, so one of the priority mechanisms of influence on its results is considered to be the state regulation of its content. The author analyzes the implementation of the competence approach and the transition to the state educational standards of the third generation, aimed at strengthening the practice-oriented educational process, and its consequences.

Keywords: engineering education, educational policy, new industrialization, import substitution, educational standards of the third generation, practical orientation.

Политический компонент в текущих изменениях государственной политики в отношении инженерного образования исключительно отчетлив: эта отрасль вновь на новом витке исторического, политического и экономического развития и рассматривается

государством как стратегически значимый инструмент модернизационного прорыва [1]. Система инженерного образования должна обеспечить запрос государства на то количество и качество высококвалифицированных инженерных кадров, которое

© Добрынина М. В.

обеспечит прорыв России на уровень третьей волны индустриализации, освободит экономику страны от импортозависимости, а также обеспечит место в числе крупнейших геополитических игроков. Государство в лице лидеров, в первую очередь, Президента РФ, акцентирует значимость инженерного образования в реализации программы экономической и политической модернизации России. На заседании Совета при Президенте по науке и образованию от 23 июня 2014 года В. В. Путин заявил: «Сегодня лидерами глобального развития становятся те страны, которые способны создавать прорывные технологии и на их основе формировать собственную мощную производственную базу. Качество инженерных кадров становится одним из ключевых факторов конкурентоспособности государства» [2].

К 2014 году, несмотря на усилия государства, предпринимаемые с 2012, инженерное образование продолжало пребывать в состоянии системного кризиса. Количественные и качественные показатели его развития отставали от мировых стандартов. Однако в результате патерналистского разворота, произошедшего в государственной образовательной политике, государство вновь вернуло себе позиции главного заказчика по отношению к системе инженерного образования, оттеснив бизнес и промышленность, а также академическое сообщество.

Новая политика осуществляется по следующим основным направлениям: изменение системы финансирования инженерного образования и увеличение финансовой опеки государства; изменение политики приема в вузы РФ; изменение содержания образования.

Идеология внедрения Федеральных государственных образовательных стандартов нового поколения предполагает мониторинг потребностей общества (экономики и бизнеса), а также государственного управления, формулирование этих потребностей в форме компетенций (то есть определение на уровне государства определенного набора компетенций, которыми должны

обладать специалисты - выпускники каждого из направлений подготовки бакалавриата и каждой из программ магистратуры), перестройка учебных планов, образовательных программ и всего образовательного процесса на основе компетентного подхода, иными словами, весь учебный процесс, который в соответствии с ФГОС нового поколения, должен быть нацелен на формирование сформулированных министерством компетенций.

Существенным негативным следствием внедрения ФГОСов различных поколений является бюрократизация образовательного процесса. Декларации практикоориентированности фактически вынуждают учебные отделы вузов ежегодно переписывать и перепроверять учебные планы и учебные программы. Большинство экспертов полагает, что когда «высшая школа России работает в условиях непрекращающихся изменений образовательных стандартов», это «приводит к увеличению непродуктивной бюрократической работы и отвлекает профессорско-преподавательский состав от основной творческой деятельности» [3, С. 31–36]

Большая часть опрошенных нами экспертов (65 %) на вопрос о том, каким образом внедрение в учебный процесс требований образовательных стандартов поколений ФГОС 3, ФГОС 3+ и ФГОС 3++ (изменения в содержании учебных планов основных образовательных программ этих поколений ФГОС) повлияло на качество подготовки специалистов отметили, что стремление к практикоориентированности и связи с международными квалификационными требованиями в новых образовательных стандартах подтверждает то, что государство ориентировано на удовлетворение реального запроса работодателей на квалифицированных специалистов, соответственно «внушает оптимизм» на укрепление связей государственного администрирования, образования, науки и экономики. Вместе с тем, выпускники, которые в настоящее время приходят к работодателю, не в полной мере готовы к включению в процессы инженерной разработки,

производства, эксплуатации и могут решать открывающиеся комплексы задач только по прошествии определенного адаптационного срока. Более того, эксперты и ученые, не относящиеся к апологетам государственных образовательных стандартов, констатируют фактическую невозможность подготовки вузом такого специалиста, который удовлетворял бы изменяющимся и разнонаправленным требованиям всех работодателей. Действительно, «выпускник вуза, не имея опыта работы на производстве, вряд ли может в полной мере применить полученные им знания и навыки. Ясно, что разрыв между уровнем подготовки выпускников вузов и требованиями к ним со стороны производства всегда был и будет. Во-первых, это связано с тем, что выпускник вуза, получивший инженерное образование, ещё не является инженером, а становится им в процессе практической деятельности. Во-вторых, каждое предприятие даже одного профиля использует различные технологии и машины. А освоение всех технологий в ограниченные сроки обучения в бакалавриате практически невозможно. В-третьих, это также связано с наличием редких и закрытых технологий и оборудования с высокой стоимостью, содержание которых в вузах неэффективно» [3, с. 33]¹.

Иными словами, практикоориентированность может быть оценена как административная утопия, реализация которой через образовательные стандарты является своего рода «смещением целей» реформирования образования [4, с. 6–9]. Реальное производство, бизнес, академическое сообщество, утратившие субъектность в государственной политике образования,

не могут корректировать содержания самой политики, что приводит к тому, что органы государственной власти оказываются жертвами административной тишины. В свою очередь, отсутствие сдержек и противовесов в административном производстве стандартов, приводит к постепенному «замыливанию» и подмене тех первоначальных целей, которые ставились перед реформой.

Важнейшим негативным побочным эффектом внедрения ФГОС 3 стала дегуманизация образовательного процесса² и отказ от «русского метода», одним из особенностей которого было сохранение фундаментального характера образования при практикоориентированности всего образовательного процесса². Сокращение тех часов, которые отводятся учебными планами на дисциплины общегуманитарного профиля стали для вузов едва ли не единственным путем удовлетворения требований ФГОС 3, в соответствии с которым должно быть увеличено время учебных практик. Однако если программа академического образования не включает большой объём дисциплин гуманитарного, социального и естественнонаучного направления, то «высшее образование превращается в среднепрофессиональное» [3, с. 33]. Большинство экспертов (более 76 %) отрицательно отзываются об уменьшении гуманитарного и общеобразовательного блока образовательных программ. Эксперты отмечают, что исключение из учебных планов таких дисциплин, как «экономическая теория», «психология и педагогика», «культурология» приводят к снижению общекультурной, гражданской, экономической и психологической компетентности

¹ См. также: Сенашенко В.С. О реформировании отечественной системы высшего образования: некоторые итоги // Высшее образование в России. 2017. № 6. С. 5–15; Прохоров В.А. Некоторые вопросы модернизации инженерного образования // Высшее образование в России. 2013. № 10. С. 13–19; Красинская Л.Ф. Модернизация, оптимизация, бюрократизация... что ожидает высшую школу завтра? // Высшее образование в России. 2016. № 3. С. 73–82; Тхагапсоев Х.Г., Сапунов М.Б. Российская образовательная реальность и её превращённые формы // Высшее образование в России. 2016. № 6 (202). С. 87–97; Тарасенко Ф.П. Системность – рычажная точка для преобразований инженерного образования // Инженерное образование. 2012. № 11. С. 6–9.

² Отметим, что внедрение русского метода и ориентация на фундаментальность периодически сменяется в политике образования ориентацией на практикоориентированности отказом от фундаментальности. В этих сменах мы усматриваем определенную цикличность, детерминированную режимными трансформациями и политическими изменениями менее системного характера.

выпускников. Эксперты также отмечали, что инженер — представитель технической интеллигенции, он должен уметь читать и писать на иностранных языках, а выпускник национального исследовательского университета обязан ориентироваться в экономических, политических, социальных процессах, происходящих в стране и во всем мире.

Таким образом, практикоориентированность образовательных стандартов нового поколения, безусловно, указывает на заинтересованность государства в решении задач реиндустриализации и импортозамещения. Однако бюрократизация и дегуманитаризация учебного процесса в инженерных вузах является тенденцией, указывающей на патерналистски-консервативный характер проводимой политики.

Литература:

1. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо. UNIDO (2016). IndustrialTechnologyReport 2016. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://unido.org/sites/default/files/2015-12/EBOOK_IDR2016_FULLREPORT_0.pdf (дата обращения: апрель 2018).
2. Заседание Совета при Президенте по науке и образованию под председательством Владимира Путина в Кремле [Электронный ресурс] // Президент России. 2014. 23 июня. URL: <http://www.kremlin.ru/news/45962> (дата обращения: 16.09.2019)
3. Прохоров В.А. Профессиональный стандарт и ФГОС бакалавриата // Высшее образование в России. 2018. № 1
4. Тарасенко Ф.П. Системность — рычажная точка для преобразований инженерного образования // Инженерное образование. 2012. № 11

Поступила 15.12.2019

Добрынина Мария Владимировна — кандидат политических наук, доцент кафедры экономики, менеджмента и финансов Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), marin709@rambler.ru

References

1. Shvab K. Chetvertaja promyshlennaja revoljucija. M.: Jeksmo. UNIDO (2016). IndustrialTechnologyReport 2016. [Jelektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://unido.org/sites/default/files/2015-12/EBOOK_IDR2016_FULLREPORT_0.pdf (data obrashhenija: aprel' 2018).
2. Zasedanie Soveta pri Prezidente po nauke i

obrazovaniju pod predsedatel'stvom Vladimira Putina v Kremlе [Jelektronnyj resurs] // Prezident Rossii. 2014. 23 ijunja. URL: <http://www.kremlin.ru/news/45962> (data obrashhenija: 16.09.2019)

3. Prohorov V.A. Professional'nyj standart i FGOS bakalavriata // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2018. № 1

4. Tarasenko F.P. Sistemnost' — rychazhnaja tochka dlja preobrazovanij inzhenernogo obrazovanija // Inzhenernoe obrazovanie. 2012. № 11

Submitted 15.12.2019

Dobrynina Maria V., Candidate of Political Sciences, associate professor of Economics, Management and Finance Department, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), marin709@rambler.ru

УКАЗАТЕЛЬ СОДЕРЖАНИЯ ЖУРНАЛА «ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ» ЗА 2019 Г.

Экономика инновационного развития: теория и практика

Алаторцева О. А., Егорычев Д. Н., Петрова А. В., Пугачева Е. С. Анализ возможностей и ограничений капитализации нематериальных активов российских предприятий. — №3 (23). С. 6—13.

Андрианова Н. А., Андрианова А. Н., Евграфова Н. В., Егорычева Е. В., Кравченко В. А. Исследование влияния маркетинговой ситуации и рисков ранней коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности в наукоемкой сфере на стоимость патентной лицензии. — № 1 (21). С. 6—16.

Баранова А. А., Королев С. А., Спиридонова Г. В. Культура сервиса на рынке ретейла: методы контроля, анализа и оценки (по опыту исследования). — № 1 (21). С. 17—24.

Баранова А. А., Спиридонова Г. В., Королев С. А. Специфика российского автобизнеса в сегменте продажи автозапчастей. — № 4 (24). С. 12—18.

Белоусова Н. Н., Плис Н. И. Проблемы диверсификации производства на предприятиях оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации: на примере микроэлектроники. — №3 (23). С. 14—21.

Бударов А. В. Управление процессом качественных преобразований в развитии научно-производственных комплексов на основе системно-синергетического подхода. — № 4 (24). С. 24—31.

Бударов А. Ю. Теоретические положения формирования потенциала развития научно-производственных комплексов на основе системно-синергетического подхода. — № 2 (22). С. 6—12.

Быстров О. Ф. Технологическое предпринимательство: риск провала стартапа. — № 1 (21). С. 25—30.

Гладков И. С. Внешняя торговля Европейского союза в зеркале международной статистики. — №3 (23). С. 22—29.

Гладков И. С. Внешняя торговля Российской Федерации и Европейского союза в 2018 г.: новые тренды или «трудности перевода» — № 1 (21). С. 31—42.

Гладков Т. В. Разумнова Внешнеторговые связи европейского союза и российской федерации: позиции энергоносителей. — № 4 (24). С. 32—38.

Гуськова Н. Д., Ерастова А. В., Ерастова В. П.

Современные подходы к процессу постоянного совершенствования и развития организации. — № 4 (24). С. 5—11.

А. Жук, Л.В. Мрочко, О.Г.Мрочко Инновационные коммуникативные технологии: опыт применения в России. — № 4 (24). С. 19—23.

Игрунова О. М., Казинская Е. А. Сегментирование потребительского рынка продуктов питания города Зеленограда для предприятий розничной сети формата «магазин у дома» — № 2 (22). С. 13—24.

Исаченко А. Н., Ревякин А. М. От матроидов в задачах электротехники и механики — к решению прикладных экономических задач. — №3 (23). С. 30—37.

Короткова Т. Л. Эволюционное развитие бизнес-моделирования в России. — № 1 (21). С. 43—51.

Короткова Т. Л., Мунджишвили И. И. Учет факторов спроса на авиауслуги в разработке стратегии авиакомпании. — №3 (23). С. 38—50.

Г.Д. Костина, А.В. Торгашова Формирование, развитие и управление командой проекта на основе комплексного подхода. — № 4 (24). С. 46—51.

Лукичева Л. И., Алаторцева О. А., Егорычева Е. В., Вендина И. А. Ключевые факторы успеха деятельности наукоемких предприятий в условиях инновационной экономики. — № 1 (21). С. 52—60.

Машина А. Р., Перерва О. Л. Конкурентная рыночная стратегия для фирмы по производству средств связи: разработка и перспективы изменения. — № 1 (21). С. 61—66.

Мормуль Н. Ф., Епикеева С. А. Дебиторская задолженность как конкурентное преимущество — № 2(22). С. 25—29.

Пантюков В. В., Сальников А. К., Игрунова О. М., Алихашкина Н. Разработка концепции позиционирования газобаллонного оборудования новой компании на российском рынке. — №3 (23). С. 51—60.

Пирогов А. И., Свечников Н. С., Устинович И. В. Динамика развития железнодорожной и автомобильной транспортных сетей России. — № 2 (22). С. 30—40.

Пирогов А. И., Свечников Н. С., Устинович И. В. Динамика развития воздушного и водного транспорта России. — №3 (23). С. 61—75.

Якушенко К. В. Состояние единого информационного пространства Евразийского экономического союза: предпосылки создания и измерение развития. — № 4 (24). С. 39—45.

Философия: мир в человеке и человек в мире

Азарова Ю. О. Марксизм в эпоху новых медиа (научно-аналитический обзор). — № 1(21). С. 67—80.

Андриенко Е. В., Горбачева И. М. Гендерная картина мира в контексте современного гражданского общества. — № 1 (21). С. 81—87.

Андриенко Е. В., Горбачева И. М. Социально-философский аспект формирования профессионального сознания личности. — № 4 (24). С. 61—66.

Андриенко Е. В., Ефременко А. А. Социальное мифотворчество и манипуляции общественным сознанием в контексте общественных трансформаций. — № 3 (23). С. 76—81.

Борисова Л. В. Категория иконичности в современной лингвофилософии. — № 2(22). С. 41—45.

Гершунин С. А., Алов А. А. Революция в физике начала XX в.: единство философских идей и научных теорий. — № 3 (23). С. 82—90.

Горбунова Е. В., Фатеева К. Н., Хаидов С. К. Картезианская концепция самосознания в свете теории неравновесных систем. — № 1 (21). С. 88—92.

Даниелян Н. В. Мысленный эксперимент в науке как конструктивная практика. — № 3 (23). С. 91—96.

Добрынина М. В., Антонов Ф. С. Либерализация и демократизация института инженерного образования в 90-е годы XX века: тенденции и противоречия. — № 4 (24). С. 112—118.

Клепикова Л. В. Проблема деформирования образа коллективной идентичности в эпоху глобализации: особенности мировой и российской ситуаций. — № 4 (24). С. 89—95.

Кнехт Н. П. Влияние визуальных технологий на формирование гендерной идентичности в советской и постсоветской России. — № 4 (24). С. 96—105.

Князев В. Н. Особенности эпистемологии Маха и реляционное миропонимание. — № 3 (23). С. 97—102.

Лобастов Г. В. Слово и его нравственный смысл. — № 2(22). С. 46—57.

Лобастов Г. В. Философия Ильенкова. — № 4 (24). С. 119—130.

Михайлина С. А., Ханина А. Д. Дизайн в образовательных технологиях философского знания. — № 4 (24). С. 106—111.

Молчан Э. М. Духовно-нравственные ценности в культурно-образовательном пространстве социума. — № 1(21). С. 93—100.

Некрасов А. С. Становление и развитие творческого потенциала человека в онтогенезе. — № 4 (24). С. 83—88.

Никитина С. С., Панкина С. Н. Философия образования: ретроспектива и методологические подходы. — № 1 (21). С. 101—112.

Панкина С. Н. Аксиологические аспекты негосударственного высшего образования в условиях глобализации, интернационализации и информатизации образовательного пространства. — № 2(22). С. 58—70.

Панкина С. Н., Растимешина Т. В. Социокультурное измерение современной парадигмы негосударственного высшего образования в России. — № 4 (24). С. 75—82.

Панкина С. Н., Растимешина Т. В. Философия высшего образования второй половины XX в.: отечественный и зарубежный опыт для системы негосударственного высшего образования. — № 1 (21). С. 113—124.

Петрова Е. В. Информационная экология в цифровой среде. — № 3 (23). С. 103—108.

Привалова И. Ю. Эссенциальная, экзистенциальная и синергичная антропология VS трансгуманизм и искусственный интеллект. — № 4 (24). С. 131—134.

Равочкин Н. Н. Проблемы права в контексте лингвистической философии. — № 1 (21). С. 125—133.

Равочкин Н. Н. Роль идей в социальных преобразованиях: поиск новых гносеометодологических оснований (методология к исследованию, часть 1). — № 3 (23). С. 109—115.

Равочкин Н. Н. Роль идей в социальных преобразованиях: поиск новых гносеометодологических оснований (методология к исследованию, часть 2). — № 4 (24). С. 67—74.

Растимешина Т. В., Антонов Ф. С. Институционализация демократии в контексте демократического транзита: критический анализ научных подходов. — № 3 (23). С. 116—121.

Самохвалова В. К. Индивидуалистический импульс гносеологии Фрэнсиса Бэкона. — № 4 (24). С. 53—60.

Хен Ю. В. Естественно-научное основание евгенического проекта. — № 3 (23). С. 122—127.

Шангина О. В., Романов Ф. К., Думанова Н. А. Сравнительный анализ основных сфер общественной жизни в советской и современной России: социально-философские аспекты. — № 2(22). С. 71—78.

Педагогическая система координат: образование, воспитание, развитие человека

Бардушкина И. В., Ревякин А. М. К вопросу об использовании онлайн-курсов в математических дисциплинах вузов . — № 1(21). С. 134—139.

Брусникин Г. Н., Соколова Н. Ю., Игнатова И. Г. Подготовка презентаций для демонстрации результатов студенческих работ по разработке информационных систем (практические рекомендации) — № 2(22). С. 79—89.

Головлева Е. Л., Мрочко Л. В., Яковчук Т. Г. Психологические факторы взаимодействия личности с контентом массовой информации — № 2(22). С. 90—95.

Горбачева И. М., Горбачева Е. А. Проектная методика как средство повышения учебной автономности у студентов нелингвистических направлений подготовки при изучении иностранных языков — № 2(22). С. 96—102.

Кальней С. Г., Завьялова И. Г., Кузнецов А. П., Андреянова А. С., Макарова Т. С. Корреляционный анализ данных накопительно-балльной системы по математическим дисциплинам — № 1 (21). С. 140—148.

Колдаев В. Д. Инновационные подходы к структурированию содержания индивидуальных образовательных маршрутов обучения . — № 4 (24). С. 142—151.

Королёв В. Г., Бардушкин В. В. Уровень и динамика физической подготовленности студентов МИЭТ при конкурсном отборе на военную кафедру . — № 4 (24). С. 136—141.

Макарычев В. А. К вопросу об оценивании студентами образовательной деятельности по дисциплине «Физическая культура и спорт» — № 2(22). С. 103—110.

Мрочко Л. В., Мрочко О. Г., Яковчук Т. Г. Электронная информационно-образовательная среда вуза: мониторинг достижений студента (по опыту исследования) — № 1 (21). С. 149—154.

Романенко Ю. М. Навыки самостоятельной работы обучающихся как точка пересечения традиций и инноваций в современном высшем образовании . — № 2(22). С. 111—116.

Туарменский В. В., Кострова Ю. Б., Шибаршина О. Ю. Университеты и технопарковые структуры: межстрановой анализ опыта взаимодействия . — № 2(22). С. 117—124.

Личность. Общество. Государство

Добрынина М. В. Инженерное образование как фактор социально-экономических и политических

модернизаций в России . — №3 (23). С. 128—135.

Добрынина М. В. Политика регулирования содержания инженерного образования: образовательные стандарты нового поколения . — № 4 (24). С. 164—167.

Добрынина М. В., Лифинцев В. Д. Сотрудничество государства и гражданских институтов в сфере развития системы инженерного образования: конец XIX — начало XX в. — № 2 (22). С. 125—131.

Добрынина М. В., Никитина С. С. Политика российского государства в отношении инженерного образования в первой четверти XIX в.: борьба либеральных и консервативных тенденций . — № 1 (21). С. 155—167.

Крупышев Р. С. Социальные проблемы общества: модель интересов . — № 2(22). С. 132—140.

Малашенко Т. И. Военно-техническое сотрудничество России в Латинской Америке: Венесуэла . — №3 (23). С. 136—144.

Мрочко Л. В., Жук А. А., Шимолюк Е. С. Критерии оценки эффективности деятельности средств массовой информации и коммуникации как социального института . — № 2 (22). С. 141—146.

Мушта А. А., Растимешина Т. В. Информационно-аналитическая компетентность в контуре государственного управления: проблемные аспекты и пути совершенствования — № 2(22). С. 147—154.

Пудина С. И. Дворянская служба во второй половине XVII в.: основные принципы государственной политики — № 2(22). С. 155—160.

Растимешина Т. В., Антонов Ф. С. Становление и развитие институтов гражданского общества и их взаимодействие с государством . — № 1 (21). С. 168—179.

Северюкова Е. А., Бахтин А. А. Радикальные технологии в устройстве повседневной жизни: идеология управления — № 2(22). С. 161—165.

Трояновский В. М., Запевалина А. А., Чжоу Нанг Сое. Модификация образования по требованиям Национальной технологической инициативы с привлечением музейной коммуникации в рамках Зеленоградского кластера — № 1 (21). С. 180—186.

Чеботарева И. В., Мрочко Л. В., Пирогова Л. И. Причины и особенности протестных настроений в молодежной среде . — №3 (23). С. 145—152.

Шишов А. Л. Новая «холодная война» тридцать лет спустя: опыт сравнительного анализа . — № 4 (24). С. 153—163.

Знак и значение в системе перевода как коммуникативной практики: материалы круглого стола . — № 2(22). С. 166—194.

Инновационные педагогические технологии обучения иностранному языку в техническом вузе: материалы круглого стола . — № 2(22). С. 195—217.

Краткие сообщения

Быстров О. Ф. Сравнительный анализ и выбор лучшего руководителя .— №3 (23). С. 153—156.

Информация

Эдуард Владимирович Гирусов (1932—2019) .— № 2(22). С. 218.

VI Декартовские чтения — Международная научно-практическая конференция «Декарт и современные формы трансляции научного знания» (информационное письмо) — № 2(22). С. 219—221.

Книжные новинки

№ 1 (21). С.187.

№ 2(22). С. 222.

№3 (23). С. 157—159.

Памятные и знаменательные даты

В январе — марте 2019 г. — № 1(21). С. 189.

В апреле — июне 2019 г. — № 2(22). С. 224.

В июле — сентябре 2019 г. .— №3 (23). С. 160.

2019 YEAR-END INDEX

Economics of innovation-driven growth: theory and practice

Alatortseva O. A., Egorychev D. N., Petrova A. V., Pugacheva E. S. Analysis of Possibilities and Limitations of the Intangible Assets Capitalization for Russian Companies . — №3 (23). C. 6—13.

Andrianova N. A., Andrianova A. N., Evgraphova N. V., Egorycheva E. V., Kravchenko V. A. Study of the Impact of the Marketing Situation and the Risks of Early Intellectual Product Commercialization in the Science-Based Sphere on the Cost of the Patent License . — № 1 (21). C. 6—16.

Baranova A. A., Korolev S. A., Spiridonova G. V. Service Culture in Retail: Methods of Control, Analysis and Evaluation (According to the Research Experience) — № 1 (21). C. 17—24.

Baranova A. A., Korolev S. A., Spiridonova G. V. The specifics of the Russian auto business in the segment of the sale of auto parts: trends, structure and pricing — № 4 (24). C. 12—18.

Belousova N. N., Plis N. I. The Problems of Production's Diversification at Industrial Plants of Russian Federation's Military-Industrial Complex: The Case of Microelectronics . — №3 (23). C. 14—21.

Budarov A. V. Theoretical Framework of Research and Manufacturing Complexes Potential Development Formation Based on Systemic and Synergetic Approach — № 2 (22). C. 6—12.

Budarov A. V. Management of the process of qualitative transformations in the development of scientific and production complexes based on a system-synergetic approach. — № 4 (24). C. 24—31.

Bystrov O. F. Technological Entrepreneurship: Risk of Startup Failure — № 1 (21). C. 25—30.

Gladkov I. S. The European Union's Foreign Trade in the Mirror of International Statistics . — №3 (23). C. 22—29.

Gladkov I. S. Foreign Trade of the Russian Federation and the European Union in 2018: New Trends or "Lost in Translation" — № 1 (21). C. 31—42.

Gladkov I. S., Razumnova T. V. Foreign trade relations of the European Union and the Russian Federation: positions of energy carriers. — № 4 (24). C. 32—38.

Gus'kova N. D., Erastova A. V., Erastova V. P. Modern approaches to the process of continuous improvement and development of Russian enterprises — № 4 (24). C. 5—11.

Igrunova O. M., Kazinskaya E. A. Food Market Segmentation in Zelenograd City for Mass Retail Enterprises of

Neighborhood Store Format . — № 2 (22). C. 13—24.

Isachenko A. N., Revyakin A. M. From Matroids in Electrical Engineering and Mechanics Problems to Solutions for Economic Applications . — №3 (23). C. 30—37.

Korotkova T. L. Evolutionary Development of Business Process Modeling in Russia — № 1 (21). C. 43—51.

Korotkova T. L., Mundzhishvili I. I. Taking into Account the Demand for Air Services in the Development of the Airline's Strategy . — №3 (23). C. 38—50.

Kostina G. D., Torgashova A. V. Formation, development and management of the project team based on an integrated approach. — № 4 (24). C. 46—51.

Lukicheva L. I., Alatortseva O. A., Egorycheva E. V., Vendina I. A. Key Success Factors of Science-Based Companies in the Context of the Innovative Economy . — № 1 (21). C. 52—60.

Mashina A. R., Pererva O. L. Competitive Market Strategy for a Communications Equipment Manufacturing Company: Development and Prospects for Change . — № 1 (21). C. 61—66.

Mormul' N. F., Enikeeva S. A. Bills Receivable as Competitive Advantage . — № 2(22). C. 25—29.

Pantukov V. V., Salnikov A. K., Igrunova O. M., Alihashkina N. Gas Container Equipment Positioning Concept Formulation for New Company on Russian Market . — №3 (23). C. 51—60.

Pirogov A. I., Svechnikov N. S., Ustinovich I. V. Dynamics of Railway and Road Transport System Development in Russia . — № 2 (22). C. 30—40.

Pirogov A. I., Svechnikov N. S., Ustinovich I. V. Dynamics of Air and Water Transport Development in Russia — №3 (23). C. 61—75.

Yakushenko K. V. The State of the Single Information Space of the Eurasian Economic Union: Prerequisites for the Creation and Measurement of Development . — № 4 (24). C. 39—45.

Zhuk A., Mrochko L. V., Mrochko O. G. Innovative communication technologies: experience in Russia. — № 4 (24). C. 19—23.

Philosophy: Universe in Man and Man in Universe

Andriyenko O. V., Gorbacheva I. M. Gender Worldview in the Context of Modern Civil Society — 1 (21). C. 81—87.

Andrienko E. V., Gorbacheva I. M. Socio-philosophical aspect of the formation of the professional consciousness

of the individual.— № 4 (24). С. 61—66.

Andriyenko O. V., Yefremenko A. A. Social Mythbuilding and Public Mind Control in the Context of Social Transformations.— №3 (23). С. 76—81.

Azarova Yu. O. Marxism in the Age of New Media (Scientific and Analytical Review) — № 1(21). С. 67—80.

Borisova L. V. Iconicity Category in the Modern Linguaphilosophy.— № 2(22). С. 41—45.

Danielyan N. V. Mind Experiment in Science as Constructive Practice.— №3 (23). С. 91—96.

Dobrynina M.V., Antonov F.S. Liberalization and democratization of the institute of engineering education in the 1990s: trends and contradictions.— № 4 (24). С. 112—118.

Gershunin S. A., Alov A. A. Revolution in Physics of Early 20th Century: Unity of Philosophical Ideas and Scientific Theories — №3 (23). С. 82—90.

Gorbunova E. V., Fateeva K. N., Khaidov S. K. Cartesian Concept of Self-Consciousness in the Light of Nonequilibrium Systems Theory.— № 1 (21). С. 88—92.

Khen Ju. V. Scientific Foundation of Eugenic Project.— №3 (23). С. 122—127.

Klepikova L.V. The problem of deforming the image of collective identity in the era of globalization: features of world and Russian situations.— № 4 (24). С. 89—95.

Knecht N.P. The influence of visual technologies on the formation of gender identity in Soviet and post-Soviet Russia.— № 4 (24). С. 96—105.

Knyazev V. N. Mach's Epistemology Features and Relational World Perception.— №3 (23). С. 97—102.

Lobastov G. V. The Word and its Ethical Sense.— № 2(22). С. 46—57.

Lobastov G.V. The philosophy of Ilyenkov.— № 4 (24). С. 119—130.

Mikhaylina S.A., Khanina A.D. Design in educational technologies of philosophical knowledge.— № 4 (24). С. 106—111.

Molchan E. M. Spiritual and Moral Values in the Cultural and Educational Space of Society — № 1(21). С. 93—100.

Nekrasov A.S. The formation and development of creative-human potential in ontogenesis.— № 4 (24). С. 83—88.

Nikitina S. S., Pankina S. N. Philosophy of Education: Retrospective and Methodological Approaches.— № 1 (21). С. 101—112.

Pankina S. N. Axiological Aspects of Non-State Higher Education in the Context of Globalization, Internationalization and Informatization of the Educational Space — № 2(22). С. 58—70.

Pankina S. N., Rastimeshina T. V. Philosophy of Higher Education in Mid-to-Late 20th Century: Local and International Experience for Non-State Higher Education System.— № 1 (21). С. 113—124.

Pankina S. N., Rastimeshina T. V. Sociocultural dimension of the modern paradigm of private higher education in Russia.— № 4 (24). С. 75—82.

Petrova E. V. Information Ecology in the Digital.— №3 (23). С. 103—108.

Privatova I. Y. Essential, existential and synergistic anthropology VS transhumanism and artificial intelligence.— № 4 (24). С. 131—134.

Rastimeshina T. V., Antonov F. S. The Institutionalization of Democracy in the Context of Democratic Transit: a Critical Analysis of Scientific Approaches.— №3 (23). С. 116—121.

Ravochkin N. N. Law Issues in the Linguistic Philosophy Context.— № 1 (21). С. 125—133.

Ravochkin N. N. The Role of Ideas in Social Change: the Search for New Gnosio-Methodological Reason (Methodology for the Study, Part 1).— №3 (23). С. 109—115.

Ravochkin N. N. The role of ideas in social transformations: the search for new epistemological foundations (research methodology, part 2).— № 4 (24). С. 67—74.

Samokhvalova V.K. The individualistic impulse of the epistemology of Francis Bacon.— № 4 (24). С. 53—60.

Shangina O. V., Romanov F. K., Dumanova N. A. Comparative Analysis of Main Spheres of Public Life in Modern and Soviet Russia: Socio-Philosophical Aspects.— № 2(22). С. 71—78.

Pedagogical Reference System: Education, Upbringing, Personal Growth

Bardushkina I. V., Revyakin A. M. On the Use of Online Courses in Mathematical Disciplines of Universities.— № 1(21). С. 134—139.

Brusnikin G. N., Sokolova N. Yu., Ignatova I. G. Preparation of Presentations to Demonstrate the Results of Student Work on the Information Systems Development (Recommended Practices).— № 2(22). С. 79—89.

Golovleva E. L., Mrochko L. V., Yakovchuk T. G. Psychological Factors of Personality Interaction with Mass Media Content.— № 2(22). С. 90—95.

Gorbacheva I. M., Gorbacheva E. A. The Project Method as the Way of Increasing Academic Autonomy in Students of Non-Linguistic Areas of Training while Studying Foreign Languages.— № 2(22). С. 96—102.

Kalney S. G., Zavialova I. G., Kuznetsov A. P., Andreyanova A. S., Makarova T. S. Correlation Analysis of Accumula-

tive Point-Based System for Mathematical Subjects — № 1 (21). С. 140—148.

Koldaev V. D. Innovative approaches to structuring the content of individual educational training routes. — № 4 (24). С. 142—151.

Korolev V. G., Bardushkin V. V. Level and dynamics of physical fitness of MIET students during competitive selection for the military department. — № 4 (24). С. 136—141.

Makarychev V. A. Towards “Physical Training and Sports” Educational Activities Evaluation by Students . — № 2(22). С. 103—110.

Mrochko L. V., Mrochko O. G., Yakovchuk T. G. Electronic Information Educational Environment of a University: Student Achievement Monitoring (Based on Research Experience) . — № 1 (21). С. 149—154.

Romanenko Yu. M. Students’ Independent Learning Skills as Traditions and Innovations Intersection in Modern Higher Education . — № 2(22). С. 111—116.

Tuarmensky V. V., Kostrova Yu. B., Shibarshina O. Yu. Universities and Technopark Structures: Cross-Country Analysis of Interaction Experience . — № 2(22). С. 117—124.

Personality. Society. State

Chebotareva I. V., Mrochko L. V., Pirogova L. I. Causes and Special Aspects of Protest Moods among Young People . — № 3 (23). С. 145—152.

Dobrynina M. V. Engineering Education as a Factor of Socio-Economic and Political Modernization in Russia . — № 3 (23). С. 128—135.

Dobrynina M. V. The policy of regulating the content of engineering education: educational standards of a new generation. — № 4 (24). С. 164—167.

Dobrynina M. V., Lifintsev V. D. State and Civil Institutions Cooperation in Engineering Education Development: Late 19th & Early 20th Century . — № 2 (22). С. 125—131.

Dobrynina M. V., Nikitina S. S. The Policy of the Russian State in Relation to Engineering Education in the First Quarter of 19th Century: the Struggle of Liberal and Conservative Trends . — № 1 (21). С. 155—167.

Krupyshev R. S. Societal Problems of the Society: Model of Interests . — № 2(22). С. 132—140.

Malashenko T. I. Russian Military-Technical Cooperation in Latin America: Venezuela . — № 3 (23). С. 136—144.

Mrochko L. V., Zhuk A. A., Shimoluk E. S. Criteria for Evaluating the Effectiveness of the Media and Communication as a Social Institution . — № 2 (22). С. 141—146.

Mushta A. A., Rastimeshina T. V. Information and Analytical Competence in the Public Administration Contour: Problematic Aspects and Ways of Improvement . — № 2(22). С. 147—154.

Pudina S. I. Nobility’s Duty in the Latter Half of 17th Century: Main Principles of State Policy — № 2(22). С. 155—160.

Rastimeshina T. V., Antonov F. S. Formation and Development of Civil Society Institutions and their Interaction with the State . — № 1 (21). С. 168—179.

Sevryukova E. A., Bakhtin A. A. Radical Technologies and Everyday Life Arrangement: Ideology of Governance — № 2(22). С. 161—165.

Shishov A. L. A New Cold War Thirty Years Later: A Comparative Analysis Experience. — № 4 (24). С. 153—163.

Troyanovskiy V. M., Zapevalina A. A., Kyaw Naing Soe. Academic Modifications as Required by National Technology Initiative Involving Museum Communication within a Framework of Zelenograd Cluster . — 1 (21). С. 180—186.

Sign and Meaning in the System of Translation as Communication Practice: Proceedings of the Round Table . — № 2(22). С. 166—194.

Innovative Pedagogic Technologies in Teaching Foreign Languages at Technical University: Proceedings of the Round Table . — № 2(22). С. 195—217.

Brief Reports

Bystrov O. F. Comparative Analysis and Selection of Best Leader . — № 3 (23). С. 153—156.

Information

In Memoriam: Eduard Vladimirovich Girusov (1932—2019) . — № 2(22). С. 218.

6th Readings from Descartes — International Research and Practice Conference “Descartes and Contemporary Forms of Scientific Knowledge Transmission” (Invitation Letter) . — № 2(22). С. 219—221.

New Books .

№ 1 (21). С. 187.

№ 2(22). С. 222.

№ 3 (23). С. 157—159.

Memorable and Remarkable Dates

January to March 2019 . — № 1(21). С. 189.

April to June 2019 — № 2(22). С. 224.

July to September 2019 . — № 3 (23). С. 160.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ВНИМАНИЕ! Для публикации статьи в журнале автор оформляет подписку на 2 экземпляра номера, в котором будет опубликована его статья.

ВАЖНАЯ ИНФОРМАЦИЯ! Статьи принимаются в редакцию только при наличии договора о передаче авторского права.

Научный журнал «**Экономические и социально-гуманитарные исследования**» публикует на русском языке оригинальные и обзорные статьи. Верстка журнала осуществляется в издательской системе, функционирующей в сети IBM-совместимых компьютеров. Журнал имеет формат А4 и изготавливается по технологии цифровой печати.

В редакцию предоставляются:

- 1) текст статьи, включая аннотацию, рисунки, таблицы, библиографический список, список авторов и сведения о них, подготовленный на компьютере и распечатанный на лазерном принтере на белой бумаге формата А4 с четким и ясным шрифтом;
- 2) электронный вариант статьи на лазерном диске или USB-флеш-накопителе, подготовленный на IBM PC в формате MS Word for Windows (для иногородних авторов допускается передача электронного варианта статьи по e-mail);
- 3) экспертное заключение, рекомендации кафедры, сопроводительное письмо на официальном бланке (для сторонних организаций);
- 4) лицензионный договор о передаче авторского права в 2 экземплярах.

Основные рубрики:

- экономические науки;
- философские науки;
- социологические науки;
- политические науки;
- исторические науки;
- педагогические науки;
- психологические науки.

Статья должна быть подписана всеми авторами.

Ориентировочный объем публикаций: для статьи — не менее 10 страниц текста и 5 рисунков, для краткого сообщения — до 6 страниц текста и 2 рисунка.

Материал для публикации должен быть собран в один файл с названием **ФамилияИО_Название статьи**.

Оформление первой страницы статьи: индекс УДК; название статьи; инициалы, фамилия автора; название учреждения, где выполнена работа; краткая (но не менее 500 знаков, считая пробелы) аннотация на русском языке; ключевые слова. Далее следует текст статьи.

Содержание статьи должно соответствовать тематическому направлению и научному уровню журнала, обладать определенной новизной и представлять интерес для широкого круга читателей.

Внимание! Редакция должна быть уверена, что ни представленная работа, ни ее части не были ранее опубликованы и не находятся на рассмотрении в других изданиях. Все поступающие материалы проходят проверку в программе «Антиплагиат».

Аннотация (предоставляется на русском и английском языках) должна включать характеристику исследования с освещением его основных вопросов. Рекомендуется использовать отработанные клише: рассмотрены, изучены, представлены, проанализированы, обоснованы, показаны и др.

Ключевые слова или словосочетания (на русском и английском языках) отделяются друг от друга точкой с запятой.

Текст печатается через полтора интервала с размером шрифта не менее стандартного машинописного (Times New Roman, кегль 13). Абзацы отделяются друг от друга одним маркером конца абзаца (применение этого символа в других целях не допускается), ширина отступа (1,25 м) устанавливается в меню Word *Формат* → *Абзац*; набор текста начинается с левого края; по правому краю текст не выравнивается; текст набирается без переносов. Все слова внутри абзаца разделяются только пробелом. Перед знаками препинания пробелы не ставятся, после них — один пробел. Не допускается применение разрядки, псевдографики, а также стилей.

В рукописи должна быть **сквозная нумерация** страниц, рисунков и таблиц.

Рисунки (максимальный размер 13 × 21 см, размер шрифта не менее 9) должны быть черно-белыми, контрастными, читабельными. Каждый рисунок должен иметь подпись. На все рисунки должны быть ссылки по тексту.

Векторные рисунки предоставляются в форматах EPS или CDR (версии не выше Adobe Illustrator CS5, CorelDRAW X3). Текст и линии на рисунке должны быть редактируемыми (текст не «в кривых»).

Полутоновые рисунки (фотографии) принимаются только в градациях серого, могут быть предоставлены в формате TIFF (без компрессии) или в виде оттиска на матовой бумаге (предпочтительный формат 9 × 12). Использование MS Word не допускается.

Бумажные оттиски рисунков должны быть пронумерованы и подписаны (на обороте каждого рисунка разборчиво написать порядковый номер, фамилию и инициалы автора). На иллюстрациях, по внешнему виду которых трудно или невозможно определить их расположение, следует сделать пометки «верх» и «низ».

Таблицы должны иметь заголовки и порядковые номера, на каждую из них в тексте должна быть ссылка.

Для **форматирования текста** не следует использовать повторяющиеся пробелы и знаки табуляции. Необходимо различать дефис (-), знак «минус» (—) и тире (—).

Для математических и химических **формул** следует выбирать шрифт 11 кегля. Пронумерованные формулы (нумеруются только те, на которые есть ссылки в тексте) выносятся отдельной строкой и располагаются по центру. Буквы латинского алфавита набираются курсивом, буквы греческого и русского алфавитов, математические функции $\lim$, $\lg$, $\ln$, $\arg$, const , $\min$, $\max$ и т. д., а также названия химических элементов — прямым шрифтом. Подстрочные и надстрочные индексы должны стоять строго на своих местах и быть размечены (подстрочные помечаются дугой сверху, надстрочные — снизу). Символ не должен сливаться с надсимвольным элементом.

При использовании в тексте **аббревиатур** необходимо давать их расшифровку.

При выборе **единиц измерения** следует руководствоваться утвержденной системой единиц физических величин (см. ГОСТ 8.417-2002).

Географические названия должны соответствовать атласу последнего года издания.

В тексте **ссылки на цитируемую литературу** даются в квадратных скобках. Список литературы оформляется в порядке ссылок на нее по тексту.

Рекомендуется использовать не более 15 (опубликованных) литературных источников.

Библиографическое описание оформляется согласно ГОСТ Р.7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Необходимо указать:

— для **книг**: фамилию и инициалы автора (курсивом), полное название книги, место издания, издательство, год, том или выпуск, ссылку на конкретные страницы;

— для **периодических изданий**: фамилию и инициалы автора (курсивом), название статьи, название журнала, год издания, том, номер, страницы публикации;

— для **материалов конференций, школ, семинаров**: фамилию и инициалы автора, название доклада, время и место проведения конференции (мероприятия), название конференции (мероприятия), город, издательство, год, страницы публикации;

— для **электронных ресурсов**: фамилию, инициалы автора, название, год, номер (если есть), URL, дату обращения.

Список авторов и сведений о них должен содержать:

— информацию о каждом авторе для публикации (на русском языке) — фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы (полное название организации), занимаемая должность, почетные звания и т. п.;

— e-mail для публикации в Интернете.

Необходимо также предоставить контактную информацию (не для публикации) — телефон, адрес электронной почты. В статье, подготовленной несколькими авторами, следует указать ответственного за прохождение статьи, для аспирантов — научного руководителя.

Решение о публикации или отклонении рукописи принимается редколлегией по результатам анонимного рецензирования.

Рукописи, не соответствующие указанным требованиям, редакцией не рассматриваются.

Статьи направлять по адресу: 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ, редакция журнала «Экономические и социально-гуманитарные исследования».

E-mail: esgi.miet@yandex.ru

Подписной индекс 80114

Подписаться на журнал можно по каталогу «Газеты. Журналы» агентства «Роспечать» в любом отделении Почты России

Этические нормы публикационного процесса

Редакционный совет и главный редактор научного журнала «Экономические и социально-гуманитарные исследования» (ЭСГИ) придерживаются принятых международным сообществом принципов публикационной этики, отраженных, в частности, в рекомендациях Комитета по этике научных публикаций (*Committee on Publication Ethics, COPE*), Совета по этике Ассоциации научных редакторов и издателей, а также учитывают ценный опыт авторитетных международных журналов и издательств.

Во избежание недобросовестной практики в публикационной деятельности (плагиат, изложение недостоверных сведений и др.), в целях обеспечения высокого качества научных публикаций, признания общественностью полученных автором научных результатов, каждый член редакционного совета, автор, рецензент, издатель, а также учреждения, участвующие в издательском процессе, обязаны соблюдать этические стандарты, нормы и правила и принимать все разумные меры для предотвращения их нарушений. Соблюдение правил этики научных публикаций всеми участниками этого процесса способствует обеспечению прав авторов на интеллектуальную собственность, повышению качества издания и исключению возможности неправомерного использования авторских материалов в интересах отдельных лиц.

Редакция оставляет за собой право отклонить публикацию статьи в случае нарушения указанных ниже правил.

Принципы, которыми должен руководствоваться автор научных публикаций

Автор (или коллектив авторов) осознает, что несет первоначальную ответственность за новизну и достоверность результатов научного исследования, что предполагает соблюдение следующих принципов:

- авторы статьи должны предоставлять достоверные результаты проведенных исследований; заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы;

- авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в предоставленной рукописи, полностью оригинальны, при этом заимствованные фрагменты или утверждения должны быть оформлены с обязательным указанием автора и первоисточника, а чрезмерные заимствования, так же как плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты,

перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы;

- необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования — в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования;

- авторы не должны предоставлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале;

- качестве соавторов статьи должны быть указаны все лица, внесшие существенный вклад в проведение исследования, при этом среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании;

- если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после ее опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала.

Нарушения публикационной этики

При возникновении ситуации, связанной с нарушением публикационной этики со стороны редактора, автора или рецензента, требуется обязательное расследование. Это распространяется как на опубликованные, так и неопубликованные материалы. Редакционный совет обязан потребовать разъяснения без привлечения лиц, которые могут иметь конфликт интересов с одной из сторон.

Редакция журнала ЭСГИ защищает репутацию авторов и внимательно относится ко всем случаям обнаружения плагиата в статьях. В целях обеспечения объективности редакция тщательно исследует каждый случай и рассматривает аргументы всех заинтересованных сторон.

Прежде чем предпринимать дальнейшие действия, редакционный совет стремится получить максимально точную информацию у авторов спорной публикации или владельцев авторских прав и изучает ее. Решение редакции беспристрастно, объективно и не зависит от третьих лиц.

Редакция журнала ЭСГИ оставляет за собой право не реагировать на обвинения в плагиате, если обвинитель предоставляет недостоверную персональную информацию либо действует в неэтичной или угрожающей форме. Редакция не обязана выносить на обсуждение случаи предполагаемого плагиата лицами, не имеющими к нему прямого отношения.

Ethical Norms of Publishing

Editorial Board and Editor-in-Chief of the journal *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya* (ESGI) are committed to publication ethics principles adopted by international community, notably presented in Guidelines of Committee on Publication Ethics, COPE and of Russian Association of Science Editors and Publishers' Ethics Board; they also take advantage of valuable experience of respected international journals and publishing houses.

In order to avoid unfair practice in publication activities (plagiarism, statement of unreliable information etc.) and to ensure high quality of scientific publications and recognition of authors' scientific results by the public, each member of Editorial Board, author, reviewer, editor, and each of organizations participating in publishing process must observe ethical standards, norms and rules and take all reasonable measures to prevent their violation. The observance of scientific publication's ethical rules by all participants of this process contributes to assurance of authors' intellectual property right, to improvement of publications' quality and eliminates the possibility of author's materials unlawful use for the convenience of particular persons.

Editorial team reserves the right to decide against publication of a paper in the event that below specified rules are violated.

Principles to which the science publication author should comply

Author (or group of authors) is / are aware of his / her / their primary responsibility for novelty and reliability of scholarly results, which is premised on the observance of following principles:

- the authors of a paper must provide reliable results of undertaken study; demonstrably wrong or fabricated statements are unacceptable;
- the authors must guarantee full originality of research results stated in the manuscript they provide, it being understood that borrowed fragments or statements must be presented as citations, with obligatory reference to primary author(s) and source, while excess borrowing, as well as any form of plagiarism, including text copying without source attribution, text

recycling or misappropriation of other's research results, are unethical and unacceptable;

- the contributorship of all persons who influenced in some way or other the study progress, must be acknowledged; notably, the paper must contain references to works relevant to the pursuance of research;

- the authors must not provide to the journal a manuscript sent to another journal and being under consideration there nor a paper already published in another journal;

- all persons who contributed considerably to the pursuance of research must be listed as paper's coauthors, with that it is unacceptable to list among coauthors the persons who did not participate in the research;

- if the author detects significant errors or inaccuracies in the paper on the stage of its consideration or after its publication, he / she must notify the editorial team of that as soon as possible.

Publication ethics violations

Should there be situation related to publication ethics violation on the part of editor, author or reviewer, mandatory investigation is required. This is applicable to published as well as unpublished materials. Editorial Board must require explanation with no involvement of persons who might have conflict of interest with either party.

The ESGI journal editorial team protects authors' reputation and is attentive to all cases of plagiarism detection in the papers. For the sake of objectivity the editorial team investigates thoroughly each case and considers the reasons of all parties involved.

Before taking any future action the Editorial Board endeavors to obtain the most accurate information possible from the authors of publication at issue or from copyright holder and studies it. Editorial team's judgment is impartial, objective and not influenced by third parties.

The ESGI journal editorial team reserves the right to be without responding to plagiarism claims if the accuser provides unreliable personal information or acts in unethical or threatening way. Editorial team has no obligation to submit for discussion the cases of supposed plagiarism not having a direct relationship to it.